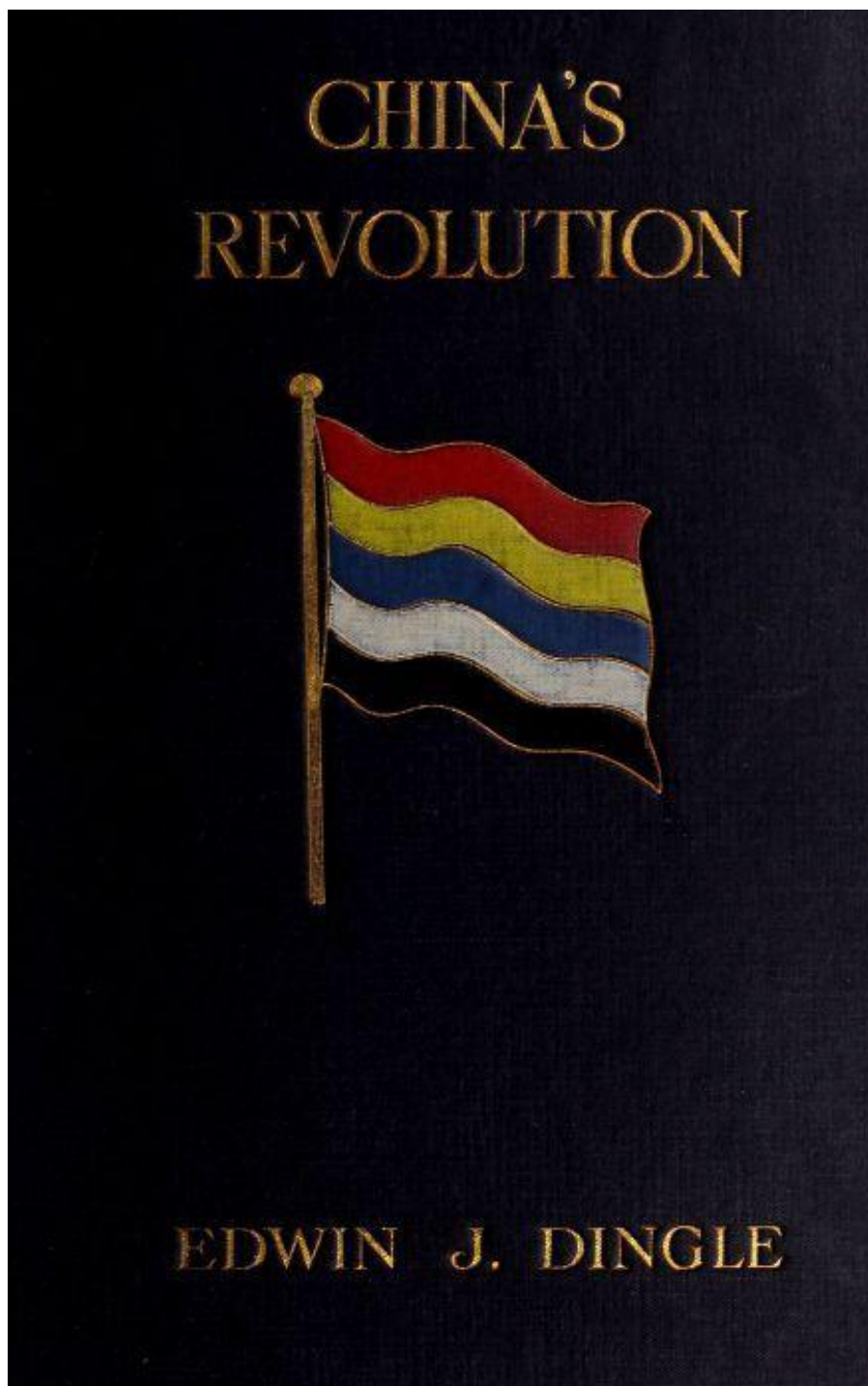

Революция в Китае 1911-1912 гг. Исторический и политический отчет о Гражданской войне

Эдвин Джон Дингл

Электронная книга проекта "Гутенберг" о китайской революции 1911-1912 годов: исторический и политический отчет о Гражданской войне

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Китайская революция 1911-1912 гг.: исторический и политический отчет о Гражданской войне

Автор: Эдвин Джон Дингл

Дата выхода: 19 сентября 2020 г. [Электронная книга № 63233]
Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Втитрах: Продюсер Эл Хейнс

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ, 1911-1912: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ" ***

РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ

GENERAL LI YUAN HUNG, THE LEADER OF THE REVOLUTION.

ГЕНЕРАЛ ЛИ ЮАНЬ ХУН, ЛИДЕР РЕВОЛЮЦИИ НА Фронтисписе.

РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ 1911-1912

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

АВТОР : ЭДВИН Дж . ДИНГЛ

С 2 КАРТАМИ И 36 ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

НЬЮ-ЙОРК
McBride, NAST & COMPANY
1912

(Все права защищены.)

ПОСВЯЩАЕТСЯ ТЕМ, КТО ОТДАЛ СВОИ ЖИЗНИ, И ПАРТИИ "НОВЫЙ КИТАЙ" В НАДЕЖДЕ, ЧТО ИХ
БОРЬБА ЗА СВОБОДУ ВОЗВЕСТИТ О НАСТУПЛЕНИИ ДНЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ Для КИТАЯ. ЭТА
КНИГА ОЗАГЛАВЛЕНА

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Этот том представляет собой популярную историю революции в Китае, вспыхнувшей в Учане, Ханькоу и Ханьяне в октябре 1911 года. Повествование содержит много новой информации, касающейся революционизма в Китае и событий, приведших к нынешней кульминации. Масштабы этой революции, вероятно, пока не могут быть поняты; но эта книга написана в надежде, что она позволит студенту, в остальном необразованному, понять многое из того, что человек впитывает в китайскую жизнь.

Когда разразилась Революция, я жил в Ханькоу. На протяжении всей войны я оставался в Ханькоу, уехав из этого центра в Шанхай в те дни, когда в этом городе проходила Мирная конференция. Я являюсь личным другом лидера Революции генерала Ли Юань Хуна и, в силу того, что все это время располагал большим количеством эксклюзивной информации из-за политического занавеса, вероятно, готов написать об основных событиях Революции в той области, где ее последствия были наиболее заметны. В самый канун Революции одновременно в Англии и Америке была опубликована книга, написанная мной, которая содержит несколько странно пророческих высказываний и даст читателю, который не изучал китайскую политику, общее представление о состоянии страны, когда Революция заставила пелену упасть с глаз ее миллионов людей.^[1]

Я хотел бы с благодарностью поблагодарить за любезные услуги мистера Т. Ф. Милларда, редактора China Press, за разрешение мне бесплатно пользоваться колонками этого журнала. Большая часть моей информации была получена от КПК, хотя многие статьи были написаны мной для этой газеты, пока шла война; но я в значительной степени обязан этой газете также и многими из моих более поздних фактов общего характера.

Особенно я хотел бы поблагодарить преподобного Бернарда Апворда из Ханькоу за помощь, которую он оказал мне во время подготовки этого тома. Глава, озаглавленная "Некоторые факторы революции", принадлежит перу мистера Апворда, как и глава, озаглавленная "Юань Шихкай"; многие иллюстрации, представленные в книге, также являются репродукциями из великолепной коллекции мистера Апворда. Я также выражаю сердечную благодарность мистеру Стэнли В. Боксеру, B.Sc., за рисунки, по которым были подготовлены две карты, представленные в этом томе, и за пояснительную записку, сопровождающую эскизную карту полей сражений.

Возможно, справедливости ради по отношению ко мне следует упомянуть, что из-за отсутствия в Англии у меня не было возможности ознакомиться с корректурными листами до того, как этот том был напечатан.

ЭДВИН Дж. ДИНГЛ.

ХАНЬКОУ, провинция ХУПЭ, КИТАЙ.

April 1 апреля 1912 года.

[1] "Пешком по Китаю: жизнь во внутренних районах и движение за реформы". Henry Holt & Co., Нью-Йорк. 3,50 доллара. J. W. Arrowsmith, Ltd., Бристоль, 16 кв.

Содержание

ГЛАВА

I. РЕВОЛЮЦИЯ

II. ПОСЛЕДСТВИЯ

III. ОБЩИЕ ОЖИДАНИЯ

IV. АМБИЦИИ ГЕНЕРАЛА ЛИ ЮАНЬ ХУНА ОТНОСИТЕЛЬНО НОВОГО КИТАЯ

Против ПРЕЖДЕВРЕМЕННОГО ОТКРЫТИЯ

VI. ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

VII. БИТВА НА ДЕСЯТОМ КИЛОМЕТРЕ

VIII. СОЖЖЕНИЕ ХАНЬКОУ

IX. КРЕПОСТЬ УЧАН

X. ЛИ ЮАНЬ ХУН СТРЕМИТСЯ К МИРУ

XI. ПАДЕНИЕ ХАНЬЯНА

XII. РЕСПУБЛИКА ДОБИВАЕТСЯ ПРИЗНАНИЯ

XIII. МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ —МОНАРХИЯ ИЛИ РЕСПУБЛИКА?

XIV. ПРИХОД СУНЬ ЯТСЕНА

XV. ОТСТАВКА ЮАНЯ ШИХКАЯ

XVI. ОТОЗВАН ДЛЯ СПАСЕНИЯ МОНАРХИИ

XVII. ВОССТАНИЕ В СЫЧУЭ

XVIII. НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ РЕВОЛЮЦИИ

XIX. УКАЗ ОБ ОТРЕЧЕНИИ

XX. ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ГЕНЕРАЛ ЛИ ЮАНЬ ХУН Фронтиспис

ГДЕ НАЧАЛАСЬ КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЗАЛ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ СОБРАНИЙ, УЧАН

ЗАХВАЧЕННЫЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ БОМБ

БРИГАДА БЕЗ ОЧЕРЕДИ

ТИПИЧНЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

СЫРЬЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РЫНОК МИРА

ПОЛЕТ ДЖОНКИ С ОРУЖИЕМ

ЭФФЕКТ МОРСКОЙ БОМБАРДИРОВКИ

ГОТОВ К НЕОЖИДАННОСТЯМ

ВРАГИ ВСТРЕЧАЮТСЯ КАК ДРУЗЬЯ

ТАЧИМЕН, ОККУПИРОВАННЫЙ ИМПЕРИАЛИСТАМИ

СОЖЖЕНИЕ ХАНЬКОУ

ДОРОГА СИНГ СЕНГ

ЧИСЛО ПОГИБШИХ

СБЕЖАЛ ИЗ УЧАНА

ТОММИ АТКИНС НА СТРАЖЕ

КАК ИМПЕРИАЛИСТЫ ПЕРЕШЛИ РЕКУ ХАНЬ

ХУНАНЬСКИЙ СОЛДАТ

СОЛДАТ ХУПЕ

НЕПРИСТУПНЫЙ ХОЛМ ХАНЬЯН

ТРЕХГЛАЗЫЙ МОСТ

ЛОВКИЙ ЧЕЛОВЕК НА БЕРЕГУ

ДЕМОНТИРОВАННАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУШКА НА ПУРПУРНОЙ ГОРЕ, НАНКИН

ВЕЗДЕСУЩИЙ МАЛЬЧИШКА

ДОКТОР ВУ ТИНФАН

ИНЬ ЧАНГ

ТАН ШАО-И

ФЭН КУО-ЧАНГ

ХВАН СИН

ДОКТОР СУНЬ ЯТСЕН

ЮАНЬ ШИ-Кай

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ГРУППА

РЕБЕНОК-ИМПЕРАТОР КИТАЯ

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ГЛАВНЫХ РЕЧНЫХ ВОРОТ ХАНЬКОУ

Карты

РОДНОЙ ГОРОД ХАНЬКОУ, ПОКАЗАНЫ СОЖЖЕННЫЕ РАЙОНЫ

ЦЕНТР УХАНЯ: ЭСКИЗНАЯ КАРТА ПОЛЕЙ СРАЖЕНИЙ

РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ

1911-1912

ГЛАВА I

РЕВОЛЮЦИЯ

История великой китайской революции 1911-12 годов, вероятно, никогда не будет рассказана полностью или точно. Китай - это континент на своей огромной территории. Его население составляет четвертую часть всей человеческой расы. Страна не имеет доступа к автомобильным или железным дорогам, и путешествия в целом трудны и медленны; преувеличение среди людей, как и среди всех жителей Востока, является второй натурой. И поэтому ни один человек не смог бы внимательно проследить, широко и точно написать о Революции, вспыхнувшей в Учане в прошлом году, проследить ее вплоть до настоящего момента и при этом составить четкое политическое и международное представление. Хотя я пытался путем тщательного изучения сосредоточиться на событиях по всей Империи, признаюсь, что я не смог получить безупречную информацию ни о какой части Китая, кроме той, в которой я жил (я говорю о внутренних районах Китая, поскольку было достаточно легко оставаться в курсе событий в главных центрах и портах, подписавших договор, пока телеграфные линии были нетронуты). Если бы существовали автомобильные и железные дороги и какое-либо сообщение, делающее физически возможным передвижение, даже тогда это было бы невозможно; ибо вскоре после революции антииностранный дух был сломлен, а объявленный вне закона во многих частях страны запретил любому европейцу покидать порты, указанные в договоре, — и, конечно, практически всем иностранцам консулы приказали отправляться на побережье. Если бы человек обладал достаточным знанием китайского языка по характеру, было бы глупо формировать свое мнение на основе слухов, которые повсеместно печатались в китайской прессе. И вот так получается, что человек имеет право писать только о тех вещах, которые он видел и делал.

Читателю, если он знаком с Китаем, дальнейшие объяснения не понадобятся, поскольку он легко поймет, что я имею в виду. Он на собственном опыте поймет, какой массой непоследовательности и несоответствий являются Китай и его народ. Но человеку с Запада, который никогда не был в Китае и близко не общался с этим своеобразным народом, возможно, необходимо будет добавить, что жизнь в Китае, во всех ее формах и фазах, таит в себе такую поистине замечательную атмосферу неожиданности, что писать о любом китайском мужчине, женщине, обычае, привычке, месте или вещи можно только обобщая — если только он не вдается в утомительные подробности. Чтобы попасть в очередь, необходимо так сокращать, подрезать и вообще переосмысливать, что, когда человек рассказывает свою историю, кажется, что в ней вообще мало что есть. Но те, кто жил в Китае, знают эти условия. Они впитают в себя

этот непостижимый дух страны, поймут— что написано, и, что еще важнее, магнетически почувствуют то, что упущено из того, что сказал бы автор статьи о китайских делах. Когда, пиша о людях и вещах в Китае, вы думаете, что устранили все очевидные неверные толкования или искаженное представление, вы обнаруживаете, что осталось еще немного подрезать; вы снова подрезаете и в конце концов обнаруживаете, что для западного ума вы часто неверно интерпретируете и искажаете факты просто потому, что опустили то, что вам, с вашими китайскими глазами, казалось неправдой. Вы видите что-то в Китае и думаете, что понимаете это. Вы фиксируете это в своем сознании и говорите себе, что усвоили это, каким бы оно ни было, и что теперь у вас есть окончательная мысль, слово и правильный смысл. Но через некоторое время вы обнаруживаете, что в результате своеобразного процесса китайских национальных искажений, независимо от того, что вы видите, слышите, думаете, во что верите, ваша последняя мысль, слово и правильное значение полностью меняются.

Это, пожалуй, описывает политическую атмосферу во время революции. Во всем воцарились невыносимая неизвестность, ужасный клубок всех национальных дел, каким он еще должен быть в течение очень долгого времени. Поэтому перед человеком, который намеревается написать подробную историю китайской революции и правильно определить влияние одного события на другое в последовательной и правдивой последовательности, сразу же встает трудная задача.

В этой книге автор намеревался рассказать о том, что он увидел и понял, а затем опубликовать тщательно продуманное мнение об общей ситуации и исторический обзор революций и основных событий в Китае, которые привели к Октябрьской революции прошлого года. Эта Революция, хотя и разразилась преждевременно, была прекрасно спланирована. "Движение начало приобретать определенные очертания около пятнадцати или шестнадцати лет назад", - говорит Сунь Ятсен, величайший из китайских революционеров, хотя он интересовался этим движением гораздо дольше. "Три года назад мы были готовы захватить Учан, Кантон и Нанкин, но мы ждали, чтобы получить контроль над пекинскими солдатами. Некоторое время мы работали через студентов. После войны с Японией пекинское правительство приступило к организации своей новой армии, отправляя студентов за границу для обучения командованию армией. Сразу стало ясно, что если бы маньчжуры смогли организовать современную армию и управлять ею, это значительно укрепило бы их позиции, и Революционная партия принялась противодействовать их усилиям. Они работали через студентов, так что, когда они вернулись в Китай, чтобы занять офицерские должности в армии, они пришли как революционеры. Вспышку нельзя было отложить более чем на несколько месяцев, но она произошла раньше, чем ожидалось. Мы знали, что у нас есть Учан, Нанкин и Кантон, но предварительная вспышка была в Кантоне, а затем еще одна прошлым летом. Затем, когда произошла вспышка в Учане, откладывать действия было уже невозможно, поскольку правительство начало бы разоружать солдат, которые сочувствовали нам. В Кантоне они рассеяли наших сторонников по провинции, так что сосредоточить их было очень трудно. Если бы наш первоначальный план был выполнен, боевых действий было бы очень мало. Кантон, Нанкин и Учан спокойно перешли бы к нам, и тогда все войска могли бы двинуться маршем на Пекин, если бы это было необходимо. С нами всегда была половина пекинских войск".

Так заявил Сунь Ятсен — и нет никаких сомнений в том, что он был прав. Непоправимое до сих пор подавление индивидуальных качеств и национальных устремлений народа остановило интеллектуальное, моральное и материальное развитие Китая. Была призвана помощь

революции, чтобы искоренить первопричину, и теперь Китай провозгласил свержение деспотического правления Маньчжурской династии и установление Республики. Замена монархической формы правления Республикой не была плодом преходящей страсти; это был естественный результат давно лелеемого стремления к широкой свободе, обеспечивающей постоянное удовлетворение и непрерывный прогресс. Это было официальное волеизъявление китайской нации.

В манифесте, обращенном ко всем дружественным народам Китайской Республики, когда Сунь Ятсен был назначен временным президентом, было заявлено, что "мы, китайский народ, миролюбивы и законопослушны. Мы не вели войн, кроме как в целях самообороны. Мы терпеливо переносили наши обиды в течение двухсот шестидесяти семи лет неправильного правления маньчжуров. Мы мирными средствами пытались исправить причиненные нам обиды, обеспечить нашу свободу и обеспечить наш прогресс, но нам это не удалось. Угнетенные сверх всякой человеческой выносливости, мы считали своим неотъемлемым правом, а также священным долгом взяться за оружие, чтобы освободить себя и наших потомков от ига, которому мы так долго подвергались, и впервые в нашей истории бесславное рабство превратилось во вдохновляющую свободу, великолепную в ярком свете открывающихся возможностей. Политика Маньчжурской династии была политикой недвусмысленного уединения и непреклонной тирании. Из-за этого мы горько страдали, и теперь мы представляем свободным народам мира причины, оправдывающие Революцию и инаугурацию нашего нынешнего правительства. До узурпации трона маньчжурами земля была открыта для иностранных сношений, и существовала религиозная терпимость, о чем свидетельствуют труды Марко Поло и надпись на несторианской табличке из Сянь-фу. Находясь во власти невежества и эгоизма, маньчжуры закрыли свою страну от внешнего мира и ввергли китайский народ в состояние невежественного менталитета, рассчитанного на то, чтобы действовать вопреки своим природным талантам и возможностям, совершив таким образом преступление против человечества и цивилизованных наций, которое почти невозможно искупить".

WHERE CHINA'S REVOLUTION STARTED.

This picture of Wuchang gives a good idea of the type of buildings seen in a Chinese city. Six hundred Manchus perished in Wuchang during the early days of the slaughter.

ГДЕ НАЧАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ В КИТАЕ.

Эта фотография Учана дает хорошее представление о типе зданий, которые можно увидеть в китайском городе. Шестьсот маньчжуров погибли в Учане в первые дни резни.

И не может быть никаких сомнений в том, что, движимые постоянным желанием подчинить китайцев, порочной жадой возвышения и богатства, маньчжуры управляли Китаем к длительному ущербу для народа, создавая привилегии и монополии и возводя вокруг себя барьеры отчуждения в национальных обычаях и личном поведении, которые строго поддерживались на протяжении веков. Они взимали с китайцев нерегулярные и нездоровые налоги без их согласия, ограничивали внешнюю торговлю портами, входящими в договор, накладывали подобные эмбарго на транзитные товары и препятствовали внутренней торговле. Они затормозили создание промышленных предприятий, сделали невозможным освоение природных ресурсов и умышленно пренебрегли защитой корыстных интересов. Они отказывали народу в регулярной системе и беспристрастном отправлении правосудия; применяли необычные и жестокие наказания ко всем лицам, обвиняемым в правонарушениях, будь то невиновные или виновные; и часто посягали на священные права китайцев без надлежащей правовой процедуры. Они потворствовали коррупции чиновников, продавали офисы тем, кто предлагал самую высокую цену, и ставили заслуги во главу угла влияния. Они неоднократно отвергали самое разумное требование китайского народа об улучшении управления и неохотно уступали псевдореформам под самым настоятельным давлением, давая обещания без намерения их выполнять.

Таким образом, манифест выявил слабые места в политике маньчжурского правительства. И далее в нем говорилось: "Чтобы исправить это зло и сделать возможным вступление Китая в семью наций, мы боролись и сформировали наше правительство; чтобы наши благие намерения не были неправильно поняты, мы сейчас публично и безоговорочно заявляем, что нашими обещаниями являются следующие: —

"Все договоры, заключенные Маньчжурским правительством до даты Революции, будут действовать непрерывно вплоть до момента их прекращения; но все без исключения договоры, заключенные после начала Революции, будут аннулированы.

"Все иностранные займы или компенсации, понесенные Маньчжурским правительством до Революции, будут признаны без каких-либо изменений условий; но все платежи, произведенные Маньчжурскому правительству после начала революции, будут аннулированы.

"Все уступки, предоставленные иностранным государствам или их гражданам Маньчжурским правительством до Революции, будут соблюдаться, но все без исключения, предоставленные после начала Революции, будут аннулированы.

"Все лица и собственность любого иностранного государства, находящиеся в пределах юрисдикции Китайской Республики, будут пользоваться уважением и защитой.

"Нашей постоянной целью и твердым стремлением будет построить на стабильном и долговечном фундаменте национальную структуру, совместимую с возможностями нашей страны, которой долгое время пренебрегали.

"Мы будем стремиться возвысить наш народ, обеспечить ему мир и принять законы для его процветания".

На данном этапе было бы бесполезно исследовать, насколько далеко были достигнуты эти идеалы. Пока еще не было времени для проведения глубоких национальных реформ, и в задачи этой книги не входит углубляться в политические реалии. Но никто, понимая теперь, что маньчжурское правление в Китае ушло навсегда, не усомнится в том, что при таких превосходных качествах здравого смысла и выдающейся трудолюбивости, которыми обладают китайцы, мы увидим движение нации, которое может сдвинуть с места весь мир. Несомненно, наступит день, возможно, не такой уж далекий, когда западный наблюдатель оглянется вокруг и увидит земной шар, опоясанный неразрывными узами китайских народов, уже не слишком слабых для агрессии, но независимых во всех сферах национальной жизни. Они будут приняты на равных в социальные отношения белых рас. Сейчас они борются между собой, прося лишь о том, чтобы им позволили вести свои собственные гражданские баталии и распоряжаться своими собственными гражданскими делами. Они будут совершать ошибки, но, вероятно, извлекут из них выгоду. Настанет день, когда китайцы больше не будут сталкиваться локтями со своими более надменными западными соседями, но, возможно, вместо этого мы окажемся втянутыми в нелегкую международную и коммерческую конкуренцию с людьми, на которых не так давно мы смотрели свысока, как на раболепствующих и считали пригодными только для удовлетворения наших потребностей ручными способами. Однако проблемы, которые маячат на пороге будущего этой недавно эмансипированной расы, превосходят по масштабам все, с чем цивилизации приходилось сталкиваться до сих пор. Есть четкие признаки прогресса, но они еще недостаточно ясны. Фарфор должен быть переделан, и те, кто участвует в проекте, могут допустить ошибку из-за разнообразных моделей, которые у них есть на выбор.

Мы уверены в определенных фазах развития. Мы можем указать пальцами на определенные моменты в национальной пропаганде Китая и с уверенностью сказать, что такой-то линии обязательно последуют, такое-то событие обязательно произойдет. Но, вообще говоря, Китай - страна непонятная; лучший совет, который можно дать, - это "подождать и посмотреть".

ГЛАВА II

ПОСЛЕДСТВИЯ

Однако одной из почти несомненных особенностей эффекта Революции станет увеличение внешней торговли Китая — вероятно, на 100 процентов, - говорит Сунь Ятсен.

1913 год должен ознаменоваться таким скачком в коммерческом развитии Китая, какого мир еще никогда не видел. 1912 год, вероятно, будет годом волнений и неопределенности. Формирование постоянного правительства и выборы Кабинета министров, отправка компетентных должностных лиц в отдаленные места и искоренение беззакония в провинциях станут большой программой на этот год — если она будет выполнена. Но в 1913 году и в последующие годы, вероятно, произойдет удивительно быстрый рост экспорта и импорта. Китай сдерживался от всего иностранного достаточно столетий, но за последние два десятилетия были посеяны семена для такого урожая торговли и коммерческого процветания, который заставит фабрики Запада усердно работать, чтобы справляться с требованиями, — то есть, если торговцы Запада быстро воспользуются своими шансами, как только они появятся. И в этой книге автор считает, что на данном этапе, когда английским и американским торговцам предоставляется возможность вступить во владение торговлей, которую Китай готов развивать, было бы неплохо поговорить о коммерческих возможностях, которые откроет следующее десятилетие.

Читатель, вероятно, поймет, что, несмотря на огромный иностранный импорт, который в течение многих лет поступал в Китай, еще не произведено и десятой доли торговли, которая будет произведена с открытием страны, которое теперь почти неизбежно последует. Рынок Китая огромен. Возможности шире, чем может представить среднестатистический домашний производитель. От Китайского моря до границы с Британской Бирмой, от южного порта Кантон через все частично открытые восточные провинции, через всю чудесную долину Янцзы до практически нетронутого запада и дальше, в недавно затронутые районы, где все жители стремятся покупать иностранные товары, для иностранного производителя открываются беспрецедентные возможности. Любой, кто проявлял разумный интерес к торговле Китая с зарубежными странами, должен был быть впечатлен тем фактом, что она не импортировала и сотой доли того, с чем могла бы легко справиться. И если бы он внимательно изучил какой-либо конкретный район, где производился некоторый иностранный импорт или была создана иностранная промышленность, и понаблюдав за феноменальным коммерческим ростом в этом конкретном районе, он немедленно получил бы некоторое представление о далеко идущих возможностях расширения внешней торговли в Китае.

Даже недавние изменения в одежде, вызванные революцией, показали огромный спрос на переодевание китайцев; с окончанием очереди они отказались от маленькой круглой маньчжурской шляпы, изделия, производимого почти исключительно в Китае. Сразу же возник спрос на иностранные шляпы; сразу же была налажена торговля, в страну поступили все виды, условия и формы иностранных головных уборов - войлочные, матерчатые шапки и все виды; они продавались сотнями тысяч, и кто-то должен был их поставлять. Китай, во всяком случае, не мог их производить; для нее это было что-то совершенно новое; они должны были прийти извне. Япония наблюдала. Она наладила торговлю и за два месяца практически заново завоевала Китай. Но это всего лишь пример; можно привести еще много примеров, чтобы показать, с

какой скоростью происходят коммерческие изменения. Совершив более чем семитысячелетнее путешествие по Китаю, в основном вглубь страны, где влияние порта по договору ощущается меньше всего, автор некоторое время назад изучил коммерческий аспект вещей и то, как далеко современный дух проник внутрь страны, специально для того, чтобы выяснить, какое место занимает британский торговец в деловой жизни страны. Эта глава, следовательно, должна представлять особый интерес, поскольку в ней представлены точные данные, почерпнутые за два с половиной года путешествий по многим частям Китайской империи, где путешественник до сих пор является для китайцев чудом из чудес. В Китае, даже в отдаленных уголках страны, можно найти жизнь, бизнес, процветание — странное смешение западных идей с восточными. Четыреста миллионов человек во всех смыслах должны стать цивилизованными. Они стремятся войти в строй и хотят приобрести оборудование. Их потребности делают Китай крупнейшим рынком сбыта в мире. Им нужно все - железные дороги, машины, инструменты, оружие, корабли и многое другое. То, что предстоит совершить беспрецедентно крупную сделку, должно быть немедленно признано. За последнее десятилетие, если не думать о Революции, внешняя торговля Китая удвоилась; в следующем десятилетии, если воцарится мир, она должна быть утроена, и хотя нельзя игнорировать тот факт, что при обычных условиях прогресса Китай должен в конечном итоге стать серьезным соперником западных стран как индустриальной державы, этот день еще не близок. Она должна быть потрясающим покупателем, прежде чем сможет надеяться стать серьезным конкурентом.

Но, я думаю, нет необходимости углубляться в этот вопрос. Стране просто нужно восстановить свое нормальное состояние, и мы увидим, как торговля растет не по дням, а по часам. Я говорю просто для восстановления его нормального состояния по этой причине: пока сохраняется преобладающая неопределенность, нельзя ожидать постоянного увеличения торговли, но пусть будет какая-то стабильная форма правления, и мы увидим, как Китай восстановит силы и чудесным образом снова начнет торговлю. Ни один народ не обладает такой способностью к восстановлению. Ни один народ не обладает такой способностью к адаптации. И в эпоху развития торговли, на пороге которой мы сейчас стоим, мы можем с уверенностью ожидать, что сезон иностранных коммерческих предприятий, вероятно, закончится во всех частях Китая. В условиях возросшего спроса на шерстяные изделия, на инженерное оборудование всех видов, особенно на оборудование для горных работ, на железнодорожные припасы, на тысячи предметов повседневного обихода, моторные лодки и все разнообразие принадлежности, необходимые для того, чтобы поставить древнюю нацию на фундамент современной цивилизации, возникнет такой спрос, что даже эпоха коммерческого прогресса Японии померкнет.

Обмен состоится. Позвольте столь многому быть дарованным. Следующий вопрос заключается в том, кто должен это получить и как это получить?

Я не производитель и не трейдер и не могу глубоко вдаваться в детали того, как следует продвигать бизнес. Но я много повидал в Китае, внимательно наблюдал за методами, принятыми различными международными организациями в различных частях Империи, и, возможно, мои замечания по этому вопросу пробудят британских и американских трейдеров к осознанию открывающейся перед ними возможности. Некоторое время назад, размещая рукопись предполагаемой работы о Китае, издатель сказал: "Что люди хотят знать, так это как увеличить свою торговлю — они не столько хотят знать о физических характеристиках страны и

людей, сколько о том, как увеличить свою торговлю. Напишите книгу о том, как можно улучшить торговлю, и ваша книга будет продаваться ". Но вполне вероятно, что те, кто охотнее всего купил бы и прочитал такую книгу, были бы конкурентами британца.

Теперь, что касается реальных торговых преимуществ, о британцах можно сказать, что они обладают наивысшим возможным преимуществом перед другими нациями; это преимущество заключается в том факте, что они пользуются доверием народа. Ни одному иностранцу, будь то купец, миссионер, путешественник или чиновник, в Китае не доверяют так, как британцу. Я говорю это без намерения задеть чью-либо восприимчивость. В торговле китайцы верят в англичан, они верят в их товары; в Революции солдаты поздравили бы вас от всего сердца, если бы знали, что вы англичанин, сказав вам, что лучше вас нет в мире. Они могут быть правы или нет, я просто записываю то, что они говорили, и это справедливый образец общего мнения простых людей. Но, несмотря на это преимущество, вдумчивому исследователю китайских дел очевидно, что среди британских торговцев в целом существует острая потребность "проснуться". Я британец, и, возможно, от природы быстро замечая, где британские торговцы терпят неудачу, где их обгоняют в гонке за торговлей на этой многообещающей земле. Я знаю, что найдутся многие, кто сразу же попросит меня обратиться к судоходству в Шанхае, в Тяньцзине, в любом из портов, и заметит преобладание британского судоходства. Мне скажут, что Великобритания по-прежнему контролирует большую часть торговли с Китаем и что нет необходимости опасаться за будущее. Но у этой истории есть и другая сторона.

Отправляйтесь в любой день на набережную в Ханькоу или Шанхае; понаблюдайте за прогрессом, которого добивается и Япония. Отправляйтесь в городские кварталы и понаблюдайте за успехами маленьких смуглых человечков из страны Восходящего Солнца и понаблюдайте за их методами; пробежитесь глазами по офисам, сотрудники которых работают усерднее и дольше всех — по немцам; будьте в курсе текущих событий в области экспорта и импорта, и вы обнаружите, что, даже если он удерживает объем торговли, который он удерживал годами, британец ни в коем случае не осваивает новые направления торговли так быстро, как его конкуренты. В прошлом ни одна нация не сделала так много для истинного развития Китая, как британцы. Британцы заложили фундамент, посеяли семена, и только их заслуга в том, что они должны пожать урожай, который сейчас у них под рукой. Но в период, в течение которого торговля Китая так феноменально продвинулась вперед, со всех сторон раздались крики о том, что британия не только теряет контроль над ростом торговли Китая на заре его коммерческой деятельности, но и буквально уступает место Германии, и что потребуются всего несколько лет, чтобы доказать, что Великобритания занимает позицию относительно ближе к концу списка стран, которые вносят свой вклад в торговлю.

Я не первый писатель, который оплакивает потерю британской торговли. Но в то же время я не вижу никаких причин, по которым британский торговец не мог бы легко поддерживать неограниченное торговое превосходство в Китае. Для этого нужно лишь немного больше энергии, более проницательный взгляд, более быстрая адаптация бизнеса к потребностям, поддержание коммерческой бдительности там, где бизнес имеет тенденцию к росту. Конкуренты Великобритании не имеют никаких преимуществ; в долгосрочной перспективе они не смогут поставлять на рынок товары лучшего качества — Япония, самый серьезный конкурент, безусловно, производит товары более низкого качества в больших объемах и повсюду наводняет страну дешевыми и отвратительными товарами, но товары британского производства всегда будут занимать свое место рядом с товарами любой другой страны. И для

британского торговца, который в Китае, как и в большинстве других торговых сфер, почти всегда поглощал внешнюю торговлю, не имеет большого значения, говорят ли люди, что он теряет торговлю, — до тех пор, пока это не так. Так всегда было, когда Британия была на первом месте, а остальные нигде. Британец хорошо зарабатывает, имеет налаженные связи, является жизнью и душой социального сообщества, выполняет достаточное количество заказов в домашних фирмах и доволен. Но ни один здравомыслящий англичанин, независимо от того, насколько оптимистично он может смотреть на общую ситуацию в торговле Великобритании с Китайской империей, не может отрицать, что британская торговля не расширяется пропорционально тому, что должно быть сделано, и тому, что делают другие. Это не пессимизм. Оптимизм - лейтмотив британского коммерсанта, и доходы Великобритании от экспорта и импорта в торговле с Китаем превышают показатели любой другой страны. Но очень могущественные соперники — Германия и Япония, более могущественные, чем готовы признать сами британские торговцы, — находятся на поле боя и сражаются так, что мы не можем позволить себе игнорировать это.

Возьмите Германию на первое место. Успех Германии неоспорим. Это очевидно для всех. Немецкие торговцы есть в каждом порту. В настоящем внутреннем Китае, вдали от проторенных дорог, я не помню, чтобы когда-либо встречал хоть одного британского коммивояжера — немцев я встречал часто. Они уходят в переулки, ускоряя торговлю и создавая новую торговлю, подвергая себя неудобствам и напряжению для получения заказов и, во многих случаях, испытывая величайшее физическое напряжение в путешествиях для получения бизнеса. Однажды я встретил человека недалеко от границы с Британской Бирмой; он проехал прямо через Китай и несколько месяцев отсутствовал в своем деловом центре в Шанхае, а затем направлялся в Рангун и вокруг Шанхая морем потому что это был более легкий и быстрый обратный путь. Возможно, это единичный случай, но из него можно судить, что немецкие торговцы, делая все возможное в качестве импортеров товаров, которые люди хотят покупать, размещают своих представителей подальше от торговых центров, чтобы показать людям, на что они способны. В Тяньцзине за последние несколько лет немцы стали серьезным соперником. Торговля Германии в этом важном северном порту сейчас, вероятно, равна торговле Великобритании. В Восточной Сибири немецкий, по сути, является деловым языком, но для немца, в отличие от беспечного британца, не имеет значения, где он находится в Китае, первое, что он делает, - это получает практическое знание языка, что в Китае имеет гораздо большее значение, чем кажется на первый взгляд. Немец преуспевает не за счет политического влияния, не за счет тарифов или закулисных методов, а за счет чисто делового применения и выстраивает обширную схему, основанную на здравых принципах, чтобы захватить львиную долю растущей торговли, которая будет идти в Европу, и вырвать у британца значительную долю того, что всегда принадлежало ему. Средний немец читает о Китае — о его истории, о физических особенностях страны, о людях в глубине страны и о жизни, которой они живут, о том, что у них есть и чего они хотят. Англичанина это не беспокоит. Он редко изучает язык, небрежно относится к тому, чтобы узнать что-либо о стране, если только это не связано со спортом, и так далее.

Другим опасным соперником является Япония. Если бы кто-то стал вдаваться в подробности и писать о японских методах ведения бизнеса, вполне вероятно, что многое из этого впоследствии было бы замалчивано. Японец, занимающийся бизнесом в Китае, не является воплощением чести. За ним нужно присматривать. Здесь невозможно подробно говорить о беспринципной и теневой тактике, применяемой в Китае — и особенно на севере и в Маньчжурии — японскими торговцами. Все они кажутся одинаковыми, все наделены этим

тайным клановым духом, пронизывающим все восточные нации, с большой примесью какой-то особой добродетели беспринципности, и они поставили себя в положение наиболее привилегированной нации в Китайской империи. Япония решила добиться торговли любыми средствами. Однажды во внутреннем китайском городе, где двери были закрыты для внешней торговли, я увидел, что самый большой магазин на улице был японским. Бизнес там не ведется, говорят, в целях самообороны, но шоу проводится для того, чтобы товары того же рода можно было получить из Токио! Японец присутствует во всем, он повсюду — чтобы быть первым, он идет на уступки, потому что ему нечего терять в репутации. И все же, по его собственному мнению, он так же хорош, как самый воспитанный европеец, и он дает вам это понять. Однако ни один человек, не ослепленный предрассудками, не может изучать прогресс Японии в Китае, не может смотреть на ее удивительный национальный прогресс ни с восхищением, ни с уважением. Я встречался с ним во внутренних районах, в Юньнани и Сычуэ, где он тихо искал полезные ископаемые, осваивал золотые прииски и железные пласты, которые лежат в запустении, искал лучшие центры для открытия торговли, выяснял, на что есть спрос, и отмечал стратегические центры, откуда его торговля может вестись в ущерб всем. Японец, как я уже говорил, присутствует везде и во всем — однако ему редко можно доверять.

Но независимо от того, сколько соперников, я думаю, что ни у одной из двух стран нет лучших перспектив для обеспечения новой торговли Китая, чем у Великобритании и Соединенных Штатов. Однако для этого нужна бдительность.

ГЛАВА III

ОБЩИЕ ОЖИДАНИЯ

С открытием Китая как республики прогресс в образовании, несомненно, будет колоссальным. Миссионеры, вероятно, найдут для себя все более широкое поле деятельности. У миссионеров и педагогов будут более развязаны руки, и их повсюду будут больше уважать. Они будут играть более чем когда-либо возрастающую роль в возвышении людей. Лорд Уильям Гаскойн-Сесил указал, что если Запад хочет спастись, он должен осветить Китай, и он говорит, что до тех пор, пока эта огромная страна не достигнет того же уровня, что и мы, мы должны претерпеть процесс деградации. Наша цивилизация выросла, как и наши старые города, под сенью Церкви; вы увидите в любой стране христианского мира деревню, сгрудившуюся вокруг церкви, а город - вокруг собора. В последние годы трубы больших фабрик были затянuty промышленным дымом; тем не менее, они оставили свой след как в нашей цивилизации, так и в наших ландшафтах. Но теперь страна, которая ничего не знает о церкви или соборе, вступает в эту цивилизацию, и церковь и собор становятся объектами археологического интереса и не более того, если, конечно, Церковь не воспользуется случаем и не завоюет индустриальный Китай, который угрожает Западу.

"Я имею в виду, - сказал лорд Уильям Сесил, - не только отправку миссионеров, но и обучение будущих правителей этого великого индустриального народа истине и ценности христианской цивилизации. Пессимист говорит, что это невозможно, и, таким образом, звучит похоронный звон по нашему социальному законодательству; но христианин говорит, что мир создан для прогресса, и присоединение Китая к нашей цивилизации - это наша возможность сделать мир счастливее. Если бы мы могли в этот момент помочь китайцам оценить высокие принципы, лежащие в основе нашей западной мысли, Китай мог бы стать счастливым благодаря яркому свету христианской цивилизации, а мир был бы спасен от катастрофы, связанной с переходом лейбористов из христианского статуса в полу-восточный".

И хотя падение маньчжурской династии откроет путь к реальному прогрессу в этой стране, мы должны согласиться, что есть бесконечный пафос в Ребенке-императоре, невежественном, невинном, отрекающемся от трона, который завоевали его предки, всего лишь пешке в игре между китайцами и маньчжурами. Но каким бы трогательным ни был этот инцидент, мы не должны позволять его пафосу заслонять в наших умах его более важные аспекты; мы должны учитывать не только отречение императора, но и разрушение традиционной и искусственной китайской цивилизации перед мощной цивилизацией Запада. Огромный Китай с его четырехсотмиллионным трудолюбивым населением, с его неисчерпаемыми запасами угля, железа и других полезных ископаемых, с его традициями конфуцианства, даосизма и ламаизма стал частью западной цивилизации, причем очень значительной.

Мы действительно, в течение жизни нашего поколения, наблюдаем за творением истории, замечательной по своим возможностям. Следующая цитата цитируемого писателя может оказаться в высшей степени пророческой:—

"Мы открываем новый том мировой истории — том, в котором могут быть написаны странные и ужасные вещи; том, который, с другой стороны, может содержать более яркую историю, чем любой из нас считает возможным. Как хочется прочесть этот том в том виде, в каком он будет написан историком сто или двести лет спустя! Будет ли это звучать так: "С этого времени положение рабочего класса Европы начало неуклонно ухудшаться, и хотя близорукие государственные деятели двадцатого века не смогли этого оценить, это было неизбежным результатом увеличения численности трудящихся мира, замечательной своей трудолюбием и настолько привыкшей к бедности, что ее рабочие с радостью подчинились условиям, от которых западные рабочие естественно и справедливо отказались"? Или это будет звучать так: "Пришедшее в упадок христианство Запада, развращенное роскошью, разделенное межконфессиональными распрями, получило новую жизнь под влиянием более искреннего китайского христианства, прошедшего суровую школу преследований и получившего толчок в результате великого политического переворота, который привел к низложению маньчжурского императора"?"

Мы не можем взять в руки этот том, мы не можем дочитать до конца; мы должны ждать, пока год за годом переворачиваются страницы, но мы сделаем все возможное, чтобы оценить важность этой страницы современной истории.

Китай сейчас на наших глазах претерпит социальную, коммерческую и образовательную трансформацию, и события в основном будут происходить так быстро, что если кто-то хочет зафиксировать исторический ход событий в своем сознании, необходимо сразу же прочитать, что произошло. Как только проходит какое-либо национальное событие, оно быстро

возвращается в историю. Мы не успеваем за всем происходящим. Изменения проходят незамеченными даже для нас, живущих в Китае, по большей части. Лицо Китая, пока мы на него смотрим, приобретает новый облик.

Хорошо, что мы читаем о событиях, приведших к этой великой переходной эпохе.

ГЛАВА IV

АМБИЦИИ ЛИ ЮАНЬ ХУНА ОТНОСИТЕЛЬНО НОВОГО КИТАЯ

"У нас больше не будет правления маньчжуров.

"Китай должен быть Республикой, основанной на принципах, установленных Соединенными Штатами Америки. Соединенные Штаты Китая должны быть открыты со всей возможной скоростью, и для достижения этой цели необходимо приложить совместные усилия с участием китайского и иностранного капитала, китайской и иностранной рабочей силы.

"Конфуцианство, вероятно, станет национальной религией, но лично я выступаю за то, чтобы доктрина христианства провозглашалась повсюду в Китае и поощряла приток большего числа миссионеров в нашу страну.

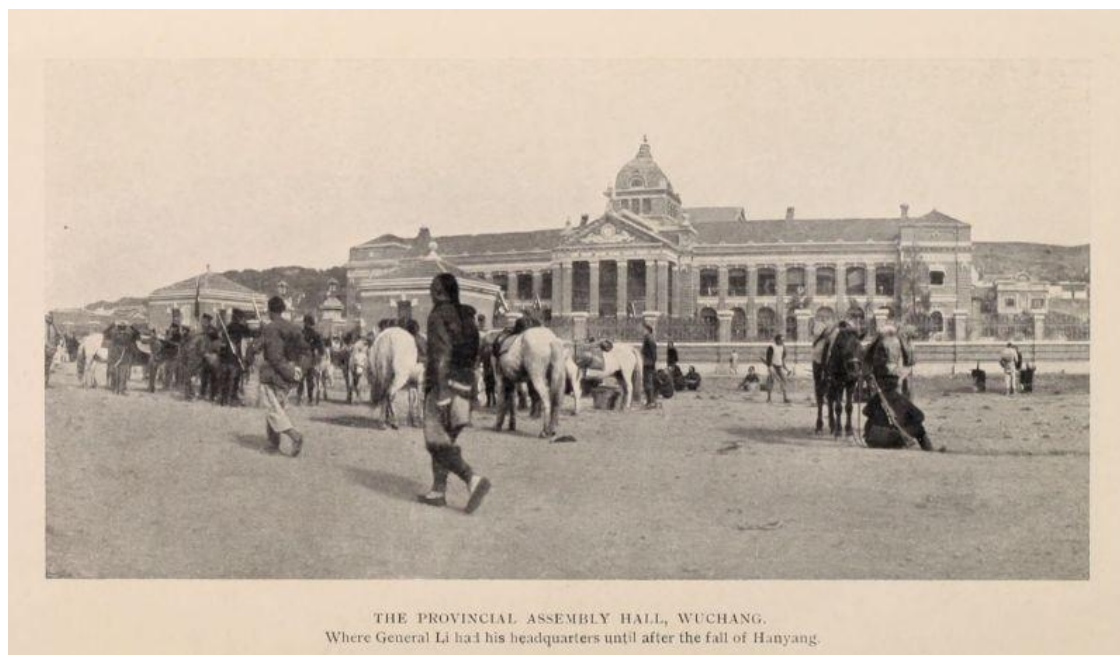
"Я желаю, чтобы форма правления после упразднения маньчжурского правления не претерпела значительных изменений, чтобы не было нарушения торговли и сношений, а также дипломатических связей Китая с Империей и с зарубежными странами".

Это практически исчерпывает главное заявление, сделанное мне самому в понедельник, 20 ноября 1911 года, генералом Ли Юань Хунгом, лидером Китайской революции. Моя привилегия побеседовать с генералом была исключительной. Мне выдали специальный пропуск, и я получил привилегию ходить туда, куда мне заблагорассудится в Учане, городе, где вспыхнула Революция, и делать почти все, что мне заблагорассудится, будучи первым, кто добился эксклюзивной беседы с его Превосходительством с момента начала Революции.

Революция в Китае - одна из самых захватывающих эпох в мировой истории. Если бы не было Ли Юань Хуна, чье имя сегодня известно в цивилизации повсюду, революции, вероятно, не было бы. История может доказать, что Ли Юань Хун был величайшим реформатором, которого Китай дал миру. Его удивительно разумному управлению и его чистому примеру для людей, которыми он руководил, обязаны перемены, которые так быстро привели Новый Китай к полному доминированию на политической арене Востока и Запада. Подняться из полной неизвестности в

жизни нации к высшей точке политической славы редко дано какому-либо человеку. Изменить все тенденции национальной жизни народа редко дано одному человеку. Но ни один человек в истории не был способен заново сформировать социальное и политическое мировоззрение четверти всего человечества, как это сделал Ли Юань Хун, когда возглавил китайскую революцию. Он показал себя уникальным человеком в глазах всего мира, самым эффективным реформатором своего поколения в любой стране.

В тот день, когда я отправился на беседу с Ли Юань Хунгом, Учан, столица провинции Хупэ, которая восстала до последнего человека, имел все признаки победы; и, несмотря на незначительные неудачи, которые Республиканская армия терпела в течение нескольких дней в столкновениях с Императорской армией, посланной из Пекина под командованием генерала Инь Чана для подавления восстания, я обнаружил, что в городе у людей было бесконечно больше надежды и бесконечно большее доверие к своему лидеру, чем в первые дни Революции. Чувствовалось, что он прикоснулся к основам человечества, вступил в схватку с народом, который с одной поставленной целью изо дня в день шел вперед, чтобы выполнить настоящую работу по возвращению Китая для китайцев. Проходя по улицам, вокруг фортов, среди людей, которые ценой своей жизни были готовы купить свободу для охваченного маньчжурией Китая, понимаешь, что эта часть китайской нации, до сих пор безмолвная, как некое огромное спящее чудовище, внезапно обрела голос и решительно отправилась рассказывать миру, что она намеревалась делать. Вокруг одного шла гражданская война, которая должна была решить огромные ставки. В мире и раньше было много гражданских войн — "Война алой и Белой розы" и многие другие, имевшие свое историческое значение, — но по мере того, как смотришь на такую великую страну, как Китай, и на народ, составляющий четверть человеческой расы, постепенно в сознание приходит тот факт, что эта гражданская война имела значение, которое, возможно, не принадлежало никому другому. Это было похоже на войну веры с неверием. Чувствовалось, что он встречал людей, которых интересовала только реальная сущность правосудия и реформ, которые должны были регулировать глубоко идущие интересы четырехсот миллионов людей — следует понимать, что речь идет именно о лидерах. И это самое реальное в этой народной революции — наведение порядка и правильного правительства. Генерал Ли Юань Хун, казалось, был великим национальным плотником, который теперь брал необработанные деревья, придавая им форму, предназначенную для реального использования. Таково было мое первое впечатление об этом человеке, ибо своим чрезвычайным спокойствием, своим практическим взглядом на вещи — было почти невозможно представить простого военного, способного на такое терпение в условиях крайнего умственного и физического напряжения, — он показывал миру, что он прирожденный лидер. Генералу Ли было около сорока восьми лет, и на первый взгляд создавалось впечатление, что он вырос как совершенно храбрый и спокойный человек. Беседуя с ним, я не мог не замечать снова и снова решительный, практичный взгляд этого лидера народа, то, как он сразу же устремлялся к практическому и обладал подлинным пониманием того, что является фактом, правильным поступком и истиной. У него были глаза, чтобы видеть, и сердце, чтобы дерзать. Его натура была скорее сильной, чем напористой, а высказывания полны искренности и содержания.

ЗАЛ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ СОБРАНИЙ, УЧАН.

Где находился штаб генерала Ли до падения Ханьяна.

Я направился прямо в Актовый зал, где меня встретил охранник и где мою иностранную визитную карточку сначала отнесли в Министерство иностранных дел, а меня провели в комнату ожидания. Вокруг здания кипела официальная жизнь, поскольку из этого здания менялся весь ход истории Китая. Здесь не было трепетных, колеблющихся, нерешительных людей; все было жизнью. Каждый человек, от обычных подчиненных, которые околачивались в дверных проемах, до самого низкого солдата на страже, от самого низкого клерка в генеральном штабе до самого генерала — все люди занимались своими делами с непоколебимой целеустремленностью, которая была в новинку для Китая. Не было никакой дезорганизации. Все было тихо и отлажено. Новый республиканский флаг на многих башнях торжественно развевался на утреннем ветру. Снаружи, на плацу, были слышны звуки горнов и бряцанье оружия, когда полки проходили муштру. Далеко внизу, в городе, на одном, двух, дюжине, двадцати участках открытой местности новобранцы приводились в форму. На холмах со всех сторон были слышны выстрелы пушек и полевых орудий. Легкий свист падающего в воздухе снаряда говорил о том, что обстрел с обеих сторон продолжается. Но в генеральском зале не было видно никаких свидетельств, кроме беготни туда-сюда курьеров-рассыльных, того, что вокруг одного из них шла война. Никто не мог слушать генерала Ли Юань Хуна, не проникнувшись к нему большим доверием. Иногда его лицо озарялось сиянием, порожденным только благочестивой решимостью, и ему все это время удавалось вселять этот дух в всех жителей города, в котором он так долго был обычным военным офицером. Однако мой читатель не должен понимать, что, описывая сцену, на которой разразилась Революция, я имею в виду, что внезапно возник Китай, свободный от всякой коррупции и всех обычных китайских несоответствий и официальных извращений. Любой, кто следил за моими работами о Китае в целом, в таком случае обвинил бы меня в величайшей непоследовательности. Но в те первые дни Революции мы, конечно, увидели китайскую официальную жизнь, которой никогда раньше не видели. Двор Ли в то время был самым чистым, трудолюбивым и практичным из всех,

которые когда-либо были в истории Китая. То, что это было не идеально, прекрасно понимали все, кто наблюдал, но это значительно опережало общую картину гражданской жизни Китая.

Вскоре в приемную вошел подтянутый молодой офицер в иностранных очках, в форме, в которой странным образом сочетались иностранная военная и гражданская одежда. Он отдал честь, затем пригласил меня следовать за ним. Его задачей было проводить меня в Министерство иностранных дел. Тут я решил немедленно возразить, удовлетворившись ни чем иным, как интервью с Ли Юань Хунгом. Так что, когда, войдя в большую комнату в конце веранды второго этажа прямоугольного здания, ко мне подошел довольно полный китайский джентльмен в военной форме, я объяснил, что уже договорился о встрече с генералом Ли, что я был бы признателен, если бы были приведены в движение надлежащие механизмы управления, позволяющие мне увидеться с ним, и это как можно скорее. Как раз в этот момент китаец в военной форме улыбнулся и тихо сказал: "Да, я генерал Ли".

Обращаясь ко мне по-английски, генерал с мягкой китайской учтивостью сказал мне, что его время в моем распоряжении; что, плохо владея моим почтенным языком, он, вероятно, столкнется с некоторыми трудностями в точном изложении того, что у него на уме, но на какой бы вопрос я ему ни задал, он сделает все возможное, чтобы ответить. Ли Юань Хун был красивым китайским джентльменом — около пяти футов трех или четырех дюймов, без очереди, с коротко стриженными, щетинистыми черными волосами, несколько близко посаженными глазами, которые временами вспыхивали необычайным огнем, и подбородком, который сразу свидетельствовал о бесконечной решимости; если бы не его военная выправка, его можно было бы легко принять за преуспевающего китайского торговца. Он был энергичным лидером людей, которые не колебались ни минуты. Совершенно не похожий на обычного китайского чиновника, который откладывает важные моменты собеседования до тех пор, пока не встанет, чтобы откланяться, генерал Ли с сияющими глазами и слегка приподняв руку в знак энтузиазма воскликнул: "Да, теперь у нас есть тринадцать из восемнадцати провинций, и наша республиканская партия грозна.^[1] Мы собрали под нашим новым флагом гораздо больше провинций за гораздо более короткое время, чем мы надеялись, что является свидетельством того, что Китай ждал шага, который будет предпринят для свержения маньчжуров".

"Почему, генерал Ли, вспыхнула Революция? Не могли бы вы вкратце рассказать мне о конкретной причине, по которой, по вашему мнению, вспышка произошла так внезапно?"

Он слегка улыбнулся и прямо посмотрел мне в глаза. "Ну, по всей нашей империи в течение многих лет существовало ощущение, что маньчжуры никогда не воздадут нам, китайцам, по справедливости. Они давили на нас, и хотя Революция произошла раньше, чем ожидалось, все китайцы знали, что рано или поздно она произойдет. Лично я не разработал никакого грандиозного плана, чтобы взять на себя инициативу. На самом деле, хотя я знал все, что происходило в Образцовой армии Хупе, у меня не было намерения брать на себя руководство или занимать ту должность, в которой вы находите меня сегодня. Время, запланированное для революции, вероятно, было бы более поздним. Китай ждал, когда поднимется человек, который нанесет удар. Никто из лидеров Революции - нашей новой Республики — не стремился к большой резне - единственным желанием было, чтобы маньчжурское правление было упразднено навсегда. И с тех пор, как я стал лидером Республики, я делал все возможное, чтобы погибло как можно меньше людей".

"Вы совершенно уверены, что Революция будет иметь постоянный успех, что весь Китай станет лояльным республиканскому флагу?"

- Верный! - воскликнул Ли с мальчишеской веселостью, затем его лицо снова стало суровым. "Здесь нет никаких сомнений. У нас есть тринадцать провинций с армиями всех этих провинций; у нас есть китайский военно-морской флот, частично в Ханькоу, частично в Нанкине, [2] отправленный туда для оказания помощи в нападении, и частично в Шанхае. Мы контролируем Янцзы". Но генерал отклонил вопрос о лояльности Республике как не заслуживающий внимания, добавив, что это всего лишь вопрос времени, когда Китай объединится великим, всепоглощающе сильным патриотизмом, которому не будет равных ни в Восточном, ни в западном мире. Затем он продолжил: "Моим личным желанием было бы видеть каждую провинцию свободной, со своим собственным Собранием, но контролируемой одним великим национальным правительственным органом. Мы позаимствуем наш образец у Соединенных Штатов Америки, где президент будет контролировать наши провинциальные собрания — совсем как в Америке ", - коротко добавил он.

"Как часто вы бы выбирали президента? Вам не кажется, что в Китае, таком закрытом, без связи, было бы сложнее организовать выборы и решения вопросов национального характера, чем в Штатах?" - Спросил я.

- Каждые четыре, пять, шесть или даже десять лет. Наш президент, если у нас будет подходящий человек, может оставаться у власти десять лет, если уж на то пошло. В любом случае, это мое личное мнение, но этот вопрос, как и многие другие вопросы, будет вынесен на рассмотрение первой ассамблеи, и я не желаю чрезмерно влиять на этот орган ".

"Как вы думаете, кого бы вы попросили стать президентом — возможно, Юань Шихкая?" - Спросил я.

- Ах, нет, - последовал быстрый ответ. В течение некоторого времени Ли Юань Хун пытался убедить Юань Шихкаю перейти на сторону Революционной партии и взять на себя управление формированием Республики; но его усилия натолкнулись лишь на упорный отказ Юаня. "Мы должны вытеснить маньчжуров. Я полагаю, Юань Шихкай не станет нашим президентом".

На этом месте его превосходительство замолчал, и я тщетно ждал, чтобы узнать больше о Юане. Через мгновение я предположил: "Но Юань Шихкай - один из ваших больших друзей, не так ли?"

"Нет, я не называю Юань Шихкаю другом. Я знаком с ним лично, но я мало что знаю о нем или о его амбициях в отношении Китая. Видите ли, он меня не слушает".

- Верно, но иностранные газеты пишут, что Юань Шихкай, поскольку он ваш личный друг, станет первым президентом.

- Неужели? Я не знал. Что ж, возможно, Юань Шихкай поднялся бы очень высоко в Республиканской партии, но он продемонстрировал свою решимость просто сидеть сложа руки в ожидании результата ". И генерал Ли поднял руки и раскачался взад-вперед на своем стуле, чтобы прояснить, что он имеет в виду.

"Кто ваши политические партнеры в настоящее время?"

Его превосходительство, сначала, казалось, не поняв, что я имею в виду, сказал, что у него их нет, но потом сказал мне, что его *большим* другом был адмирал Сах. Последующие упоминания, которые он делал в адрес адмирала, были трогательными. "Он мой *учитель!*" - с любовью воскликнул он. - Сейчас он уехал в Шанхай, но после окончания боевых действий приедет консультировать Республику по военно-морским вопросам. Адмирал Са - хороший человек, у него очень теплое сердце". В дальнейшем разговоре генерал Ли заявил, что теперь у них самые сильные люди в стране, а люди, которые не обратились, вряд ли стоят того, чтобы их иметь. Он хвалил государственную мудрость У Тин Фана, нескольких министров старого правительства, которых он надеялся сохранить на своем посту, и особенно Сунь Ятсена.

Продолжая, генерал сказал, что его идея заключалась в том, что иностранные представители Китая должны быть сохранены, и что он ни в коем случае не желает изменять представительство где бы то ни было, в Китае или за его пределами, если официальные лица готовы служить — при условии, конечно, что их сохранение на посту принесло удовлетворение и они были возвращены путем всенародного голосования. "Мы хотим сохранить всех, кто будет добросовестно работать на благо Китая, чтобы не было сбоев в торговле или дипломатических связях Китая по всему миру. Грубо говоря, схема, которой я бы предпочел, была бы следующей:—

"1. Изгнание маньчжуров за пределы Великой китайской стены в Монголию (за исключением тех, кто желает вступить в Республиканскую партию).

"2. Установление Республики по образцу Америки, с исключительным правительством для каждого штата и одним великим Национальным Собранием.

"Приняв решение по этим пунктам, мы сможем созвать всех популярных реформаторов из всех провинций и сформировать наше правительство. Но это будет время, когда я уйду в отставку".

В этот момент разговора генерал задумчиво посмотрел в окно, разговаривая почти сам с собой. К тому времени, по его словам, он должен был бы выполнить свою часть работы по возвращению Китая в руки ее собственного народа, и он должен был бы переложить власть на другие плечи. Его тихая, ненавязчивая манера, когда он смиренно сравнивал свои силы с другими людьми в Китае, демонстрировала дух истинного величия. Передо мной был герой Китая, человек выше всех людей, который направил ее общественную жизнь в безопасное русло и к которому были прикованы взоры дипломатического, общественного и политического мира, — и он говорил о том, чтобы уступить место лучшим людям. Вскоре, словно очнувшись от задумчивости, он снова повернулся ко мне, сердечно улыбаясь, когда я предположил, что этого, вероятно, нельзя допустить. Но он был настроен решительно.

"Нет, там не может быть места для меня; я военный, но в Китае много лучших администраторов. У нас достаточно людей". А затем, словно подумав, добавил: "Конечно, если я им понадобится, они всегда могут меня заполучить". И он хлопнул ладонью по столу, как будто бессознательно пошутил.

И хотя я пытался внушить его Превосходительству тот факт, что, если бы не было генерала Ли, вероятно, не было бы такого успеха, который сопровождал Революции, у него ничего этого не было бы. Он предпочел продолжить в доверительном тоне, сказав мне, что его личные пожелания вообще не должны приниматься во внимание. То, что он лично стремился сделать, - это контролировать начальные этапы завоевания страны; затем его частью было планирование

обороны и организация вооруженных сил; после этого, что бы ни пожелало от него новое правительство, он постарается добросовестно выполнить, не ради себя, а ради страны, которой он гордился и которую любил.

Он, казалось, не был склонен много говорить о монархическом стиле правления, который многие считают более благоприятным для Китая как страны, которая всегда смотрела на одного главу, Императора, как на Сына Неба. Упомянув Англию и сравнив эту страну с Соединенными Штатами, Ли Юань Хун сказал, что стиль монархического правления Англии был лучшим для ее народа, но он не верил, что он был лучшим для китайцев; и теперь, когда Китай порывает со всеми старыми системами и обычаями, он подумал, что республиканский контроль лучше соответствует потребностям Китая. В ходе беседы я попытался поднять несколько вопросов, которые, вероятно, противоречили бы установлению Республики на заседании Сената, но генерал Ли не стал продолжать разговор и, казалось, не был расположен разговаривать, пока я не упомянул религию страны, сославшись на ежегодное Жертвоприношение в Храме Небес — как это будет осуществляться? Затем его глаза снова засияли. Он подошел ближе ко мне, слегка приподнял руку, как бы убеждая меня в том, что собирался сказать, и медленно проговорил: —

"Вероятно, все жертвоприношения будут прекращены, но религией народа станет конфуцианство".

- Но конфуцианство - это не религия. Вам не кажется, генерал Ли, что христианство станет более популярным среди людей по мере того, как страна станет более открытой?"

"О, да, миссионеры - наши друзья. Иисус лучше Конфуция, и я решительно выступаю за то, чтобы больше миссионеров приезжало в Китай учить христианству и направлялось во внутренние провинции. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь миссионерам, и чем больше миссионеров приедет в Китай, тем больше будет довольствоваться республиканское правительство".

Затем генерал продолжил очень простым языком, сказав, что лично он очень доволен всеми трудами миссионеров и что Китая не было бы сегодня, если бы не миссионеры, которые отправились в отдаленные места и открыли страну.

"Но на самом деле мы чувствуем, что хотим, чтобы в Китай приезжало как можно больше иностранцев. Открытие страны может быть должным образом достигнуто только объединенными усилиями китайцев и иностранцев, и в этой новой Республике мы понимаем, что только более свободное общение с другими нациями мира позволит Китаю развивать свои ресурсы. Я не боюсь наших вооруженных сил и флота, нашей обороны, наших школ и колледжей, но одним из самых важных пунктов нашей республиканской программы является то, что позволит нам развивать наше богатство".

"Ну, будете ли вы поддерживать предоставление концессий иностранным синдикатам на разработку рудников и так далее?"

- Я так не думаю. Я не могу сказать, что будет сделано, но моим личным желанием было бы свободно объединить иностранный капитал с китайским и рабочей силой". Но генерал, в этот момент резко повернувшись к штабному офицеру, который принес ему депешу с поля боя,

объявил: "Но у нас будут иностранные советники, и все подобные вопросы, как этот, будут решаться позже". И он решительно добавил: "Мы должны консолидировать весь Китай — это главное".

- Вы только что говорили об иностранных займах. Потребность в иностранных займах сейчас будет больше, чем когда-либо?

"Да, нам понадобится больше иностранных денег и больше иностранцев на службе у нашего республиканского правительства; но моя партия убеждена, что не будет никаких трудностей с получением всей помощи, финансовой и иной, от Держав. Америка уже телеграфировала свои добрые пожелания, и придет время, когда две величайшие республики в мире будут на самых дружественных началах — вероятно, Китай больше приблизится к Америке и научится у нее большему, чем у любой другой страны".

"Что касается бизнеса, как вы думаете, выиграет ли Ханькоу в торговле от Революции?"

Генерал на мгновение задумался, задумчиво приложив большой и указательный пальцы к подбородку. Он немного колебался, затем прямо заявил, что, по его мнению, Ханькоу станет, возможно, самым большим городом в Азии.

Завершая нашу беседу, Ли Юань Хун сказал мне, что он был в Японии всего один год, что у него пятеро детей (два мальчика и три девочки), что он уроженец Хванпи в провинции Хупех и что, когда его дети подрастут, он отправит их учиться.

- Куда едем? - спросил я

"В Америку", - последовал ответ, сопровождаемый счастливой улыбкой. Попрощавшись со мной, генерал Ли, все еще держа меня за руку, сказал: —

- Еще одно слово, прежде чем ты уйдешь. Он положил левую руку мне на плечо, слегка наклонившись ко мне. "Пожалуйста, не забудьте сказать, что эта Революция произошла потому, что маньчжуры были так несправедливы к китайцам — ни по какой другой причине".

Затем он попрощался со мной, и я удалился.

* * * * *

Это интервью дается *обширно* из-за его жизненно важного влияния на общую позицию Республиканской партии в настоящий момент. Произошли события, которые несколько подорвали некоторые амбиции Ли Юань Хуна, но взгляды, которых он придерживался, можно рассматривать как общие цели партии, которую сегодня возглавляет Сунь Ятсен. По мере продвижения моей рукописи к издателям становится невозможным точно предсказать, каким будет исход китайской революции. Это может быть Республика; это может быть монархия. Однако, какой бы ни была форма правления, она останется в глазах каждого патриотически настроенного китайца, кроме генерала Ли, и его взгляды на политическую ситуацию и нужды его великой страны в то время, когда ее национальный маятник трепетно отсчитывал важнейшие вопросы, будут представлять постоянный интерес для всех, кто изучает дела в Китае.[3]

[1] Это было всего через месяц после того, как вспыхнула революция. Позже в этом томе читатель узнает об изменениях, произошедших в последующие месяцы.

[2] Нанкин, город, который Республиканская партия планировала сделать столицей, после упорнейшего сопротивления пал под натиском Революционной армии через две недели.

[3] Ли Юань Хуну на момент Революции было сорок восемь лет. Его родиной была деревня на севере Хуанпи, недалеко от мест, которые сделали его знаменитым. "Ли Юань Хун" было его официальным именем; друзьям разрешалось обращаться к нему "Ли Сун Цзин". Его отец был солдатом до него — полковник Ли Цао Сян. В 1882 году, в возрасте восемнадцати лет, Ли младший сдал вступительные экзамены в Тяньцзиньское военно-морское училище и после шестилетнего курса обучения окончил его. Вскоре после войны с Японией он был нанят Чан Чжи Туном, тогдашним вице-королем Нанкина, для укрепления этого города современными орудиями, а также назначен комендантом важного перевала близ Нанкина. В 1894 году он последовал за Чан Чжи Туном в Хупех, и ему было поручено обучать новую армию с помощью немецкого инструктора в течение трех лет. Затем его отправили в Японию для получения опыта оборонной работы. Через два года он вернулся в Учан и был назначен майором кавалерийской бригады. В 1902 году он командовал военно-морским флотом и армейскими маневрами в Киангьине. В следующем году он принял командование Четвертым авангардом пехоты. Два года спустя он стал командиром Второй дивизии. Как только была организована новая армия, он получил звание полковника 21-й смешанной бригады, руководившей военно-морскими силами в долине Янцзы, Военной академией и четырьмя отделениями Ханьянского арсенала, а также Армейским колледжем. В том же 1905 году он был избран временным командующим маневрами Чантэ. В 1911 году он повел свою Смешанную бригаду на Осенние маневры в Тайху. 10 октября 1911 года генерал Ли присоединился к Революции, как будет показано ниже, и был избран военным губернатором Хупе.

ГЛАВА V

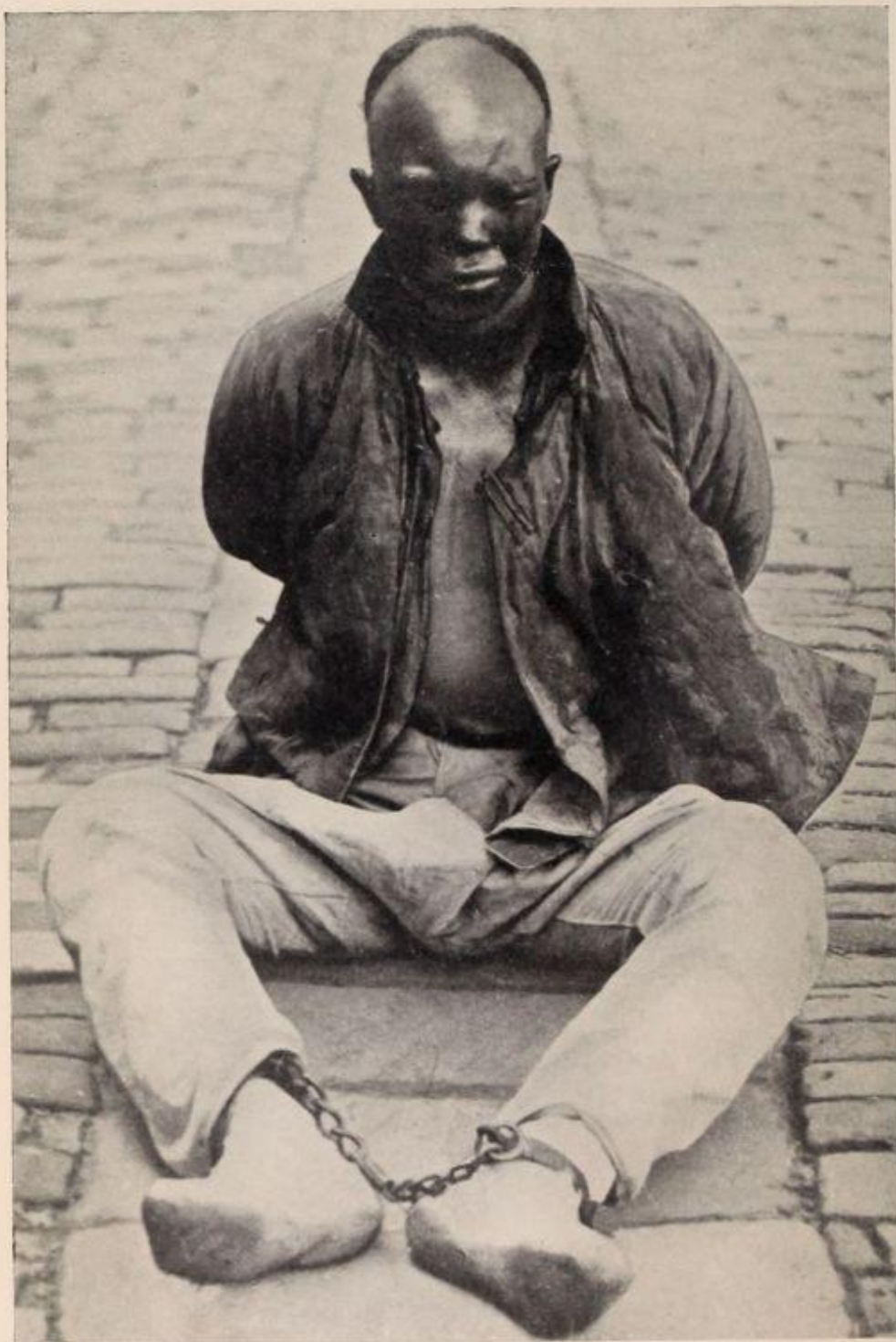
ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЕ НАЧАЛО

10 октября 1911 года рядовой военной китайской армии Хупэ непоколебимо стоял лицом к лицу с бандой революционеров в Учане. Одним из них был Лю Кинг, студент, не так давно вернувшийся из Японии — совсем еще мальчишка. Теперь он практически руководил Революцией в Китае, вспыхнувшей преждевременно, совершенно бессистемно, и он сидел,

подозрительно глядя на военного, стоявшего перед ним. Военный был полковником. Над его шеей блестело с полдюжины узких мечей, которые держали люди в темных одеждах, ожидавшие указаний отправить в вечность человека, которого Судьба сделала самым известным человеком в мировой истории наших дней.

Этим полковником был Ли Юань Хун, слава о котором за месяц достигла самых отдаленных уголков земли.

Революция, давно спланированная и все еще назревавшая, разразилась преждевременно. Ли Юань Хун был выбран лидером и теперь стоял, принося свои извинения людям, которые настаивали на его назначении. Он объяснял, что не стремился принять эту честь — конечно, не стремился, ибо кто знал, что маленькое военное восстание в Учане приведет в движение все восемнадцать провинций Китая? Ли считал, что это того не стоило. Его судьба была бы решена немедленно, поскольку Образцовая армия Китая просто отрубала головы любому в своих рядах, кто восставал против военной дисциплины. Поэтому он возразил, что эта честь слишком велика для него — он предпочел бы, чтобы к руководству был приглашен другой, более способный и опытный человек. Еще сильнее эти холодные клинки прижались к его шее. Затем казалось, что еще минута, и его голова покатится по полу. Но ему дали еще один шанс. Ему сурово сказали, что он лидер Революции, что он должен согласиться, иначе ему немедленно отрубят голову. Но полковник по-прежнему флегматично отказывался. Прежде чем, наконец, был отдан приказ нанести удар этими сверкающими мечами, мужчине был дан еще один шанс. Он согласился. Мечи были подняты, и в этот момент занавес поднялся и показал миру восставший Китай. Поведение Ли Юань Хуна после той роковой ночи, когда он стоял так близко к своей могиле, показало мудрость выбора человека из всех людей, который в этой стране уходящего Небожителя сделал больше для освобождения Китая от оков прошлого, чем любой другой человек, мертвый или живой.

A CAPTURED BOMB-MAKER.
One of those responsible for the premature outbreak of the Revolution.

ЗАХВАЧЕННЫЙ ИЗГОТОВИТЕЛЬ БОМБЫ.

Один из тех, кто несет ответственность за преждевременный всплеск Революции.

Однако лишь спустя много времени после октября люди смогли точно установить, как разразилась Революция. Газетчики со специальными пропусками, чуткие к новостям, держали за пуговицу каждого своего человека, надеясь узнать, почему восстание произошло так задолго до назначенного времени. Каждый разумный наблюдатель видел, что рано или поздно в Китае произойдут великие потрясения — некоторые даже узнали, что не может пройти много времени, прежде чем обширные планы полностью созреют, — и тогда удар будет нанесен, и Китай, пошатнувшийся перед силами, слишком сильными для него, будет потрясен до глубины души. Но когда сигнал военным к восстанию был действительно дан, и когда вся армия Хупе действительно поднялась, почти как один человек, газетчики и те, кто думал, что они внимательно наблюдали, были сбиты с ног. И тогда по всему миру началась длинная череда газетных спекуляций относительно того, кто несет ответственность и как это было сделано. Но история не просочилась наружу. Самые тщательные догадки не могли приблизиться к истине, поскольку корреспонденты американских и европейских газет не были за кулисами событий и мало что знали о том, что происходило в первые дни октября, они ничего не знали о маленьком происшествии, которое произошло в русской концессии Ханькоу. Европейцы в Ханькоу, по сути, ничего не знали об этом деле, пока газеты не опубликовали короткую историю об этом, и на следующее утро выяснилось, что никто, казалось, не придавал большого значения тому, что они прочитали. Они не понимали, что то, что планировала Революционная партия Китая, преждевременно сорвалось, и что теперь лидерам движения ничего не оставалось, как сделать решительный шаг — ударить или промахнуться, в зависимости от того, что могло случиться. Краткий газетный отчет гласил следующее и был скромно напечатан рядом с другими общими материалами: —

"Взрыв бомбы на российской концессии вчера днем привел к обнаружению революционного элемента, о существовании которого до сих пор никто не подозревал. В 4 часа дня полиция, находившаяся по соседству со зданием Российского муниципалитета, была встревожена громким звуком, который, как было очевидно, исходил из домов местных жителей, расположенных позади немецкой мясной лавки. По соседству была предпринята срочная операция, и на территории дома № 14 были обнаружены двое китайцев, разбрасывающих повсюду керосин, которые, по-видимому, просто готовились поджечь заведение. Они были быстро взяты под стражу, и осмотр помещения выявил тот факт, что в нем присутствовали все элементы милого маленького революционного клуба. Уже изготовленные бомбы, кислоты для их изготовления, революционные брошюры и список имен, очень похожий на список членов клуба, свидетельствовали о том, для чего были использованы дома и территория. Предполагается, что бомба сработала случайно, и заключенные, опасаясь визита полиции, попытались поджечь свое заведение. То, что их попытки были сорваны, объясняется оперативностью полиции, которая, в дополнение к двум уже упомянутым арестам, пыталась арестовать четырех мужчин, которые подозрительным образом приблизились к месту вскоре после взрыва; однако им удалось скрыться. В российском полицейском участке, где вчера поздно вечером [1] представитель *Hankow Daily News* проводил расследование, допрашивались двое китайцев, мужчина и женщина, которые пытались проникнуть в дом подозреваемых. Как и двое арестованных мужчин, они были переданы Ся Као Тину, [2] представитель которого был быстро вызван на место. Вице-король уже прислал своего заместителя, морского офицера, из Учана, и вместе с местными чиновниками он был занят попытками разгадать тайны, связанные с революционными кварталами. Среди изъятых полицией предметов были революционные флаги, а также карты Учана и планы распределения различных отрядов революционеров по их

позициям для атаки на ворота Учана. Прошлой ночью поздно вечером все в окрестностях места происшествия было тихо, и поблизости не было видно ни души, кроме российской полиции, которую следует от всей души поздравить с их обнаружением и с тем, как эффективно они разрушили ситуацию".

Итак, человеком, чья небрежность при изготовлении бомбы привела к преждевременному взрыву на русской Концессии и вынудила Революционную партию совершить государственный переворот прежде, чем они были готовы, был некто Сунь Ву, опытный производитель бомб. На нем и по сей день видны следы взрыва. Друзья немедленно увезли Сунь У и прятали до тех пор, пока он не поправился настолько, чтобы присоединиться к своим товарищам. Одним из его товарищей был вышеупомянутый Лю Кинг, который позже стал генеральным инспектором республиканского правительства Хупе. Жена Лю Кинга была той женщиной, которая взялась бросить бомбу, с помощью которой должна была начаться Революция. История в высшей степени увлекательная, и в данный момент нельзя сделать ничего лучше, чем воспроизвести историю в том виде, в каком она была рассказана газетчику спустя много лет после того, как казалось, что исход великой войны был довольно благополучно решен в пользу республиканцев. Внешний вид Лю делает его экстремистом, говорится в отчете. Это молодой человек, лет тридцати, с необычным рвением в глазах, носит иностранную гражданскую одежду и очки в золотой оправе, у него есть усы, но, конечно, нет очереди. Он происходит из семьи ученых дворян Сянъяна, что на севере Хупэ. Если бы он не поехал в Японию, он, вероятно, был бы ученым старого китайского типа и чиновником, тоже старого типа, с купленным офисом. На самом деле ходили слухи, что многие тысячи таэлей, которые он использовал на революционное дело, были подарены ему родственниками в расчете на то, что он купит таотайши (магистратуру).

В Японии Лю прошел как юридические курсы, так и военную службу. Прошло десять лет с тех пор, как он впервые занялся революционной работой. Но он не утверждал, что сделал что-то очень эффективное, пока не встретил доктора Сунь Ятсен. Вот история, примерно в том виде, в каком он ее рассказал на китайском:—[3]

"Около шести лет назад Сунь Ятсен приехал в Японию. В то время я учился в колледже Тунгвен. Все китайские студенты приветствовали Сана с величайшим энтузиазмом. Он организовал среди нас Общество под названием "Тун Мин Хвэй", членом которого я был. Цель этого Общества состояла в том, чтобы побудить народ Китая осознать позор того, что им правят иностранцы, и побудить их завоевать свободу. Мы издавали еженедельный журнал "*People*", в котором показывали, насколько коррумпированным, тираническим и бессильным было маньчжурское правительство, приводя примеры бесчеловечности и несправедливости, с которыми маньчжуры относились к нашему народу в прошлом. Мы приводили доводы, по которым китайский народ должен отомстить от имени своих предков, доказывая тем самым свою сыновнюю почтительность. Мы настаивали на том, что китайцы должны стремиться стать равными другим народам, которые смотрели на них свысока просто потому, что они были поработаны маньчжурами. "*Люди*" стали очень влиятельными, и почти все ее читатели в Китае и за рубежом поняли, что они рабы, и захотели освободиться. Но газета просуществовала недолго. Маньчжурское правительство пожаловалось японцам на ее публикацию, и Япония, желая укрепить свою дружбу с китайским правительством, запретила ее. Затем мы организовали еще один отдел, получивший название *Кунг-цзин* (что означает "Продвигаться вместе"). В обязанности этого департамента входило посылать агентов в различные провинции,

чтобы вдохновлять солдат и ученых революционным духом и патриотизмом, а других - в китайские поселения за рубежом для сбора средств. Меня дважды избирали президентом этого факультета, когда я учился в военном училище Тунгпин.

"У революционных агентов были друзья среди офицеров по всему Китаю, так что им было легко вступать в контакт с солдатами. Даже если офицеры отказывались помогать, они были настолько дружелюбны с агентами, что не предали бы их. Поэтому вице-королям или губернаторам очень редко удавалось арестовать революционеров.

"После окончания военного колледжа и юридического колледжа я вернулся в Хупех в шестой луне (июль) 1910 года. Я прибыл в Учан и обнаружил, что все революционные агенты обратились в бегство из-за тщательного розыска, устроенного для них вице-королем Цзюй Чэном. Я был сильно разочарован. Немного позже я заболел и уехал к себе домой в Сянъян. Болезнь была долгой; я не мог встать с постели до третьей луны (мая 1911 года). Я приехал сюда, но обнаружил, что слишком слаб для работы, поэтому вернулся домой на два месяца. В пятую луну я вернулся сюда, принеся десять тысяч таэлей, подаренных мне моей семьей. Я снял дом рядом со средней школой в Учане. Мы позаботились о том, чтобы сохранить все в строжайшем секрете. У нас были различные отступления в Учане и Ханькоу, а наш штаб находился в лагере корпуса саперов и минеров.

"Сунь Ву работал среди солдат, и мы знали, что можем положиться на саперов, минеров и артиллеристов. Некоторое время солдаты были робки, и, хотя им не терпелось восстать против маньчжуров, они не желали давать определенного обещания присоединиться к Революции в определенное время. Мы проводили тайные собрания и, наконец, обнаружили, что единственный способ побудить некоторых из них - это пригрозить, что они будут взорваны бомбами, если не присоединятся.

"Мы планировали начать Революцию в декабре — одновременно в восьми провинциях. Мы составили списки с указанием суммы средств в провинциальных казначействах, так что мы знали, какой суммой нам, вероятно, придется располагать для начала операций. Моя жена, ревностная революционерка, недавно отправившаяся в Шанхай для организации женского солдатского корпуса, решила переодеться бедной женщиной-разносчицей, чтобы бросить бомбу в вице-короля. Это должно было стать началом Революции. Сунь Ву и я были экспертами в изготовлении бомб. В ночь на 9 октября Сунь делал бомбу, когда по какой-то неосторожности позволил ей взорваться. Это выдало наш заговор прежде, чем мы были готовы. Это было на русской концессии в Ханькоу. Русские полицейские пришли к нам и конфисковали наш завод вместе с подготовленными нами прокламациями, депешами в иностранные консульства, частными письмами, списком революционеров и большим количеством значков. Эти значки имели дизайн, подобный тому, который сейчас используется на республиканском военном флаге".

A QUEUELESS BRIGADE.

A great feature of the Revolution was the discarding of the pigtail. Barbers were kept busy for many days shearing the revolutionaries.

БРИГАДА БЕЗ ОЧЕРЕДИ.

Отличительной чертой Революции был отказ от косички. Парикмахеры были заняты в течение многих дней стрижкой революционеров.

Большая часть истории той ночи и следующего дня уже известна всему миру. Лицо Сунь Ву было тяжело изранено во время взрыва, и его спрятали друзья, которые позаботились о том, чтобы он получал надлежащее лечение, пока не поправился достаточно, чтобы присоединиться к своим товарищам. Семья Лю Кинга в то время жила в родном городе Ханькоу. Его долгое время подозревали, и когда поступило известие о взрыве, его жена и брат были арестованы. Он сам сбежал из дома в Российской концессии. Ночью последовало несколько арестов, а на следующее утро четверо мужчин были казнены. Брата Лю среди них не было по той причине, что вице-король подвергал его пыткам, чтобы заставить раскрыть тайник Лю. Двое ведущих агентов Революции, Лю Яочэнь и Ран Чжун Юн, были среди арестованных 10-го числа. Лю Кинг пытался начать Революцию в полночь 9-го числа, но потерпел неудачу.

"Я видел, что мы все погибнем, если не начнем немедленно, - сказал Лю, - но у солдат не было значка, поэтому они не взбунтовались. На следующее утро (10 октября) я написал им, что, если вице-король обнаружит список их имен среди наших бумаг, он, несомненно, разоружит и казнит их всех. Они ответили, что не боятся, и только потому, что у них не было значков, им не удалось начать Революцию. Затем я распорядился, чтобы любая белая повязка на руке использовалась в качестве знака отличия и чтобы Революция началась в десять часов вечера — время, установленное вице-королем для казни моего брата.

Саперы и минеры не стали ждать назначенного времени, а начали свою работу в половине восьмого. Они сразу же послали людей наблюдать за всеми воротами. Артиллеристы, стоявшие лагерем за городом, слышали стрельбу и поняли, что произошло. Они вошли в город и заняли Чоавангтай (где находился магазин), Хвангвало (мыс с видом на реку) и Змеиный холм. Они намеревались обстрелять ямен вице-короля, но солдаты отправились в ямен и обнаружили, что вице-король сбежал через дыру, вырытую в задней стене. Поскольку все ворота удерживали революционеры, он, должно быть, перебрался через стену по веревке.

"Саперы и минеры отправились в лагерь другого корпуса и сказали солдатам, что они должны присоединиться к мятежу или сражаться. Практически все присоединились, за исключением части Комиссариатского корпуса и около 250 солдат, которые бежали вместе с Чан Пяо.^[4]

"Я приехал в Учан из Ханькоу, и мы созвали встречу в журнале. Революционные агенты решили не избирать командиром кого-либо из своих".

Затем в интервью последовало краткое описание того, каким образом Ли Юань Хун был возведен в ранг лидера китайской революции.

* * * * *

Следующий лидер, напечатанный в лондонской *Times* сразу после начала революции, показывает, какой большой сюрприз был преподнесен миру. Это также показывает, насколько совершенно неподготовленным казался сам Китай в глазах мира к переменам, которые так внезапно потрясли основы его правительства: "

"Восстание, очевидно, очень серьезное, - говорилось в редакционной статье *Times*, - произошло в Учане, большом городе в провинции Хупэ, которому, казалось, суждено было стать центром китайской железнодорожной системы и внутренней торговли Империи. Насколько серьезной она может оказаться и насколько серьезно движение, из которого она проистекает, - это вопросы, по которым у европейцев мало материалов для суждений. У нас недостаточно информации, чтобы показать, связано ли нынешнее восстание с беспорядками в Сычуане, которые месяц назад выглядели достаточно угрожающими. Если это так, то их значение, едва ли нужно говорить, существенно возросло бы, но даже если они оба являются полностью локальными, они являются симптомом общей нестабильности реальной ситуации. Через два года должен быть созван полноценный парламент Империи и назначено ответственное перед ним министерство — так, по крайней мере, обещано в Императорском указе от ноября прошлого года. Результатов столь грандиозного нововведения нельзя ожидать без дурных предчувствий. Подходит ли Китай, старейшая и, судя по всему, одна из самых изнеженных восточных монархий, для столь масштабных перемен? Принятие прошлогоднего эдикта не сулит ничего хорошего для будущего. Национальное собрание, которое единогласно потребовало именно этой реформы, осудило ее как слишком запоздалую в момент ее принятия. И все же, несомненно, три года - не такой уж большой срок для Китая, чтобы подготовиться к конституционному правлению. В партии "Молодой Китай" есть много достойного восхищения. Они осознают абсолютную необходимость реформ, и многие из них желают их из подлинного патриотизма. Но до сих пор они не проявляли ни чувства перспективы, ни лидерских способностей, ни таланта созидателя. В прошлом году один из них, сам подчиненный чиновник, который наверняка проиграл бы при смене власти, в минуту самоуверенности выпалил европейцу, что, по его мнению, ничто не может спасти страну, кроме кровавой революции,

которая все подчистую вычистит. Это было в городе Учан. Является ли нынешнее восстание попыткой спасти Китай таким образом, и если это так, то какие народные силы стоят за ним или соберутся за ним, если оно не будет немедленно подавлено? От ответа зависит многое для нас и для всех европейских держав, имеющих интересы на Дальнем Востоке".

[1] 10 октября 1911 года.

[2] Мелкий судья.

[3] См. *"Центральная почта Китая"*, 15 января 1912 г.

[4] Чан Пяо был генералом, командовавшим армией Хупе, который участвовал в первом сражении войны и у которого автор брал интервью, как напечатано на странице 61.

ГЛАВА VI

ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Так началась революция в Китае. Событие следовало за событием в течение первых дней с такой поразительной быстротой, что стало трудно отслеживать последовательность событий. 13 октября Ханьянский арсенал, крупнейший в Империи, перешел в руки революционеров. Большое количество солдат, неотличимых от лояльных войск, несколькими подразделениями прибыло из Учана. Они спокойно вошли в город Ханьян и, надев революционный значок, продолжили свою работу. Пороховой завод был захвачен в час ночи, вскоре после этого пал арсенал, было произведено всего несколько выстрелов. В арсенале было обнаружено не менее 140 трехдюймовых орудий, около 500 000 патронов и пороха, достаточного для изготовления 2 000 000 патронов. Этого количества, вместе с 32 000 000 патронов к винтовкам и 5000 патронов к полевым орудиям, которые, как было известно, хранились недалеко от Учана, хватило повстанцам на некоторое время. Вскоре после этого пал родной город Ханькоу, и с его падением революционеры оказались во владении тремя лучшими стратегическими пунктами во всем Китае.

Тем временем об иностранцах в Учане ничего не было слышно, и поскольку ворота были закрыты, а в течение следующих двух дней были видны огромные пожары, считалось, что дело может перерасти в антииностранное восстание. Толпы людей собрались на набережной и с тревогой смотрели в бинокль на реку в поисках признаков присутствия иностранцев, но только 12 октября паровой катер с капитаном Кнеппером из США *Еленой*, несколькими иностранцами и американскими "синими куртками" под американским флагом рано утром отправился в Учан. Во

второй половине дня морские офицеры приветствовались, когда они плыли вдоль набережной в Ханькоу практически со всеми иностранцами и примерно 150 христианками из различных школ.

В течение следующих нескольких дней наблюдалась наибольшая активность с обеих сторон — среди революционеров и лоялистов. С величайшим энтузиазмом революционеры преследовали свои цели в Учане, Ханьяне и Ханькоу. В правительственных банках было разграблено все серебро и сожжено дотла, все правительственные учреждения были разграблены, революционные войска были размещены в трех городах, и в течение нескольких дней не было никаких сомнений в верховенстве повстанцев в этом районе. Две армии впервые соприкоснулись 19 октября, но даже это было одностороннее столкновение, потому что у генерала Чан Пяо, командующего армией Хупе, была всего лишь горстка людей, и с самого начала у него не было никаких шансов против превосходящей численности противника. Иностранцы могли видеть в этом только местное восстание, но очень скоро стало очевидно, что Революция охватила Китай и что восставшие силы Хупэ вскоре соберут под свои знамена многие другие провинции. Такого единства никогда раньше не было в Китае, когда стало известно о первых днях восстания.

Потом началась война.

После этого первого небольшого столкновения между революционной армией и сторонниками произошла редкая суматоха, когда победоносные полки маршем вошли в город, и эта победа над Чан Пяо и его людьми, помимо того, что привела к полному разгрому врага, придала огромный импульс боевым действиям республиканцев, и у них тогда чесались руки для новой схватки. Лоялисты прибыли из Пекина. Ожидалось, что они перейдут на сторону революционеров. Но они этого не сделали — они намеревались сражаться, и сражаться упорно. Однако в первом сражении, после того как у них отобрали золотые слитки, которыми следовало платить войскам, рис и припасы, которыми следовало кормить людей, боеприпасы, с помощью которых должен был сохраняться трон, и многое другое, что могло помешать ведению войны, они удрученно отступили и отошли на значительное расстояние вниз по реке.

TYPICAL REVOLUTIONARIES.

Changed by love of country and passion for freedom from downtrodden coolies into enthusiastic soldiers.

ТИПИЧНЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

Сменился любовью к родине и страстью к свободе
из забитых кули превратившись в восторженных солдат.

Перед рассветом утром 20 октября я направил свой катер к Десятому километру, Революционной базе, куда, как говорили, ночью подкрались лоялисты. Это выглядело так, как будто к ним вернулось мужество, и они собирались дать еще один бой. Я нашел группу революционных новобранцев и постоянных солдат, все они хорошо проводили время, пока сырому материалу давались уроки искусства обращения с винтовкой. Целью была пара свиней, и в шкуры этих двух невинных свиней новобранцы пытались разрядить свои пули. Миновав их, я проследовал по дороге, которая когда-то была главным входом на станцию, а теперь находилась далеко не в идеальном порядке, на станцию, где на платформе и прилегающей к ней территории - месте недавнего сражения - собралось около полутора тысяч солдат.

По отношению к моему спутнику (представляющему "Нью-Йорк Геральд") и ко мне революционеры были очень вежливы. Хотя мы предпочли стоять, они предложили нам сесть, и пара подвела нас к тому месту на платформе, где восседал главнокомандующий полевыми войсками, дородный мужчина, полный и сердечный, типичный китаец, обрадованный нашим появлением. Внизу стояли полевые орудия и одетые в темное солдаты, потрепанные железнодорожные вагоны, офицерские лошади паслись у линии, люди сновали туда-сюда, все с энтузиазмом стремясь что-то сделать и не теряя времени даром. Но передо мной был Главнокомандующий - Буллер кампании - спокойный, безмолвный, вежливый, с мальчишеской простотой протягивающий мне обычные китайские подарки. Он сидел в своем официальном боевом кресле, на нем были все военные принадлежности, и, разговаривая со мной, он ждал возвращения своих разведчиков, прежде чем он смог принять решение о программе дня.

Разрешите нам его сфотографировать? — конечно, он бы сделал это, встал и специально для этого случая сделал серьезное лицо, помахав скауту, который поспешно вошел, пока я делал снимок. Затем он занялся разведывательными группами, тщательно записывая все, что они ему говорили. Я хотел обменяться карточками — обрадованный, он сделал это через минуту, и написал на обороте свое полное имя. Он смеялся над самым простым инцидентом, был чрезвычайно заботлив обо мне, уверял меня, что они победят; когда он говорил о битве, его лицо ожесточалось, пронизательные глаза сверкали, полные огня. Его адъютант, совсем юноша, одетый в иностранный твидовый костюм — разумеется, без очереди — и без малейших признаков того, что он был армейским чиновником, сообщил нам все новости, какие только мог. Он махнул рукой в сторону захваченных железнодорожных вагонов с захваченными припасами и вежливо спросил нас, можем ли мы решить проблему жизни без еды — потому что он не мог и не предполагал, что лоялисты смогут. "И они этого не сделают", - прокричал он. Но это было в первые дни войны. В те дни любому здравомыслящему иностранцу было интересно наблюдать за накалом чувств, проявляемых Революционной армией, в противовес унылому настрою небольшого имперского отряда, вышедшего на поле боя.

В то же утро, когда я беседовал с революционным командующим полевыми силами, мне удалось выяснить, что генерал Чан Пяо находился на борту катера, плывущего вниз по реке. Я немедленно отправился на катере повидаться с ним. Когда вскоре после этого я сидел рядом с этим Чан Пяо, человеком во всей Хупе, которому была доверена власть Образцовой Армии, и смотрел на китайца среднего роста, который ничем в своей одежде не выдавал себя за простого солдата, и когда я смотрел на его небритую голову и налитые кровью глаза, я не мог найти в своем сердце ничего, кроме искренней жалости к нему. Недавно он был сильным человеком, занимал высокий пост и был ослеплен галунами, пуговицами и всеми официальными атрибутами, о которых сегодня так много думают в военном Китае; теперь он был удрученным человеком, понимающим, что проиграл, лишенный всех припасов, с беспомощной армией на руках, и сам знал, что за его голову предлагают пятьдесят тысяч китайских долларов. С некоторыми трудностями я вскочил на борт, попросил позвать Чан Дарена, и меня провели в кормовую каюту, где я обнаружил около дюжины офицеров, поедающих свой утренний рис. Навстречу мне вышел человек, одетый в обычную одежду учителя; он протянул свою нервную руку и церемонно пригласил меня войти. Он сказал мне, что его зовут Чанг — значит, это был тот самый человек, генерал Чанг Пяо, бывший главнокомандующий Образцовой армией Хупех.

Хорошо сложенным парнем, ростом около пяти футов шести-семи дюймов, с твердым, решительным ртом и железным подбородком, был Чан Пяо; его черные как смоль глаза подозрительно смотрели на нас. Рядом с генералом, когда он сидел, поджав одну ногу под себя на настоящий китайский манер, стоял караул из солдат с заряженными ружьями; перед нами, пока мы разговаривали, сидели растрепанные офицеры и штаб генерала, некоторые на перевернутых ящиках, некоторые на диване (который был местом отдыха генерала), некоторые на полу, все были заняты своими мисками для риса и палочками для еды.

Сначала Чанг смотрел на меня с явным безразличием. Затем —

- Откуда вы родом? Чего вы хотите? Какой вы национальности? Эти вопросы вылетели у него из головы так быстро, как он только смог их задать.

"Сегодня я вообще не буду участвовать ни в каких боях", - сказал он. - Мои разведчики рыщут по всей стране, а мои войска, около трех тысяч человек — и все хорошие люди, гораздо лучшие,

чем повстанцы, — сидят в засаде у Никова. Я буду ждать прибытия Инь Чанга [1], который прибывает с двадцатью тысячами солдат, и адмирала Саха, который ждет дополнительных боеприпасов".

Чан Пяо никак не упомянул своего противника, генерала Ли Юань Хуна, и, казалось, не был склонен поощрять разговоры о противоборствующей стороне. Однако позже, в разгар светской беседы, он очень сочувственно отозвался о революционерах и был уверен, что они пожалеют о том дне, когда подняли восстание. Он продолжил: "Пройдет совсем немного времени, прежде чем мы сможем победить. Во всяком случае, в течение четырех дней серьезных боев не будет, но когда Сах получит боеприпасы для своих больших пушек, а мы получим свои двадцать тысяч обученных солдат, положение быстро изменится".

Теперь имперские войска начали прибывать с севера. Их штаб располагался в местечке под названием Никув, небольшой деревне, расположенной в конце большого S-образного поворота железной дороги, отходящей от Десятого километра, и примерно в шести милях отсюда. Их первая атака была предпринята утром 25 октября, когда революционеры заняли свои позиции на Правительственной бумажной фабрике, расположенной ниже станции "Десятый километр" и недалеко от Семимильного ручья. Люди указывали в северном направлении и говорили вам, что там были лоялисты — двенадцать тысяч, пятнадцать тысяч, семнадцать тысяч, двадцать тысяч из них, мобилизованных для действий. Но на самом деле никто этого не знал; все только догадывались. Правда заключалась в том, что накануне несколько безмозглых авантюристов зашли так далеко, что соблазнили аванпосты лоялистов открыть по ним огонь, а затем заставили Концессионеров заговорить об их интернациональности и о том, что лоялисты намерены расстреливать каждого иностранца, которого они смогут поймать.

THE RAW MATERIAL OF THE REVOLUTIONARY ARMY.
"Enlisted on Tuesday, drilled on Wednesday, shot on Thursday," was often the record of a revolutionary recruit.

ИСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ.

"Зачислен во вторник, муштрован в среду, расстрелян в четверг" - так часто называли рекрутов-революционеров.

Несколькими днями ранее мой курьер наотрез отказался доставить меня поближе к месту действия. Поэтому на рассвете я был на ногах на берегу реки в Ханькоу, окликаая сампан, а мужчины, которые были готовы отправиться вниз по реке, хриплыми голосами требовали непомерную плату за то, чтобы доставить меня поближе к месту боя, если таковой будет. Однако, достаточно аргументировав свою точку зрения и сев в лодку, мы вскоре прибыли на линию огня, на базу революционеров, где часовые на берегу реки расспросили нас о том, кто мы такие и чем занимаемся. Мы доплыли на лодке до Правительственной бумажной фабрики, вверх по притоку мейн-ривер, и высадились на берег. Но пока мы несколько минут бессистемно брели вперед, никого не было видно, нашим единственным препятствием был бедный одноглазый негодяй, пытавшийся продать нам кое-что из боеприпасов лоялистов и пустые гильзы по смехотворным ценам, как диговинки.

Однако внезапно раздался мощный взрыв, от которого у нас чуть не лопнули барабанные перепонки, и мы поняли, что операция начинается. Выйдя на открытое пространство, мы обнаружили небольшие группы пехоты под прикрытием неровностей почвы, а немного севернее, приподнятые над землей, стояли полевые орудия. Теперь я находился между рекой и железной дорогой и вместе с другими окружавшими меня людьми, которые сказали мне "пригнуться", поскольку они ожидали быстрого возвращения вражеских снарядов, ждал возвращения лоялистов. Затем, через несколько минут, небольшое танцующее пламя, небольшой столбик голубого дыма, глухой, тяжелый грохот и продолжающийся свист в воздухе сообщили нам, что враг начал наступление. В бинокль я с тревогой следил за снарядами, которые не долетали до цели. С ужасающей силой они врезались в болотистую почву примерно в пятистах ярдах перед нами, очень живописно поднимая воду. Революционеры вокруг меня рассмеялись, когда я сообщил им эту новость, а они неподвижно лежали на своих позициях, ожидая, сами не зная чего.

Подойдя к полевым орудиям, несколько из которых были сбиты разгружающимся поездом, я обнаружил, что там было десять четырехдюймовок, большинство из которых имели прекрасную дальноточность. Были также рексеры, Максимы и более мелкая сошка.

Лоялистов, даже с помощью хороших полевых биноклей, ничего нельзя было разглядеть. Их лагерь в Никуве — на значительном расстоянии к северу — был хорошо виден, и стрельба велась через вершину этого S-образного изгиба линии; и таким образом это продолжалось еще полчаса, орудия лоялистов не смогли определить дальность стрельбы и не дотягивали. Амбушюров у меня не было; другого обычного снаряжения, которое носят военные корреспонденты, у меня не было, поэтому я лег, когда выстрелили пушки, и написал свою копию. Внезапно раздался резкий, смертоносный выстрел "рексеров", более смертоносный, чем "Максим", и после этого ни звука. Повстанцы разразились ликующими поздравлениями, заявив, что им удалось заставить врага замолчать и что они могут двигаться вперед и преследовать его. Но они ошиблись в расчетах. Офицеров среди революционеров было много. Но порядка я ничего не увидел. Каждый делал, что ему заблагорассудится, и шел, куда ему заблагорассудится и когда. Каждый отдавал приказы и встречные предложения друг другу, и ни один не был готов к продолжению боя в нескольких возможных вариантах.

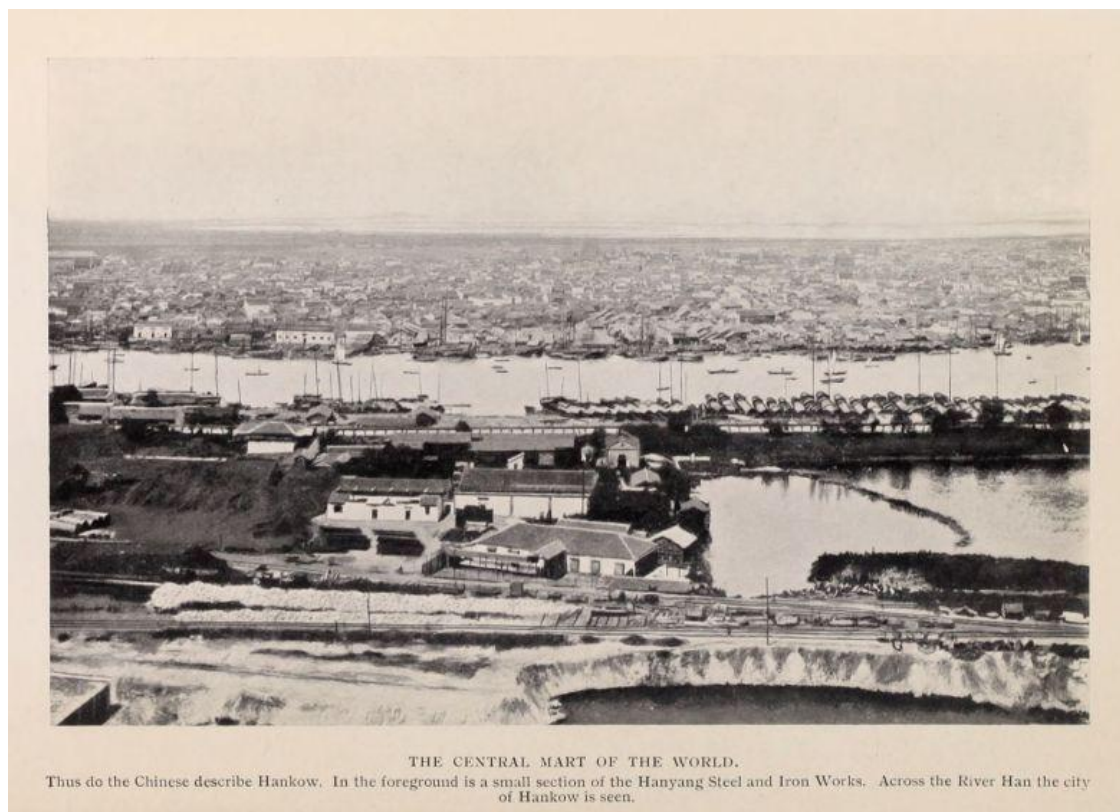
И теперь их неверный расчет должен был быть возвращен домой. Высоко над землей танцевало голубое пламя врага, поистине обозначая грядущую опасность. Послышался взрыв, свист снаряда стал громче, когда он пролетел по воздуху в нашу сторону; каждый инстинктивно наклонил голову и ждал, когда снаряд разорвется. Затем раздался разрыв прямо над нами в воздухе, свидетельствующий о том, что по крайней мере одно орудие — безусловно, самое большое в этой области — достигло цели. На линии огня революционеров и вокруг нее раздалось "Привет!". Некоторые из мужчин немедленно поднялись, закинули винтовки за спину, с тревогой огляделись в поисках своих товарищей и бросились бежать; другие все еще оставались на месте. Но враг, теперь уверенный в дальноточности, не терял времени. Снаряд за снарядом в смертельной последовательности попадали в людей, сражавшихся за установление образцовой Республики. Однако в то время Республика казалась очень далекой.

Несколько снарядов, когда я наклонился за кирпичной кладкой, разорвались прямо перед нами, вспарывая красную землю вдоль линии фронта. Одновременно другие разорвались над нашими головами, и осколки посыпались смертоносным дождем. Насколько я мог видеть, пока никто не был ранен, и уж точно никто не был убит. Но в этот момент я решил идти, как оказалось, одновременно со многими десятками революционной пехоты. Ибо через пару минут, когда я бежал вдоль берега реки, ища какое-нибудь приличное укрытие, я обнаружил, что опасно бегу посреди самой беспорядочной толпы из нескольких сотен человек, каждый из которых делал то, что ему нравилось. Некоторые держали винтовки высоко в воздухе, некоторые направляли их на своих товарищей, другие тащили их за собой - и никого не было рядом, чтобы отдавать им приказы. Тем временем, пока мы бежали, вокруг нас падали снаряды. Мы могли слышать резкие "пинги" на рифленых крышах зданий, мимо которых проезжали, и все были рады, когда оказались вне зоны досягаемости.

В деревне у подножия V-образной площадки мы встретили еще много революционеров, несколько артиллеристов, несколько пехотинцев, которые бежали.

Все решили, что они разбиты; некоторые спросили, бросили ли пушки, и им ответили, что бросили; а один, в высшей степени по-китайски, купил орехов на десять наличных у пожилой женщины на обочине дороги, в пылу битвы поспорив, должен ли он дать ей десять или восемь наличных, и наполнил свой рюкзак, в то время как его более возбужденные товарищи обсуждали план дальнейших действий.

Таким образом, повстанцы были повержены, потерпев полное поражение в игре, которую они сами же и затеяли. Однако обратное, или, скорее, потеря позиции, преподала им ценный урок.

THE CENTRAL MART OF THE WORLD.

Thus do the Chinese describe Hankow. In the foreground is a small section of the Hanyang Steel and Iron Works. Across the River Han the city of Hankow is seen.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РЫНОК МИРА.

Так китайцы описывают Ханькоу.

На переднем плане небольшая часть сталелитейного завода Ханьян

. На другом берегу реки Хань виден город Ханькоу.

[1] Генерал Инь Чанг, президент Военного совета — человек, прошедший подготовку в Германии. У него жена-немка.

ГЛАВА VII

БИТВА На ДЕСЯТОМ КИЛОМЕТРЕ

После этих первых военных действий люди и вещи начали двигаться с молниеносной быстротой. К 27 октября лоялисты, сильно усиленные имперскими войсками с севера, довольно

хорошо удерживали ситуацию, сражаясь с замечательным упорством. То, что произошло в течение того дня, и те, что сразу последовали за ним, должны послужить уроком западному миру. Военные действия начались на рассвете, и империалисты, сражаясь против сильно укрепившейся армии революционеров, численно превосходящей их, но не столь хорошо управляемой, одержали полную победу. Революционеры сражались храбро, и их потери были тяжелыми.

Как будет подробно показано далее в этом томе, революционеры ожидали, что имперские войска присоединятся к ним, как только им станет известна истинная причина боевых действий, поскольку жизненно важной частью имперской политики было держать войска севера в неведении о природе восстания. Революционеры открыто заявили о своем разочаровании. Но на самом деле, даже если бы империалисты были готовы присоединиться, им не представилось никакой возможности. Расположение их войск было таково, что солдаты Хонаня и Шаньдуна находились впереди, а маньчжуры непосредственно за ними. Это был хитро продуманный маневр со стороны маньчжурских офицеров, который способствовал успеху лоялистов. Люди Хонана не могли ни сложить оружие, ни повернуть назад — даже если бы они того захотели. Попытка присоединиться к врагу навлекла бы на них огонь маньчжуров, а неуклонное продвижение последних препятствовало любому обратному движению.

Иностранные военные наблюдатели, ставшие свидетелями битвы на Десятом километре, единодушно заявляют, что империалисты перешли в наступление и продолжали его, несмотря на упорное сопротивление, самым научным образом, неуклонно продвигаясь под прикрытием своей артиллерии. С позиции примерно в четверти мили к югу от станции "Десятый километр", революционной базы, я около трех часов наблюдал за ожесточенным ружейным и артиллерийским огнем. Смертоносная война бушевала на обширной территории, лежащей к северо-востоку от революционного штаба, на заболоченных рисовых полях и наполовину возделанной земле. Большие четырехдюймовики открыли огонь незадолго до семи холодным серым утром, и обе армии, немного продвинувшись вперед, оказались на расстоянии легкого ружейного огня друг от друга. Революционная армия растянулась в форме прямого угла, с более крупными орудиями в каждой точке и сильными рядами энергичной пехоты, окопавшейся на северной стороне железнодорожной линии и хорошо укрепленной за каменными насыпями и подлеском вдоль реки на расстоянии десяти километров и на некотором расстоянии ниже по направлению к нефтяным цистернам Азиатской нефтяной компании, Лтд.

Империалисты, отвечая революционным ружейным огнем с заметной точностью, определили дальность стрельбы четвертой шрапнелью, революционерам потребовалось гораздо больше времени, и у них не было ничего, кроме обычных 1 и 3-дюймовых взрывчатых веществ — им больше всего нужна была шрапнель.,,

Далеко по полю виднелся столб все увеличивающегося дыма, и, по необходимости, стрельба была неразборчивой. Но обе армии с серьезностью и энергией, которых никто не привык видеть у китайцев, вели отличную стрельбу в течение двух часов, без малейшего перерыва, показывая, что китайская Образцовая армия, если и может похвастаться немногим другим, может похвастаться людьми, которые встречают битву не дрогнув. В течение двух часов, стоя на самом краю поля боя, я наблюдал за операциями в бинокль, а затем увидел флот адмирала Саха, медленно поднимающийся вверх по реке - он подкрадывался уже некоторое время. Сначала предполагалось, что революционные орудия, о которых известно, что они находятся в Киншане,

пункте на другом берегу реки, почти напротив Янло, откроют огонь по флоту, но этого не произошло, и в течение всего дня с того берега реки не велось никакой стрельбы. Снаряды из обоих лагерей вылетали с ужасающей скоростью. Было замечено, что бойцы Имперской армии производили смертоносное действие в рядах революционеров, и было замечено, что бедняги, которые были готовы скрепить Республику своей кровью, падали сотнями.

THE FLIGHT OF THE GUN-JUNKS.
These old-style revolutionary gunboats scudded away at the Battle of Kilometre Ten when Admiral Sah opened fire.

ПОЛЕТ ОБЛОМКОВ ОРУДИЙ.

Эти революционные канонерские лодки старого образца унеслись прочь в битве на Десятом километре, когда адмирал Сах открыл огонь.

В течение примерно получаса из-за шума и дыма от стрельбы, вкупе с тем фактом, что обе армии великолепно окопались, было невозможно определить, какая сторона выполняла более смертоносную работу, но в течение более чем двух часов грохот мушкетов, пулеметов "Рексер", "Максим" и трех- и четырехдюймовых орудий говорил о том, что число погибших должно быть огромным. Такого непрекращающегося грохота не было известно даже во время русско-японской войны. Внезапно флот двинулся вверх. Казалось, никто не обратил внимания на это движение или не придал ему большого значения. Маленькая деревушка у японского насыпного вала была такой мирной, как будто сражение происходило за тысячу миль от нее, и жители деревни, готовя свой утренний рис, почти не обращали внимания на постепенно приближающуюся ружейную пальбу. У меня возникло опасение, что вскоре мне придется покинуть свое временное пристанище. Внизу, за камнями на станции "Десятый километр", я увидел, как революционные войска начинают подниматься и готовиться к отходу. Одновременно с железной дороги далеко на севере три роты регулярных войск, хорошо командующие и настроенные на дело, спустились достаточно организованно,

промаршировали в открытое поле, опустились на колени и приготовились к стрельбе. Но что? Внимание было приковано к канонерским лодкам, которые теперь находились на таком расстоянии, что их действия можно было легко увидеть невооруженным глазом. Они, очевидно, готовились прочесать палубы крейсеров ружейным огнем, если те приблизятся на расстояние выстрела. Полевые орудия, по-видимому, были выдвинуты вперед вместе с основной линией фронта, и эта группа пехоты была всем, что имелось в наличии.

Революционная армия была растянута на очень широкой территории, простиравшейся от берега реки более чем на десять километров до точки, расположенной далеко от другой стороны железной дороги, в целом образуя прямой угол с тремя основными укрепленными пунктами, а между ними были укреплены роты пехоты. Снаряды лоялистов, выпущенные из нескольких орудий по всему правому флангу противника, разрывали ряды в клочья. Это было видно через бинокли. Но постепенно бой приближался. Людей, сражавшихся за установление своей Республики, медленно оттесняли назад. Сначала одна рота отходила немного назад, снова становилась на колени и от всего сердца возобновляла ружейный огонь. Но вскоре после 9.30 утра наступил момент, когда стало очевидно, что корабли собираются добавить свою квоту — и, как выяснилось, слишком смертоносную квоту — чтобы разгромить революционеров. Сначала раздался ужасающий грохот, сотрясший воздух, хотя стрельба вокруг не прекращалась ни на мгновение. Тогда, казалось, в воздухе на одно мгновение воцарилась тишина, предвещающая ужасное зло. Раздался еще один хлопок; снаряд разорвался прямо на железной дороге — как раз на станции, которая была гордостью революционных сил как их грозной базы — было видно, как пламя поднимается от одного из зданий впереди, и адмирал увидел, что он попал в цель.

THE EFFECT OF A NAVAL BOMBARDMENT.

This populous village was burned to the ground in the first engagement of Admiral Sah's fleet with the revolutionary army.

ЭФФЕКТ МОРСКОЙ БОМБАРДИРОВКИ.

Эта густонаселенная деревня была сожжена дотла во время первого столкновения флота адмирала Саха с революционной армией.

Для армии, хорошо обученной военному искусству, старых ветеранов современных войн, было бы смелым поступком, возможно, безрассудством, попытаться противостоять армии, равной ей, и военно-морским силам, мощь которых неизвестна. Гораздо большего следовало бы ожидать от армии, огромный процент которой состоял из необученных новобранцев, которые едва держали в руках винтовку до того, как разразилась эта Революция. В то время, о котором я пишу, такова была позиция Революционной армии. От сухопутных войск они могли ожидать всего, с чем могли справиться теми силами, которые у них тогда были на базе. Это был хороший бой, и они хорошо удержали свои позиции, чувствуя потребность в обученных войсках. В дополнение к этому, многие из обученных войск были расстреляны своими же людьми — новобранцами, которые были размещены в тылу и расстреливали регулярных войск на фронте — самая прискорбная черта революционеров на протяжении всей кампании.

Теперь, когда военные корабли начали с пугающей точностью забрасывать Революционный лагерь снарядами, для них это казалось безнадежным. Подавляющее большинство, однако, с заметным хладнокровием держалось за свое оружие.

Над сушей раздался свист снарядов адмирала Саха - их эффект был потрясающим. Вскоре стало ясно, что революционерам придется эвакуироваться. Остаться в их нынешнем положении означало бы только полную катастрофу, и они видели, что это безнадежная задача. Многие из них медленно покидали строй, все перепачканные и неупорядоченные, усталые и несчастные, и возвращались обратно через сочувствующие деревни и вдоль железнодорожной ветки в сторону родного города Ханькоу. Затем они быстро ушли, и империалисты забрасывали их снарядами, когда они убегали. Пекинцы прокрались через траншеи с большим мастерством, имея великолепное офицерское звание и показывая всем, что они делали — артиллеристами и пехотой, — что они современная армия, с которой нужно считаться. Затем они отправились на Ипподром; их временно отбросила разношерстная толпа революционеров, скорее пылких, чем умелых, которые заняли новую позицию. Стрельба возобновилась, и империалисты, несмотря на то, что "Максимы" были направлены на них с ужасающей силой, прорвались через окопы. Их храбрость была одной из замечательных особенностей того дня и войдет в историю. Они были безнадежно скошены, жестоко выбиты огнем "Максима", но они выстояли и выступили в стиле, на который британские полки не посмотрели бы свысока.

"Братья!" они восклицали в своем невежестве: "Мы сражаемся со стаяй грабителей и хулиганов. Мы должны сражаться, чтобы спасти нашу страну от недостойных людей".

К двум часам дня, после того как разведывательные группы поработали с обеих сторон, они снова подошли вплотную к японской концессии, и возникло опасение, что иностранные концессии будут захвачены в первый же день боя. Однако эти поселения охранялись великолепно — американские, австрийские, британские, французские, немецкие и японские военно-морские контингенты были размещены повсюду, все дороги забаррикадированы, и принимались все меры для сохранения мира и порядка.

Количество погибших в этом сражении, как и в большинстве других, неизвестно.

После имперского успеха ранее в тот же день адмирал Сах направил официальное уведомление британскому контр-адмиралу Уинслоу, который номинально отвечал за внешнюю оборону, о

том, что он начнет бомбардировку Учана завтра в три часа дня. На этот счет был разослан консульский циркуляр, настоятельно рекомендующий всем женщинам и детям покинуть город. Далее говорилось, что иностранные канонерские лодки могут спуститься вниз по реке, но полная охрана будет высажена и сохранена в Концессиях для обороны. Добровольцы также останутся на дежурстве.

ГОТОВ К НЕОЖИДАННОСТЯМ.

Американцы охраняли Иностранную концессию, в то время как поблизости шли тяжелые бои. Иностранное сообщество опасалось, что любая из сторон, потерпев поражение, может укрыться в Концессии.

Именно в эти дни адмирал Сах сыграл замечательную игру в блеф. Обещанной бомбардировки не последовало, и впоследствии стало известно, что она никогда не планировалась. На борту крейсеров ощущалась нехватка боеприпасов, среди экипажа открыто выражалось величайшее недовольство; адмирал не был вполне уверен, что бомбардировка Учана приведет к капитуляции; у него также возникло ощущение, что это была ссора сухопутных войск, и он сказал имперским лидерам, что, по его мнению, они должны быть достаточно сильны, чтобы покончить с этим делом самостоятельно — и таким образом, дни проходили без какого-либо серьезного вмешательства в Учан политики генерала Ли Юань Хуна сидеть сложа руки. Дополнительный моральный эффект от того, что он помог Революции удержать Учан, был огромен: каждый день приносили новости либо о столицах провинций, либо о городах "фу", связывающих свою судьбу с Революцией, и Ли, дальновидный и чрезвычайно способный, сдержал атаку, которую гарнизон Учана стремился начать, и сосредоточил свою армию на стороне Ханькоу.

Здесь боевые действия велись с отвагой, которая поражала всех наблюдателей. Императорская армия впервые с тех пор, как была организована китайская образцовая армия, была вовлечена в настоящие боевые действия. Революционеры — правда, многочисленная толпа — были по большей части необученными новобранцами, людьми, которые никогда не стояли под

ружейным огнем, от которых можно было разумно ожидать, что они будут "бояться оружия". Но их храбрость, поскольку они верили, что их борьба была борьбой за освобождение, о чем, вероятно, знали очень немногие из необученных новобранцев, заставила бы многие западные полки покраснеть от зависти.

Те первые дни войны действительно были периодом сильного волнения и неожиданности.

К 1 ноября империалисты, уже овладевшие Десятым километром и всей линией от Пекина, благодаря упорному и неустрашимому поведению, отличной дисциплине и военному здравому смыслу, проложили себе путь к Тачимену, железнодорожной станции за французской концессией. В то утро я был в лагере на станции. На иностранцев смотрели с подозрением, и когда я вошел на станцию, некоторые офицеры косо посмотрели на меня. Никакая другая армия не позволила бы мне пройти барьер, не увидев пропуска. Но пропуска у меня не было. Когда я сидел, болтая с группой хорошо спаянных северных парней, которые, казалось, чувствовали себя совершенно непринужденно и имели все, что хотели, — за исключением сигарет, о которых они постоянно спрашивали, — было трудно поверить, что находишься в самом центре злободневного мира. Взоры каждого были обращены к этой великой борьбе между китайцами. Все газеты Лондона и Нью-Йорка были сосредоточены на войне. Китайская революция маячила на далеком политическом горизонте, ибо то, что затронуло Китай именно тогда, повлияло на весь мир. И когда эти имперские молодцы на своей военной базе поздравляли друг друга с тем, что, по крайней мере, у них появился шанс действительно побывать на войне, они имели лишь слабое представление о важности, придаваемой этому конфликту. Снаряды, которые падали вокруг меня, однако, приносили вести о Китае, которому суждено было быть.

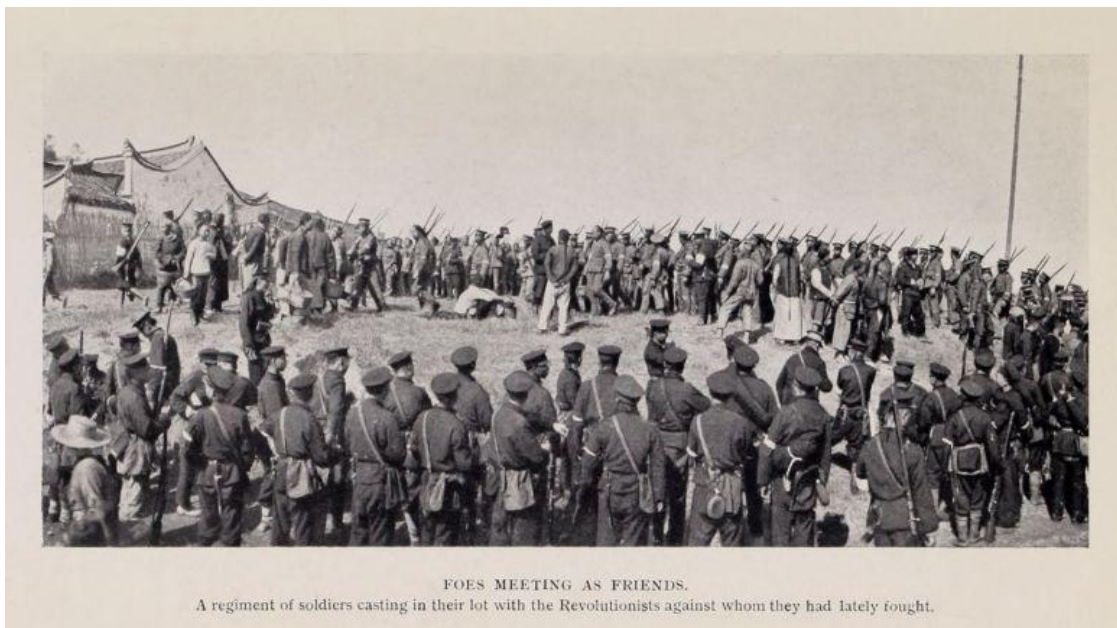
Менее чем в сотне ярдов от того места, где я сидел, стояли четыре полевых орудия — смертоносные четырехдюймовки, современные крупновские, — посылающие снаряды в Ханьян с такой скоростью, на какую были способны артиллеристы. Грохот потряс весь город, отправив перепуганных детей к их матерям, которые сами были вне себя от страха. Революционные батареи в Ханьяне, еще не замолчавшие и не проявлявшие никаких признаков прекращения боя, сбрасывали снаряды иногда ближе, иногда дальше, но никогда в батарею здесь, на железной дороге.

Как заинтересованный зритель, я сидел на нескольких шпалах и смотрел, куда падают снаряды из обоих комплектов орудий. Это было обычное времяпрепровождение, и никто, казалось, не возражал против моего присутствия. Артиллеристы с величайшим ликованием объясняли, как устроены четырехдюймовки, показывали в сторону холма Ханьян и рассказывали, что они пытались обстрелять храм с видом на Янцзы, и когда где-нибудь поблизости падал вражеский снаряд, раздавались восторженные крики веселья. Они проникательно смотрели на человека, улыбались, расспрашивали о его семейных связях в характерном китайском стиле и были бы очень рады, если бы с ними можно было вести беседу на китайском. Среднестатистический военный наблюдатель, вероятно, объявил бы Имперскую армию своеобразной военной силой. В повседневную рутину был внедрен экстравагантный китайский этикет в сочетании с дисциплиной, совершенно непривычной для китайцев, и на первый взгляд, судя по лагерной жизни, китайская армия никоим образом не была современной армией. Но то, что эта Образцовая армия Китая — такой же миф, как некоторые хотят заставить нас поверить, я, находясь во всем этом, ни на минуту не мог одобрить. Иностранец всегда смотрел на китайца как на человека, который не стал бы сражаться с ним оружием войны; его главной атакой было

бы оружие торговли, бойкота или доверия. Но современная китайская армия, безусловно, не миф. Она достаточно сильна, чтобы сохранять мир с другими странами, если не вступать в какие-либо внешние распри с идеей победы.

Я бы первым признал, что революционеров было больше, но обученный боец - это тот, кто побеждает в битве. Менее пятой части их войск были обученными солдатами; было замечено, как они выходили в боевой порядок, правда, в военной форме, приставляли приклады своих ружей к бедру и стреляли, пока не увидели, что их собственные люди падают замертво перед ними, застреленные сзади. Но что касается Северной армии, то достаточно было всего лишь прогуляться по их лагерю, чтобы убедить самого случайного наблюдателя в том, что врагом Революционеров была армия, которая действовала так, как и подобает армии. Армия, защищающая трон, была результатом двенадцати лет напряженной работы великого гения. Северная армия была основана на принципах, изложенных Юань Шихкаем, военным гением Китая, и этот гений, используя свои мозги, но ничего не видя в сражении, как раз тогда руководил операциями по мере их продвижения.

То, узнавали ли империалисты больше о том, за что они сражались, то, стремились ли очень многие в рядах бросить все и вернуться по домам, то, стремилась ли определенная часть из них сменить форму, перейти в другие ряды и расстреливать тех, на стороне кого они проходили подготовку, не влияло на общее положение. Империалисты были винтиками машины, и за свою жизнь они не могли прекратить борьбу. Возможно, они действовали нерешительно, как многие говорили, но их организация была почти идеальной.

ВРАГИ ВСТРЕЧАЮТСЯ КАК ДРУЗЬЯ.

Полк солдат, связавших свою судьбу с революционерами, против которых они недавно сражались.

Когда я сидел на шпалах, вскоре собралась толпа солдат. Некоторые протягивали мне свои миски с рисом и, пока ели, просили меня *чи-фань* своими палочками для еды, а когда я взял

черствый кусок хлеба у одного из пехотинцев и начал жевать его, чтобы показать, что не испытываю ни малейшего недоброжелательства, все они покатывались со смеху, и каждый клялся, что я хороший парень во всех отношениях. А потом мы разговорились. "Ах!" — возмущенно завопил офицер, когда я спросил его, почему китайцы сражаются с китайцами. "Эти люди - мятежники - *динь куай, динь куай тих рен!*" [1] Они делают все возможное для иностранных концессий, и наше правительство собирается это прекратить. Они не настоящие солдаты. Они всего лишь грабители и злые люди; они не умеют сражаться. Мы [и мужчина пригладил себя] - бойцы ". А потом он пригласил меня немного пройтись с ним, пока мы не оказались в поле зрения орудий, выпускающих снаряды. "У нас здесь есть оружие, которое сбросит этих парней в эту великую реку, и если они в ближайшее время не сдадутся, именно это мы и собираемся сделать. Мы не собираемся оставлять дом стоять; таков приказ Юань Шихкая, и через несколько дней все это закончится, и мы все вернемся в Пекин и проведем отпуск. Юань Ших Кай, - тихо сказал он, - находится на Десятом километре, [2] и дальше он подниматься не будет. Он замечательный парень. Он владеет ситуацией и просто ждет своего часа. Революционеры думают, что он боится, потому что наши люди сегодня не сражаются, но вы подождите; скоро вы увидите, как убьют всех людей в этом городе. Мы убиваем всех, кого видим, и убьем еще многих, многих".

- Но тебе не кажется, что это забавно со стороны *тао ли*, когда китайцы убивают китайцев? Затем мужчина отвернулся и нерешительно улыбнулся. "А! это совсем другой вопрос. Это был старый стиль. Мы - новая армия, и нам приказано сражаться за Новый Китай. Мы не хотим, чтобы наша страна попала под контроль всех этих нечестивых людей".

- Да, я достаточно хорошо это понимаю. Но эти бедняги, которых сбивает с ног ваша стрельба по крэку, хорошие ребята, и все они тоже сражаются на благо своей страны..."

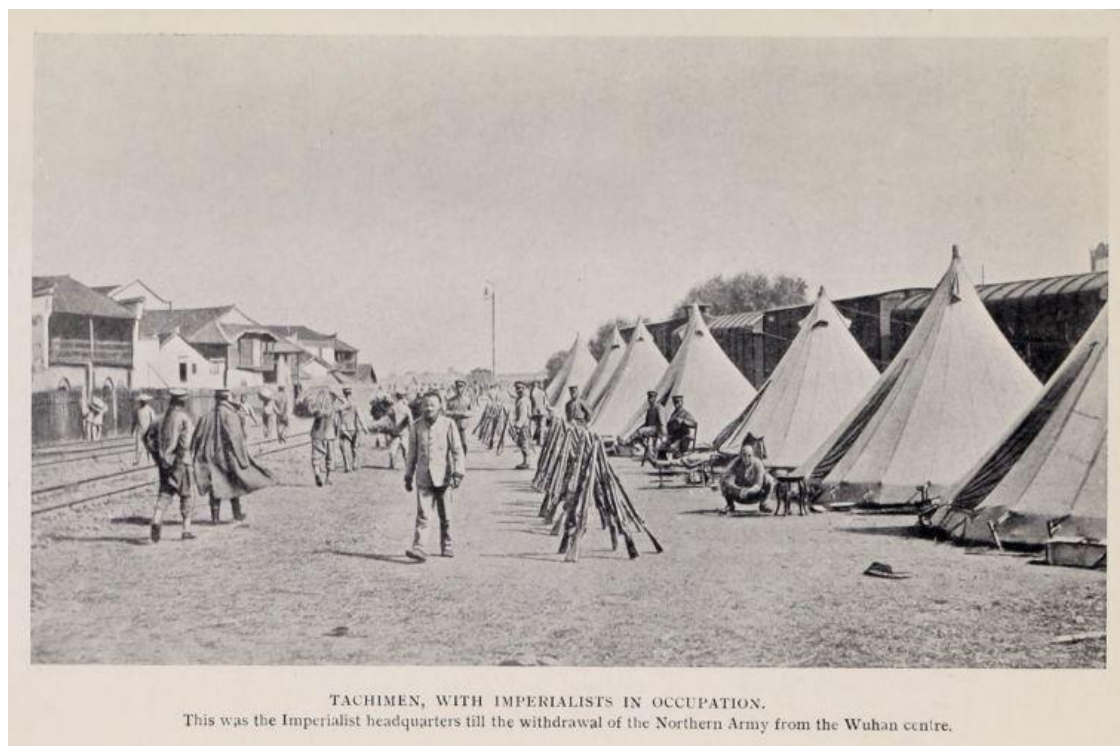
Но он перебил меня. Он ничего этого не хотел слышать. Он подумал, что я сам революционер, и замолчал. "Это то, что они вам говорят", - наконец заметил он. "Если они придут к власти, все будет совершенно по-другому".

Я снова подошел к нему, когда он уходил от меня. "Боюсь, вы не поняли всей правды этой истории. Эти люди думают, что они правы. Они, конечно, не такие грабители, как вы о них думаете. Вероятно, вас дезинформировали, и..."

"Мы не дезинформированы. Все наши офицеры - хорошие люди, а наши люди - лучшие, кого можно было прислать. Мы лучшие в армии, и именно по этой причине нас послали..."

* * * * *

Вскоре стало очевидно, что угроза империалистов будет приведена в исполнение. Их первой угрозой было то, что они возьмут Ханькоу в первый день, Ханьян - во второй, Учан - в третий. Ханькоу скоро будет взят. Все это знали. Однако позволит ли Юань Шихкай своей армии сжечь его дотла, как было заявлено, было его намерением, это другой вопрос. Никто не верил, что такая дикость будет допущена; но такова была угроза, и, в конце концов, пожары - обычное дело в военное время.

TACHIMEN, WITH IMPERIALISTS IN OCCUPATION.
This was the Imperialist headquarters till the withdrawal of the Northern Army from the Wuhan centre.

ТАЧИМЕН, ОККУПИРОВАННЫЙ ИМПЕРИАЛИСТАМИ.

Здесь находился штаб империалистов до вывода
Северной армии из центра Уханя.

Преподобный А. Дж. Макфарлейн, директор колледжа Гриффита Джона, который оставался на некотором расстоянии от Ханькоу во время большей части тяжелых боев, рассказал мне следующий отчет о несколько опасной поездке, которую он совершил по дороге на задворках города. Это поможет показать условия по всей стране в то время, когда стрельба была самой тяжелой: —

"В воскресенье, 29 октября, императорские войска с боями прорвались вдоль всей железнодорожной линии от дороги Синг Сенг до реки Хань в Чяокоу, и в воскресенье вечером из Колледжа мы впервые услышали лай Максим, и в ту ночь в девяти местах вокруг железнодорожной линии были пожары. Но к вечеру понедельника контратака хунаньских войск, казалось, снова вернула ход сражения к станции Тачимен; и местные слухи гласили, что все империалисты были разбиты на куски или сдались. Конечно, по стрельбе было очевидно, что они далеко отступили, и поскольку мы уже четыре дня не получали известий из Ханькоу и нуждались в серебре для выплаты жалованья и питания ученых, я решил во вторник попытаться договориться о концессиях. (Мы регулярно продолжали несколько занятий до субботы, но в воскресенье ушли последние два китайских мастера.)

"Трехмильная поездка до начала туземного города была отмечена следами недавних боев, и мне пришлось сделать крюк, где, как говорили, несколько империалистов прятались в хижине и велась снайперская стрельба. Я добрался до Ма-лу, что у старой городской стены, и обнаружил, что все вокруг опустело; даже глинобитные хижины нищих были пусты и наполовину сожжены; а вместо обычной толпы пешеходов, носильщиков и рикш не было видно ни одного

человека, даже бродячей собаки. Родной город Ханькоу казался городом мертвых — его не сжигали до следующего дня, среды, — и, должно быть, тысячи людей все еще прятались в домах. Пройдя примерно милю по дороге, где признаки ожесточенного сопротивления — пробоины от снарядов в домах и разбросанные гильзы — были со всех сторон, я наткнулся на пятерых или шестерых хунаньских солдат, залегших под прикрытием бруствера у обочины и ожидавших выстрелов из ружей в имперских солдат, которые овладели железнодорожной насыпью, идущей параллельно Ма-лу, примерно в полумиле от нас. Они дружелюбно помахали мне рукой, приглашая пройти вперед, очевидно, не желая выдавать свое присутствие врагу. Итак, я продолжил одинокую прогулку и миновал искалеченное тело чернокожего, засиженное мухами, и груды неиспользованных патронов, рассказывая им историю поражения и поспешного отступления. Безмолвный воздух был тяжелым от запаха смерти, повсюду витал запах горелой плоти и дерева. Внезапно со стороны железнодорожной насыпи раздалась вспышка и выстрел из ружья, и поскольку я не знал, предназначался ли он мне, я спешил и прошел немного вперед, чтобы показать себя иностранцем, но поскольку больше ничего не последовало, я снова поехал на велосипеде и вскоре проехал еще мимо десятка людей в черных мундирах, залегших на обочине дороги в ожидании выстрелов у железнодорожной насыпи, и еще нескольких в укрытии дома, стрелявших через разбитые окна. Там были еще один или два мертвых революционера и наполовину сгоревший пони или корова среди нескольких разрушенных хижин, а чуть дальше на обочине дороги лежала полуголая женщина, очевидно, из нищего сословия, лежащая в луже крови. Когда я приблизился к Водонапорной башне, там были открыты два или три небольших ларька и несколько человек вокруг; и я впервые заметил отряд серых плащей, двигавшихся в некотором отдалении между хижинами. Морские пехотинцы в конце Ма-лоо помогли моему велосипеду перебраться через барьер из мешков и кирпичей, и звук пушечной пальбы неподалеку как раз в этот момент подчеркнул божественное чувство безопасности и облегчения, когда ты снова ступаешь на землю Концессии, где все было тихо.

"В 3 часа дня, поскольку условия казались почти такими же, и я выполнил свои дела и раздобыл необходимые доллары, я поехал обратно тем же путем без каких-либо приключений, если не считать нервного, сжимающего чувства в области сердца, когда несколько снайперских выстрелов снова раздались взад и вперед, пока я не выехал за город в сравнительную безопасность пустынной сельской местности и к сердечному приему в школе".

[1] "Очень плохие люди" в буквальном переводе с китайского.

[2] Примерно в это же время Юань Шихкай, повинаясь настоятельному приглашению трона, вступил в должность. Он был назначен вице-королем Ху-квана, и ему было поручено подавить восстание. В отчете говорилось, что сейчас он находится на Десятом километре, но на самом деле он был в Сяокане. Возможно, читатели захотят ознакомиться с главой, посвященной Юаню на данном этапе.

ГЛАВА VIII

СОЖЖЕНИЕ ХАНЬКОУ

Вы когда—нибудь видели огонь - большой костер? Вы когда-нибудь стояли, наблюдая за масштабным пожаром в прериях, и видели, как языки пламени танцуют и прыгают вверх, вниз, извиваются внутри и снаружи и угрожающе приближаются к вам? Если да, то вы в какой-то мере сможете следовать за мной. Можете ли вы представить, что в этом огромном танцующем огне прерий вы видели тысячи крыш домов, минаретов, шпилей храмов, крыш всех высот, размеров и форм — можете ли вы? Можете ли вы представить себе это дикое пламя, сильно раздутое в одну сторону, и увидеть, как этот могучий пояс пламени яростно скачет вперед, затем отступает, затем снова скачет и набирает высоту, затем, наконец, успокаивается, как будто держит своего незадачливого врага в самых смертельных объятиях, медленно мучая его и жестоко вытягивая из него последний вздох жизни? Видите ли вы эту похожую на море, вздымающуюся массу клубящегося дыма, слишком густую, чтобы ее мог разогнать сильный северный ветер, но достаточно густую, чтобы двигаться медленно и время от времени уступать место этой огромной силе раскаленного добела, потрескивающего огня, который в гневе возносит свое темно-красное пламя к небесам? И можете ли вы разглядеть за собой сквозь этот густой дым еще крыши, шпили и изогнутую китайскую архитектуру, которые, кажется, петляют вверх-вниз, туда-сюда, как целый беспорядочный кавалерийский полк в ужасном бегстве; кажется, что они идут все дальше и дальше, но так и не продвинулись дальше? Их усилия великолепны, но тщетны. Они скачут быстрее некуда, назад и вперед, вверх и вниз, и в конце концов, потеряв всякую надежду, вынуждены безнадежно осесть в дыму и навсегда пропасть из виду.

THE BURNING OF HANKOW.

A wave of flame a mile and a half wide swept through the city and rendered half a million people homeless.

СОЖЖЕНИЕ ХАНЬКОУ.

Волна пламени шириной в полторы мили прокатилась по городу и оставила без крова полмиллиона человек.

Но эти крыши - не кавалерия, это не люди. Мужчины и перепуганные женщины, крошечные беспомощные дети, старые отцы и матери, инвалиды, недееспособные, слепые, хромы и увечные покинули город пару дней назад и теперь бродили по сельской местности, как богатые, так и бедные, которых выгоняли из домов. Однако те, кто сомневался или был безразличен, были запружены пылающей улицей, беспомощные, потерявшие надежду, ожидая своей неизбежной гибели в этом великом пожаре, великом пожаре Ханькоу, посвященного центрального рынка китайского мира, ныне обреченного на гибель в китайской войне.

Никто никогда не скажет точно, что произошло во время обстрела города. Европейцы собрались на крышах своих домов в Концессиях, чтобы посмотреть и почувствовать, как их сердца разрываются от жалости. Человек рассеянно смотрел в кипящий котел и ожидал, что за зловещим пламенем тысячи людей скорбно прощаются перед тем, как отправиться умирать. Казалось, для бедных людей не было иного спасения, кроме как в могиле; все усилия, казалось, были лишены надежды. Когда кто-то наблюдал, ему, казалось, казалось, что под этими крышами самые печальные сцены, которые только можно было разыграть в истории, были записаны с печальными, безутешными слезами. Казалось, он чувствовал, что они сгрудились вокруг, эти мужчины и женщины, эти маленькие дети, эти инвалиды, эти слепые, эти бедняги, которые вот-вот умрут, как крысы в своих норах. И в душу человека закрадывался бесконечный пафос.

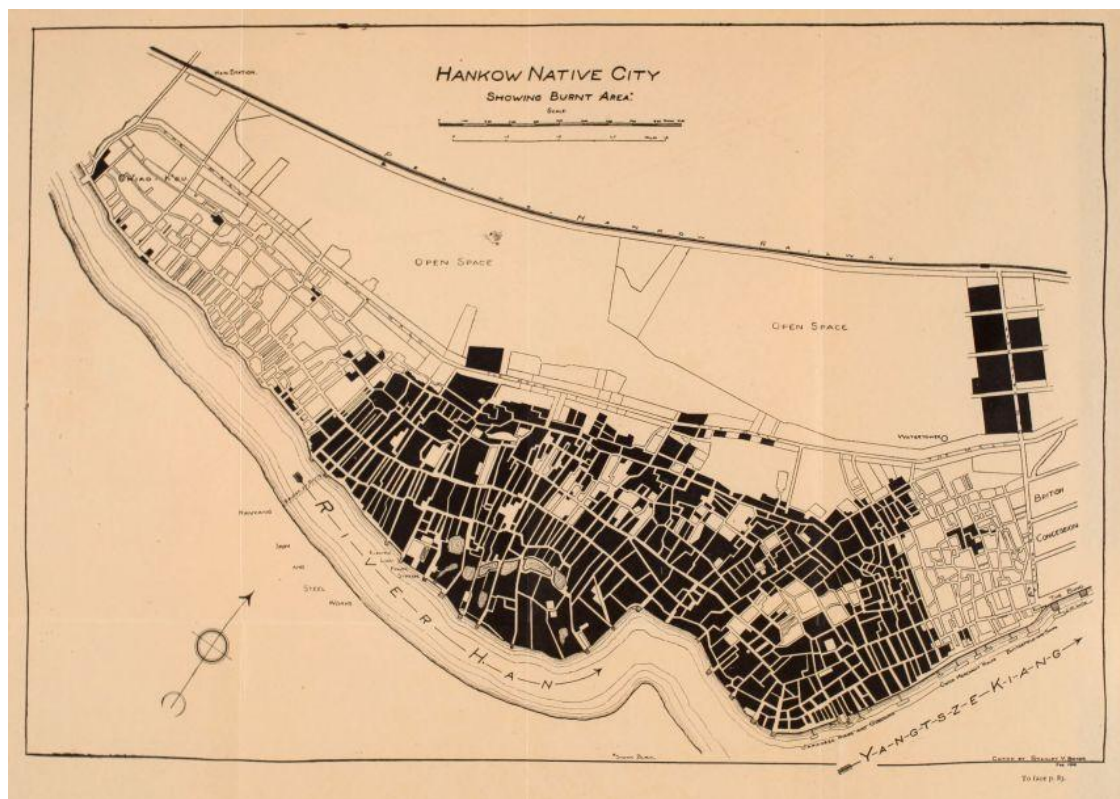

ДОРОГА СИНГ СЕНГ.

Самая шикарная улица Ханькоу после пожара.

Здесь больше недели шли ожесточенные бои.

Но я спрашиваю снова, можете ли *вы* вообразить все это? И, вообразив, думаете ли вы, что смогли бы описать? Я смотрю и смотрю. Пламя, кажется, затягивает меня в свое огненное лоно, как фосфор в море. Я вижу все это, безумно расходящееся вправо, влево, затем снова сходящееся в центре. Он безжалостно рвется вдоль этого огромного пояса зазубренного пламени и скоро встретится со своим собратом. Кажется, что они мчатся наперегонки, каждая часть этого ужасного огня, кажется, соперничает с другой частью, убивая и сжигая, обрекая на медленную смерть множество мирных людей, которые не смогли спастись бегством. Он снова движется вверх, вниз, внутрь, наружу, назад, вперед; иногда он достигает большей массы, которая уступает с меньшей готовностью, и там он сидит, как какая-нибудь большая хищная птица, пока его победа не близка, а затем снова идет вперед с яростным ликованием. Я спрашивал вас, можете ли вы, представив это, описать это. Вот я сижу на высокой крыше и вижу это. Это здесь, во всей своей ужасной реальности, происходит на моих глазах, пока я пишу, создавая историю нашего времени, и мое дело - описать это; вот почему я здесь. И все же моя ручка беспомощно падает. Это не поддается описанию. Фразеология не подходит. Слова застревают, ручка остается неподвижной; я не могу это описать. Безусловно, самое худшее, что я когда-либо знал, - это жестокое разрушение великого города, превратившегося в город мертвых и место плача.

Карта родного города Ханькоу с указанием сожженной территории.

Но когда видишь вдали, в одном из углов этой глубокой, плотной, беспорядочной пылающей массы, одну маленькую прямую струйку дыма, поднимающуюся к небесам, то думаешь, что отныне это подходящая жертва руке Судьбы, которая направит этот угнетенный народ по более счастливому пути. Это, однако, придет с годами; сейчас огонь с нами. Мы, наблюдавшие за войной, по-своему говорили о сожжении города. В конце концов, ничего особенного не стоит сжечь дотла город с населением в пятьсот тысяч душ. В Китае едва ли можно сосчитать один город, окруженный стенами; и что, скажите на милость, значит для пятисот тысяч человеческих существ из четырехста тридцати миллионов остаться без дома или крова? Когда Китай горит, когда он убивает, когда он делает все, о чем люди, называющие себя цивилизованными, боятся и мечтают, он показывает миру, что в прошлом он был хозяйкой всего, что мы называем дикостью. Для нас это акт величайшей дикости. Для нас это грех против Бога и человека - умышленно сжечь город дотла, бессмысленно уничтожить накопленные богатства на сотни тысяч фунтов стерлингов; для нас все это немыслимое преступление. Для Китая хорошо, что такими актами так называемой дикости, настоящего варварства, грубейшей, бесчеловечной тактики народ, простые люди, рубящие национальные дрова и разливающие национальную воду, учатся знать, что они должны оставаться на своем месте, что рука правительства сильна, что место, на которое их поместили Небеса, должно быть занято с честью, и что к Революции у них не должно быть склонности. Для Китая отправление в вечность тысяч своих братьев-смертных служит благу тех, кто остается, и уничтожение собственности в их национальной истерии не имеет значения ни на минуту. Поэтому для тех из нас, кто знает Китай и кто не может поверить, что все, что мы видим и слышим, является правдой относительно ошеломляющей реформы, которая, как утверждается, заключила страну и ее народ в свои объятия, не было большой неожиданностью увидеть, как империалисты приводят в исполнение свою угрозу

сжечь город дотла. И это счастье, что десятки тысяч людей, знавших национальный дух и ожидавших повторения ужасов прежних восстаний, собрали все, что могли, и убрались подальше от огнестрельного оружия по суше или воде.

В течение всего долгого дня огонь догорал, создавая зрелище столь же чудесное, сколь и ужасное. Из рокового города толпами прибывали напуганные люди, которые остались там; или, во всяком случае, они предприняли попытку, но только для того, чтобы быть застреленными поджидавшими их солдатами. Если от этих перепуганных людей не поступало удовлетворительного объяснения, их безжалостно закалывали штыками или расстреливали насмерть. Улицы охранялись империалистами, которые, казалось, жаждали крови и которые со страшным ликованием безнаказанно выполняли свою миссию. Больше, пожалуй, говорить нет необходимости. Это было зрелище, которым Неро, возможно, наслаждался, но для любого, у кого в нем осталась хоть капля человечности, даже для тех людей, которых иногда встречаешь в Китае, которые не испытывают симпатии к китайцам и думают, что им не следует помогать религиозно или социально, а следует оставить идти своим дурным путем, это зрелище, должно быть, причинило величайшую боль. Люди выходили из города в надежде найти убежище на иностранных концессиях; они бросили по дороге то небольшое снаряжение, которое могли унести с собой, и теперь они надеялись, во всяком случае, спасти свои жизни, и стремились пройти через ворота. Но нет, даже в этом им было отказано. Они должны были вернуться, вероятно, навстречу своей гибели. Британские "синие куртки", стоявшие у этих выходов, сказали мне, что их сердца обливались кровью за несчастных людей, но им было приказано, чтобы никто не выходил. Одной из величайших угроз, с которыми столкнулись британские власти, были грабежи, угрожавшие горящему городу. Только одна дорога отделяла город от британской концессии, и когда люди начали разбегаться, мародеры оказались в Эльдорадо. Негодяи выходили оттуда с мехами, шелками, серебряной посудой и всеми ценностями разного рода и состояния, сдавали это на хранение в Концессии и возвращались за добавкой до тех пор, пока не возникала необходимость помешать китайцам проникнуть на Концессии. Однако через некоторое время это правило было изменено, и добровольцы, говорившие на местном языке, были размещены там, чтобы расспросить о миссии тех, кто спасался бегством; но сотни людей, должно быть, перебежали от ворот к воротам, как крысы в своих норах, зная, что с каждой минутой огонь становится все более угрожающим. Ночью за этим зрелищем наблюдали сотни людей. Поистине душераздирающим было смотреть на то, как один из лучших городов на Янцзы был стерт с лица земли. Когда наступила темнота, широкое пространство красного пламени осветило местность на многие мили вокруг. В Лондонском миссионерском госпитале, примыкающем к Концессиям, был переполох из-за опасения, что здание загорелось, так как ветер слегка изменился. Все пациенты были подняты с коек и перенесены в другие убежища. Европейцы и местные жители образовали одну большую общую группу, унося ценности. Увиденное мы никогда не забудем. Плачевное положение народа, возмущение толп, поклявшихся отомстить правительству, и многое другое, о чем нельзя поспешно думать или рассказывать, надолго останется в нашей памяти.

Во время вспышки пожара считалось, что в современных Содоме и Гоморре, должно быть, погибли тысячи людей. Империалисты сошли с ума от жажды войны. Днем или двумя ранее Юань Шихкай предложил крупную награду за возвращение Ханькоу, и люди жаждали добычи. Все их трупы, непочтительно сложенные грузовиками, были брошены в огонь, и на второй день пожара над Концессиями разнесся отвратительный запах тлеющей человеческой плоти. В те дни европейцы наблюдали ад со своих крыш. В тылу британской концессии, в тылу французов и

в тылу немцев находились батареи; империалисты прокладывали себе путь к реке Хан, своей цели, и с их батареями энергично велся непрерывный обстрел.

Никто не забудет те дни. Но, как казалось, чтобы этого не произошло, большие орудия из Тачимена продолжали упорствовать, обрушивая снаряды на город Ханьян и все остальные места, где солдаты, вероятно, могли попасть в засаду. Орудия гремели вдали в течение часа, а затем снова наступила мертвая тишина, нарушаемая только теми, кто все еще спасал раненых и беспомощных. Но затишье длилось недолго. Вскоре из ближайшего к Иностранной концессии угла города повалили новые клубы черного дыма, свидетельствующие о том, что смертоносная работа возобновилась. Вскоре пламя снова взметнулось вверх, ветер задувал его дальше внутрь, к еще стоявшим домам, поблизости беспричинно падали снаряды; был тот же пафос и та же паника — город снова был в огне. И так продолжалось три дня, и каждый мог снова увидеть все, что он мог себе представить в этом пожаре в прериях.

THE TOLL OF THE DEAD.

After the heavy fighting round Tachimen, nearly all the work of collecting the dead for burial fell to the lot of foreigners.

ЧИСЛО ПОГИБШИХ.

После тяжелых боев вокруг Тачимена почти вся работа по сбору погибших для погребения выпала на долю иностранцев.

Казалось, гнев Ада обрушился на людей. По всей сельской местности они были напуганы — и хорошо, что так оно и было, потому что в своей ярости империалисты сжигали все на своем пути. В разгар огромного пожара иностранцам было разослано общее приглашение отправиться в город по Малу - большой дороге, огибающей город, — чтобы забрать восемьдесят слепых мальчиков и раненых из госпиталя Уэслианской миссии. Первое впечатление было такое, что больница, школа и все, чем располагала Миссия, были выпотрошены. "У нас в Миссии есть 10 000 фунтов стерлингов, - подслушал я слова одного из миссионеров, - но это не так важно, как мои слепые мальчики". Тем временем власти Красного Креста заручились разрешением спасательной группы отправиться в город. Каждый человек, который добровольно вызывался, знал, что идет на большой личный риск. Бой все еще был тяжелым, но

каждое мгновение имело значение — и кто мог знать, кроме того, что этих слепых мальчиков сжигали заживо? Однако с наступлением темноты они были спасены — только те, кто пошел, знали, какой ценой.

3 ноября наступило значительное затишье.

Эти затишья - опасные предвестники зла в Китае.

Империалисты захватили Ханькоу и, как было известно, были готовы продвигаться к Ханьяну, великой цитадели революционеров — городу, почти неприступному самому по себе, с высоким холмом, прикрывающим город сзади, и достигли его только после того, как перешли вброд быструю реку шириной в несколько сотен ярдов в самом узком месте. На северо-западе гряда холмов буквально ошметинилась революционными большими орудиями; сам холм Ханьян представлял собой практически одно непробиваемое укрытие, и носы орудий всех размеров были направлены во все стороны. В Учане все холмы были укреплены, а вдоль берега реки на много миль выше и ниже города были расставлены большие орудия. Но в реальных боевых действиях, как уже было сказано, наступило затишье. В то, что это было опасное затишье и что оно наступило перед бурей, твердо верили. Никто лучше китайцев не умеет ждать — все они в прошлом мастера в искусстве затягивания времени, - и считалось, что через несколько дней либо закончится война и установится новое правление при диктатуре Юаня, либо восстановится имперское правление с некоторыми изменениями, либо наступит положение дел, бесконечно худшее, чем все, что когда-либо было.

Учитывая, что революционеры неоднократно отбивались, хотя и со значительными потерями для империалистов, когда от двух третей города Ханькоу осталась лишь груда черных, обугленных руин, когда тысячи и десятки тысяч людей блуждали без дома и еды, когда с женщинами жестоко обращались и насиловали, когда грабежи и массовые убийства продолжались с дьявольской скоростью, случайный наблюдатель пришел бы к выводу, что с революционеров хватит. Они видели, что имперская рука в обращении с ними была склонна обрушиться с чрезвычайной силой, и, если потребуется, сокрушить и полностью уничтожить их — если это будет возможно. Но, как ни странно, революционеры, несмотря на свое печальное положение, когда большинство их лучших людей были убиты или ранены, а беспорядочная армия находилась только под командованием нового лидера, были полны еще большего энтузиазма.

Вероятно, наиболее примечательной чертой всей Революции в непосредственном центре трех городов, вокруг которых были сосредоточены активные операции, было поведение революционных войск. Это для человека с Запада, который никогда не был в Китае, может показаться не столь важным. Но изучающий китайские дела и читающий китайскую историю должен знать, что во время прошлых восстаний в этой стране солдаты, какими бы они ни были, ни разу не поразили мир своим чистым поведением. Было наоборот. Предыдущие восстания прославились количеством грабежей, воровства, изнасилований и общего беззакония, которые царили. Но в Революции, которую возглавил генерал Ли, ничего этого не было. Великолепное поведение войск, как обученных, так и необученных, было заслугой каждого, кто участвовал в восстании.

Следующий указ, один из нескольких, опубликованных в первые дни, продемонстрирует дух лидеров:—

"Ли, главнокомандующий Китайской народной армией, уполномоченный военного правительства специальным заявлением:

"По приказу армейского руководства я хочу, чтобы вы, народ моей страны, знали: куда бы ни пришли наши патриотические войска, у вас не должно быть поводов для малейших подозрений или беспокойства. Я пришел спасти вас, не имея ни малейшей идеи о приобретении заслуг или личной выгоды, но чтобы вытащить вас из огня и воды и вылечить от ваших язвенных недугов. До сих пор вы были жестоко угнетены и тонули в море страданий из-за того, что находились под властью инопланетной расы, которая относилась к вам как к бастардам, а не как к детям. Вы должны знать, что нынешние маньчжурские рабы не принадлежат к семье Хань, и мы, движимые неземным патриотизмом, не пощадим их от заслуженного возмездия. По этой причине я не мог не поднять наш патриотический флаг, чтобы дать вам освобождение, заставив весь народ объединить свои силы и изгнать их вместе с предательскими китайскими разбойниками, которым я не позволю долго оставаться в живых. Эти разбойники до сих пор ели нашу плоть, а теперь мы будем спать в их шкурах. Кто бы ни был движим патриотическими чувствами, пусть поскорее приходит и присоединяется к нашим рядам, и вместе мы снискаем славу освобождения страны. День возрождения народа Хань наступит с установлением Китайской республики, за которую вам, мои братья, не будет причин стыдиться. Ученые, фермеры, ремесленники и торговцы, пусть все объединят свои усилия с нашими, чтобы изгнать маньчжурских варваров. Куда бы ни направилась наша армия, она будет находиться под совершенным контролем, и к войскам и людям будут относиться одинаково, без малейшего пристрастия ни к тем, ни к другим. Я желаю, чтобы вы, мои возлюбленные единоутробные братья, все до единого с уважением прислушались к моему увещанию.

"Датировано 18-м днем первого года правления Хван Ти, то есть 4609-м годом существования Китая".

Другая сторона вопроса была красноречиво изложена в императорском указе, опубликованном примерно в то же время, который гласит:

"Уже более месяца различные провинции находятся в состоянии сильного волнения. Причины для этого были разными, и необходимо проявлять разборчивость, вновь заявляя о Наших намерениях Империи. Те, кто выступает за реформирование правительства революционными методами, предъявляют к трону невыполнимые требования, однако мы признаем, что они были вызваны патриотической любовью к своей стране и искренни; а также то, что страна повергнута в смятение и бедствие из-за того, что мы не смогли добиться прогресса в правительственной реформе. Мы неоднократно провозглашали, что должно быть создано реформированное и конституционное правительство, и мы объявили амнистию всем, кто формально был виновен в политических преступлениях, а также позволили революционерам сформировать политическую партию для использования на службе государства. Но что касается тех революционеров, которые разжигают расовую ненависть, которые желают создать чувство вражды между маньчжурами и китайцами, то они не работают над реформированием правительства, а просто разоряют все вокруг, чтобы удовлетворить свою личную ненависть, и этому нет оправдания. Мы трудимся ради процветания королевства и счастья народа, и мы не можем сделать правительство конституционным, пока в Империи не воцарится мир. Если этим людям будет

позволено будоражить народ своими озорными речами и пагубными идеями, беспорядки будут усиливаться, люди будут рассеяны и прискорбно погибнут. Когда четыре класса людей теряют свое занятие, вся страна погружается в смятение. Бедствиям не будет конца. Поэтому мы хотели бы искренне убедить вас, ученых, дворянство, армию и народ, в необходимости понимания принципа реформирования правительства и подавления беспорядков. Трон любит и уважает народ и желает, чтобы он стремился к улучшению, но что касается тех, кто выступает против этого и продолжает создавать беспорядки, то они являются врагами общества и опасностью для всех. Хотя они всего лишь меньшинство, Мой народ должен усмирить их сильной рукой, но если они раскаются в своих прежних преступлениях, они должны быть помилованы, и их прошлые проступки не должны быть обращены против них. Но плохим персонажам, которые пользуются возможностью жечь, убивать, насиловать и грабить, ни один закон разума не может позволить сбежать. Их необходимо выкорчевывать и выслеживать со всей скоростью, пока они не будут полностью истреблены, чтобы защитить хороших и мирных людей. Поэтому пусть татарские генералы, главнокомандующие, вице-короли, губернаторы и все, кто находится в военной власти, уважают мою волю и, делая различие между политическими партиями, подавляют непримиримых. Армия и народ поймут это намерение, и пусть все наверху и внизу единодушно трудятся над улучшением. Тогда стране повезет, а люди будут наслаждаться безграничным счастьем.

"Пусть этот Указ вместе с Указом от 14-го [4 ноября] будут напечатаны на желтой бумаге и вывешены, чтобы все могли быть проинформированы. Уважайте это".

ГЛАВА IX

КРЕПОСТЬ УЧАН

Теперь страна смотрела именно на Учан. Революционеры знали это. Подстегиваемые искусно составленными прокламациями, они сражались так, как редко сражались мужчины. Империалисты знали это, и они тоже не спали ни днем, ни ночью. Революция ширилась. Не имея возможности выяснить, что за этим последует, иностранцы из внутренних провинций спустились на побережье и в порты, предусмотренные договором, в поисках безопасности. Иностранные военные корабли подходили один за другим, японские преобладали по численности, и одно время их насчитывалось не менее пятнадцати под номинальным командованием контр-адмирала Кавасимы. Иностранцы повсюду выполняли добровольческую службу. Были возведены баррикады, и все ходили на цыпочках в ожидании. В течение нескольких дней бои были бессистемными, потери революционеров были больше, чем имперских. Через одиннадцать дней после великой битвы на Десятом километре, после жестокого сожжения города, было сделано очень мало эффективной работы. Во-первых, они не сделали того, во что заставили людей поверить, что они сделают. Обещание за обещанием

адмирала Саха бомбардировать были нарушены, армия двинулась маршем на Тачимен и захватила его, Ханькоу подвергся артиллерийскому обстрелу, и от этого места осталась масса обугленных руин, а пятьсот тысяч беспомощных людей были безжалостно брошены на произвол судьбы в поисках убежища, где они могли, — и в этом было достижение *in extenso*.

Империалисты, хотя и пытались, не смогли захватить Ханьян. Учан по-прежнему оставался оплотом Революционной партии с постоянно радужными перспективами прихода к власти.

Те, кто внимательно следил за событиями здесь, были сильно удивлены тем, как лоялистская армия провела эту кампанию. Вместо того, чтобы разгромить Революционную армию за несколько дней, что вначале, после первого сражения, казалось для них легким делом, они до такой степени растянули время, что теперь перед ними стояла задача более сложная, чем когда-либо, — отчасти из-за того, что из Хунани прибыло подготовленное подкрепление повстанцев, а отчасти потому, что *корпоративный дух* среди революционеров, который после их разгрома не составило бы большого труда полностью выбить из них, снова чудесным образом возродился.

Юань Шихкай, самый симпатичный из всех китайцев в Китае, вероятно, предвидел это, и, возможно, частью его мудрости было сдержаться и подождать. Он ждал, но едва ли знал, чего именно. Вероятно, он надеялся, что первое серьезное поражение выбило бы дух из людей до такой степени, что Революционная армия вскоре стала бы дезорганизованной, что лидеры в истинно китайской манере перессорились бы между собой, и что вскоре, оставшись без денег и припасов, Революционная армия снова пришла бы в себя. Тем временем люди говорили, что генерал Ли, революционный лидер, был дураком, что он должен был вывести своих людей и дать хороший бой. Они не могли видеть, что китаец встретился с китайцем и что оба ведут свою собственную игру. На Юаня смотрели как на великого человека, который не мог сделать ни одного неверного шага; Ли был просто обученным солдатом, и что он мог знать? Возможно, он знал немного, но он знал достаточно. Во всяком случае, он знал, как вести свою игру, и каждую ночь на закате поздравлял себя с тем, что еще один день удерживал столицу, поскольку Учан по-прежнему оставался цитаделью, и именно из Учана, как уже было сказано, другие места брали пример.

Наконец Юань увидел это. Он также увидел, что город за городом, почти провинция за провинцией, переходят на сторону Революции, и у него возник план, как остановить все это печальное дело. Затем он начал переговоры. Он написал генералу Ли в самых примирительных выражениях.^[1] Он пообещал новое правительство на конституционных началах; он пообещал, что маньчжурские княжества должны быть упразднены; он пообещал бесплатное помилование всем нарушителям закона и порядка — он выразил готовность пойти на любые уступки. Но в глубине души он понимал, что фактически он не в том положении, чтобы диктовать. Он должен был играть вторую скрипку, хотя и пытался играть на ней ноты первой.

СБЕЖАЛ ИЗ УЧАНА.

Иностранцы садятся на лодки, чтобы переправиться в Ханькоу после того, как провели взаперти в Учане много ужасных дней.

Ли прочитал свое коммюнике, улыбнулся, пошутил по этому поводу со своим секундантом, бросил его на пол и заявил, что не уступит ни малейшей доли. Он не уступил. Он ответил, что тогда не стал бы говорить о мире. Выражая свои сердечные поздравления, он убеждал Юань Шихкая в необходимости и мудрости обсуждения условий, когда революционные силы будут наступать на Пекин, и не раньше. Он призвал Юань Шихкая присоединиться к Революционной партии, указав, что это немедленно положит конец междоусобице. Ли Юань Хун добавил, что предыдущая история Юаня была такова, что ни один лагерь не подошел бы ему лучше, и, если бы он перешел на другую сторону, его сделали бы временным президентом Соединенных Штатов Китая.

Однако не следует ожидать, что только потому, что Ли не хотел говорить о мире, он был достаточно силен, чтобы навязать мир. Это было не так. Как только письмо Ли отправилось обратно к Юаню, в имперском лагере поднялась активность, было видно, как солдаты отходят в сторону Ханьяна, батареи были передислоцированы, рытье траншей шло быстрыми темпами, империалисты наладили понтонный мост через реку Хань и разнесли его вдребезги орудиями революционеров Ханьяна, и казалось, что битва неминуема. А потом все началось снова. Невозможно описать условия. Война подошла к самым нашим дверям. В спальнях парней

свистели пули, снаряды падали по всем иностранным концессиям. Находиться на набережной или на дорогах поселения никогда не было безопасно. Революционеры умирали тысячами. Все больницы были переполнены. В стране царила полная разруха.

До раннего часа 10 ноября бои все еще бушевали более или менее ожесточенно. В целом было заявлено, что революционеры устроили врагу крайне неприятные времена и заняли передовые позиции. С часу на час ожидалась бомбардировка Учана. Сразу за британской концессией, не более чем в ста ярдах от дороги, отделяющей британскую территорию от китайской, три больших орудия империалистов самым угрожающим образом наставили свои носы в сторону столицы, и все приготовились ждать. Своеобразным поворотом событий стала организация ночных атак. Наступление обеденного часа неизменно сопровождалось грохотом пушек с обоих берегов реки. Но в эти дни империалисты снова начали несомненно демонстрировать свое превосходство как боевая сила. Большим недостатком Республиканской армии было то, что она в основном состояла из неописуемых солдат, настолько несведущих в военном деле, насколько это возможно себе представить, в то время как в Северной армии не было никого, кроме хорошо обученных людей, которым были настойчиво привиты захватывающие уроки армии. Они больше ничего не знали. Они больше ничего не делали. Они были боевыми машинами, и они сражались по тому же принципу, по которому работают исправные машины. Делая это заявление, я прекрасно осознаю, что в китайской военной организации есть определенные серьезные недостатки, которые еще предстоит устранить. Но что касается Северной армии, той армии, которая была основана самим Юань Шихкаем — а его считали величайшим военным реформатором того времени, — то у нее было минимум этих недостатков. Тот факт, что армия каждой провинции для всех практических целей является отдельным органом, говорит против эффективности. Из этого следует, что армия, которую создал Юань и которая теперь была в основном занята борьбой с революционным врагом, была не столько подразделением китайской армии, сколько армией Юаня, сформированной так, как он хотел. Его солдат, прежде всего, учили верности. Какие еще солдаты в мире выдержали бы испытание на верность, как те солдаты с севера в первые дни ноября, когда единственной новостью, которую они получили, было сообщение о том, что ряд городов перешли на сторону того, за подавление чего они сами боролись ценой своей жизни?

Они были в первую очередь лояльны — чему, как позже выяснилось, это совсем другой вопрос. Но они, во всяком случае, были лояльны Юаню. Фотография Юань Ши Кая была в каждой комнате казармы, его имя было у всех на устах. Снова и снова, когда я ходил среди солдат, меня поражало преклонение человека перед лидером. Теперь, сравнивая эти армии, следует сравнить двух вице-королей, под началом которых они служили, поскольку по сравнению с независимыми провинциальными армиями вице-король довел свою армию до того уровня, который он считал лучшим. Вот почему разобщенность между подразделениями Образцовой армии Китая сработала против эффективности. Любой, кто знает, был бы готов согласиться, что, стоя бок о бок и сравнивая себя как армии, империалистическая армия при равных условиях выбила бы несколько очков из Революционной армии, в то время как последняя не попала бы в цель ни разу за сотню выстрелов. Но условия были не совсем равными. Однако в спор пришлось внести еще один аспект. Этот аспект был из всех наиболее серьезных и способствовал прекращению войны в такой же степени, как и любой другой фактор. Империалисты теперь знали, что, независимо от того, сколько сражений они смогут выиграть здесь, независимо от того, насколько велика будет их резня революционеров, делу Революции

суждено победить. Это постепенно начало давить на них, и часто поступали сообщения о дезертирстве.

Пока люди говорили об обещанных бомбардировках, ходили слухи о самой вопиющей бессмыслице относительно количества и размеров орудий, которыми империалисты располагали с севера. Там были двенадцатидюймовые гаубицы, сорокашестидюймовые пушки, тысячи орудий помельче, таких как трех- и четырехдюймовые пушки, и многое другое в том же роде. Никто не мог знать, было ли у них здесь в тот момент какое-либо из их 7,5-миллиметровых орудий Шнейдера-Кане, но я полагаю, что у них их не было. Однако в армии Севера насчитывалось около сорока или более таких огромных орудий — орудий настолько тяжелых, что упряжки из двенадцати самых тяжелых американских лошадей было бы недостаточно, чтобы тащить одно из них. Интересно отметить, что, как недавно сообщил нам авторитетный источник, в китайской армии имеется по меньшей мере шесть разновидностей Круппов, включая модели 1905, 1904, 1888 и 1872 годов, а также несколько японских пушек калибра 7,5 мм, армстронгов и Максимов. Но когда мы переходим к меньшему оружию, мы обнаруживаем еще большую путаницу. Есть "Маузеры" модели 1888 года, "Маузеры" модели 1872 года, "Манлихеры" и несколько "Ли-Метфордов", и их снова нужно разделить. И на протяжении всей этой войны было видно, как боеприпасы к предположительно одному и тому же пистолету, захваченные врагом и использовавшиеся как одно и то же оружие, оказались абсолютно бесполезными в бою; они не подходили.

Ночи были ужасны для иностранных жителей из-за свиста снарядов над головой и постоянного жужжания пуль вокруг них. Несколько китайцев были застрелены на улицах британской концессии, а другие более или менее серьезно ранены, и удивительно было не то, что кто-то был убит, а то, что так много людей спаслись посреди такой опасности. Среди китайцев было распространено поверье, что у пуль есть глаза. "Смотрите, - кричали они, - это божественное вдохновение, что снаряды нас не задевают... у них есть глаза... они не нападут на нас!" И среди поклонников Революции это было распространенным убеждением простых людей. Они никогда раньше не видели современной войны.

Империалисты теперь продвигались к реке Хань. Их задача казалась совершенно невыполнимой. На это у них ушло три недели, и им требовалось всего лишь выходить на улицу каждое утро, чтобы увидеть, как грузовики с мертвецами везут по железной дороге на север, чтобы понять, какой ценой достигается их медленное продвижение. Генерал Хуан Сюинь^[2] теперь руководил военными операциями против них. Каждый день из Хунани прибывали толпы людей, чтобы присоединиться к революционерам — обученным войскам Хунаньской армии, — и от них ожидалось великие свершения. Куда бы человек ни пошел, он слышал грохот пушек, свист снарядов, звук винтовочного выстрела. Спасения не было. Иностранцам не разрешалось покидать территорию Концессий, они считали небезопасным выходить за пределы своих домов, пережили настолько сильные потрясения, что все были как на иголках от волнения. Никогда прежде ни в одной стране иностранцы, живущие как нейтральные стороны в войне, не находились так близко. Но всеобщий интерес к революции настолько велик, что в этом томе невозможно уделить много места описанию полей сражений. Китай творил историю. Войны часто описывались в истории, но Революция, подобная той, которую предвещала эта война, никогда не была известна. Он двигался, и двигалась одним махом четверть всего человеческого семейства.

Поле боя простиралось от Десятого километра до Ханьяна на левом берегу реки, от фортов Киншань до Учана на правом берегу. С трудом верилось, что за две недели могло быть произведено такое полное опустошение. Близлежащие деревни, жители которых были либо разгромлены, либо погибли в руинах, были сожжены дотла; все посевные поля были вытоптаны, рисовые грядки перекопаны под траншеи, и теперь все было разрушено на многие мили вокруг. Маленькие черные заплатки рассказывали печальную историю о том, как группа счастливых процветающих деревенских жителей, когда-то живших в мире, теперь была покинута и опустошена.

Когда в первые дни войны я часто бывал там и наблюдал за боевыми действиями, я едва ли думал, что армия численностью в сорок тысяч человек может быть снята с такой, казалось бы, грозной позиции. Железная дорога была совсем рядом, и весь Десятый километр был расположен так стратегически, что империалистам казалось невозможным далеко отсюда, посреди равнинной местности, выбить своего врага с такой сильной позиции. Но они это сделали. Как и почему революционеры ушли, уже рассказано, и командир, отдавший приказ об отступлении, поплатился за это жизнью, будучи обезглавленным своими же людьми.

Между тем адмирал Сах все это время сидел на заборе. Было известно, что Ли Юань Хун в молодости был учеником адмирала, и оба испытывали большую привязанность друг к другу. Сах отказался ответить на приглашение Ли Юань Хуна взять на себя контроль и руководство Революцией. Он предпочел сидеть и ждать. Сообщается, что, получив пространное сообщение от ученых Ханькоу, Ханьяна и Учана, он пришел в замешательство, и именно по этому обращению, которое приведено в сноске, [3] можно проследить его обращение к революционному делу.

Когда адмирал 12 ноября отчаливал, было замечено, что его корабли спустили флаг с Драконом и подняли белый. Это было воспринято как означающее, что адмирал и его флот перешли на сторону революционеров.

[1] Ниже приводится перевод сообщения Юань Шихкая генералу Ли:—

"ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО, я уже писал вам дважды, но, не получив ответа, не знаю, дошли ли письма до вас или нет. В соответствии с императорскими инструкциями я должен сейчас заявить, что был издан эдикт, предлагающий, во-первых, полное прощение за все прошлые преступления; во-вторых, что будет создано конституционное правительство; в-третьих, что политическим преступникам будет предоставлена амнистия; в-четвертых, что члены Императорского клуба не будут занимать высокие должности.

"Учитывая вышеизложенное, по моему мнению, правительство нашей страны может быть обновлено, а в Китай может быть возвращено процветание. Я спешу сообщить вам об этом и желаю, чтобы был разработан метод, с помощью которого нынешние трудности могли бы быть урегулированы мирным путем. Чем скорее война будет прекращена, тем скорее народ и страна обретут мир. В противном случае, если боевые действия будут продолжаться, кто бы ни победил или кто бы ни потерпел поражение, погибнут не только люди, но и ресурсы страны будут

растрачены впустую, пока, если дело будет неоправданно затягиваться, дела не придут в такое состояние, что сама страна будет разрушена. Кроме того, с обеих сторон солдаты - китайцы, и все те, кто страдает, - китайцы. Независимо от того, добьется успеха та или иная сторона, платить по счетам должны китайцы.

"Лично я долгое время был недоволен правительством и поэтому ушел на пенсию, никогда больше не намереваясь занимать этот пост. Уходя сейчас на пенсию, я преследовал единственную цель - сыграть важную роль в урегулировании нынешних разногласий. Более того, правительство сейчас раскаивается, как никогда раньше. Я признаю, что, если бы не ваши доблестные действия, настоящие предложения никогда бы не были сделаны. Заслуга в них принадлежит вам, и, по моему скромному мнению, нет ничего лучше, чем воспользоваться этой возможностью и, заключив мир, обеспечить реализацию предложений трона. Мы можем, по крайней мере, увидеть, как будет действовать трон, и, если это честно, то мы сообща приложим все наши усилия для продвижения реформ. Если это нечестно, мы все равно можем, проконсультировавшись, разработать другие планы, и, насколько я вижу, не может быть никаких сбоев в обеспечении полного осуществления наших надежд. Таково мое мнение, и я хотел бы попросить вас прислать мне ответ, согласный с этим, чтобы я мог доложить об этом Трону и принять необходимые меры.

"Что касается ваших сотрудников, которые все являются людьми с большими способностями, то к ним не только не будет найдено никаких претензий, но я могу гарантировать, что они будут назначены на высокие должности для оказания помощи в проведении реформ. Трон доверяет мне как человеку, на чье слово можно положиться, и вы также, я надеюсь, верите, что я ни в коем случае не отступлю от него из уважения к вам и вашим соратникам. Я понимаю, что трон издает еще один Указ, который поступит к вам в течение нескольких дней. Я, из-за множества важных дел, которыми я не могу рискнуть пренебречь, настоятельно прошу вас прислать мне ответ как можно скорее с вручением этого письма.

"Это моя почтительная молитва. Желаю вам мира и процветания".

[2] Генерал Хуан Сюинь был известным военачальником в Китае в то время.

[3] Ниже приводится перевод обращения студентов из Ханьяна, Учана и Ханькоу к адмиралу Сау:—

"СЭР, такому человеку, как адмирал Са, обладающему всемирной известностью и благородными принципами, мы смиренно передаем это письмо, прося его прочитать его и обдумать с терпением и мудростью. Китай сейчас находится в критическом положении. Народ проявил большой энтузиазм и решимость свергнуть маньчжурское иго и вернуть свою независимость. Но маньчжуры наверняка выступят против дела народа, поэтому война неизбежна. Но неужели нет способа ее предотвратить? Неужели нет способа спасти жизни и имущество миллионов людей? Да, есть, и этот способ должен решаться только вами. Говоря откровенно, спасение народа зависит от того, присоединитесь ли вы к генералу Ли, чтобы помочь в нынешних операциях Республиканской армии. Предположим, вы не присоединитесь к республиканцам, они полны решимости не подчиняться, а продолжать борьбу до тех пор, пока не обретут свободу или не встретят свою судьбу. Слово "Революция" никогда не изгладится из сознания китайцев, и не может быть никакой надежды на мир. Как это будет ужасно, если вы откажетесь присоединиться и останетесь равнодушными. С другой стороны, если вы

присоединитесь к ним после прочтения этого письма, все можно будет уладить легко и тихо. Гражданской войны в долине Янцзы не будет. Все, что нужно будет сделать нашим братьям, - это двинуться на север, в Пекин, и отобрать контроль над нашей Империей у маньчжуров. Нашим Королевством будет управлять наш собственный народ. Какую благородную героическую и патриотическую работу вам, такому великому человеку, предстоит совершить во имя независимости нашей страны. На пороге присоединения к республиканцам, возможно, вы будете сомневаться в поведении солдата. Мы можем заверить вас, что это благородно и справедливо. То, как они хорошо относились к своим братьям и дружелюбно защищали иностранцев, - это то, чего никогда не было в нашей истории во времена гражданской войны. Все наши собраты здесь продемонстрировали свой огромный энтузиазм, предложив помощь Республиканской армии и разделив свои симпатии к делу. Иностранные поселения одобрили их действия, признали их права и уступили их разумным требованиям. Это очевидное свидетельство того, что они никакие не повстанцы, а Армия священного спасения четырехсот миллионов их братьев в Китае. Опять же, сэр, возможно, вы не решитесь присоединиться к республиканцам, когда сочтете неблагодарным проявлять нелояльность к маньчжурам, и, возможно, вы подумаете, что извлекли много пользы из маньчжуров, но, сэр, выгода, которая, по-видимому, извлекается из них, на самом деле получена косвенно от народа Хань, который является источником всего богатства, процветания и официальной чести. Более того, ваш долг, сэр, приносить пользу многим, а не немногим, спасать людей, а не уничтожать их, помогать своей расе, а не чужой, и стоять на стороне праведных, а не нечестивых. Маньчжурское иго было препятствием на пути роста и развития народа хань. Именно маньчжуры раньше не отправляли много студентов за границу, чтобы приобщиться к западной цивилизации и образованию. Именно маньчжуры не хотят поставить вернувшихся студентов в надлежащее положение. Именно маньчжуры подняли Боксерское восстание, которое ослабило Империю и сделало ее бедной. И именно маньчжуры незаконно присваивают займы, полученные от иностранных держав. Они растратили средства, полученные от введения налогов, на свои личные чувственные удовольствия, такие как строительство парков и красивых резиденций. Они поощряли давление, практиковали злодейство, продавали должности и временные чины и деморализовали Таможню. Они выносили решения по делам несправедливо, а что нет?

Поэтому, адмирал, мы взываем к вашему общему сочувствию и мудрости и молим о безопасности и благоденствии четырехсот миллионов душ, о свободном росте и развитии китайцев, которые, если им позволят быть свободными, обязательно внесут замечательный вклад, который пойдет на обогащение цивилизации всего мира. Если вы разоружите свои канонерские лодки и крейсера и отправитесь на пароходах в Ханькоу, все жители этих трех городов будут рады приветствовать вас с диким энтузиазмом и огромным почетом ".

[Примечание переписчика: В книге-источнике эта страница содержала заключительную часть того, что сейчас является сноской 3 к этой главе.]

ГЛАВА X

ЛИ ЮАНЬ ХУН СТРЕМИТСЯ К МИРУ

"Не колеблясь — действуй!" - писал Ли Юань Хун Юань Шихкаю в самом волнующем призыве к Юаню вступить в Революционную партию. Юань, как всегда, был тверд как адамант. Теперь он утверждал, что в его распоряжении двадцатичетырехтысячная армия. Ли утверждал, что у него по меньшей мере сорок тысяч человек всех мастей, обученных и необученных. Ли был настроен примирительно. Юань страдал от своеобразного "чувства" всемогущества, которое преследовало его с тех пор, как он вернулся на свой пост. "После резни реформаторов, - писал Ли Юань Хун своему противнику, - правительство постоянно обещало установить конституционное правление и перенести дату созыва первого парламента, но его обещания остались безрезультатными. Убийство Эр Мина и Фучи, попытка уничтожить вице-короля ямена в Кантоне с помощью бомбы и мятеж в Нанкине были кровавыми протестами против маньчжурской монархии, но все они не смогли побудить трон сделать больше, чем издать указы, полные обещаний. Все остается по-прежнему. Правительство Маньчжурии использовало различные уловки, чтобы завладеть сердцами людей. Но у него нет реального намерения менять систему правления. Обратите свой взор на тех, кто является президентами различных советов, вице-королями и губернаторами провинций, и вы увидите, что все основные посты занимают маньчжуры. Какую незначительную роль китайцы играли в политике! Национальная казначейство и национальная армия являются основой Империи, и то и другое находится во власти невежественных, инфантильных маньчжуров. Конечно, вы не можете спокойно смотреть, как имущество и жизни четырехсот миллионов китайцев растрачиваются всего лишь горсткой маньчжуров".

Далее в письме говорилось: "Разве вы не самый известный и способный человек среди китайцев? Вы забыли, что после того, как вас отстранили от командования северными войсками и ваше политическое влияние ослабло, вы чудом избежали не только увольнения, но и убийства? Все это свидетельствует о зависти маньчжуров к китайцам. С тех пор, как Хупех стал независимым, многие другие провинции присоединились к делу сердцем и душой. Маньчжурское правительство упало в обморок и больше не может держаться собственными силами. Таким образом, оно пробует схему, с помощью которой подавил восстание тайпинов, — используя китайцев для убийства китайцев. Если вы готовы к восстановлению в должности в такой комиссии, значит, у вас нечеловеческое терпение.

"В своем послании вы решительно заявляете, что правительство должно быть конституционным. В ответ я хочу объяснить, что в наш век, независимо от того, будет ли правительство монархическим или республиканским, оно в конечном счете должно основываться на конституционализме, и нет большой разницы между республикой и

конституционной монархией. Форма нового правительства будет определена на конференции делегатов от различных провинций. Какую бы форму оно ни приняло, это не нарушит конституционализм. В народе принято считать, что маньчжурам нельзя позволять иметь какой-либо голос на этой конференции. Если бы мы согласились на ваши условия, смогли бы вы каким-либо образом заставить маньчжурское правительство выполнить свои обещания?

"То, что вы живете на пенсии в свое удовольствие, как вы это делали, не приносит никакой пользы Китаю. Успех нынешнего движения был достигнут благодаря силе не человека, а Бога. Какой человек смог бы обратить Сычуань, Цзянси, Аньхой, Цзянсу, Квангтун, Кванси, Юньнань, Квайчоу, Шанси и Шэнси в республиканство? Кроме того, все канонерские лодки и эсминцы-торпедоносцы стали революционными. Нет маньчжурских войск, которые могли бы помешать нам двинуться на Пекин, за исключением вашей маленькой армии. Возрождение китайцев и сохранение суверенитета Китая зависят от вас. Если вы действительно симпатизируете китайцам, вам следует воспользоваться возможностью, чтобы стать республиканцами со своими войсками и напасть на Пекин. Если вы жаждете почестей, которыми может наградить вас Маньчжурское правительство, тогда вам следует молиться о том, чтобы революционная армия ускорила свой марш к Желтой реке. Ибо, когда маньчжуры увидят, что они не могут противостоять революционному наступлению, они окажут вам все высшие почести, чтобы побудить вас сражаться за них. Если мы уступим сейчас, следует опасаться, что оказанные вам почести исчезнут через несколько дней. Вспомните пословицу: "Когда пойманы кролики, приготовлены собаки". Твои заслуги были бы настолько велики, что ты не избежал бы зависти, а твоя власть сделала бы тебя объектом постоянных подозрений. Для тебя было бы невозможно снова удалиться в Чантехфу. Я хотел бы напомнить вам, что вдовствующая императрица все еще жива и что она никогда не простит резню реформаторов. Подумайте, есть ли какая-либо привязанность между вами и маньчжурами. Все мы, работая сообща, можем завершить освобождение китайцев, и никто из нас не желает продолжать жить под властью маньчжуров.

Что касается вашего предположения о том, что иностранные державы могут воспользоваться этой возможностью для раздела Китая, мы прочитали много статей из иностранных газет, и мы уверены, что ни одна из них не причинит нам никакого вреда во время нашей гражданской войны. Из беспроводной телеграммы, направленной некоему джентльмену, мы узнали, что Пекин находится в большом волнении и что молодой император бежал. Если это правда, то правящая раса уже потеряла свое достоинство и не имеет права передавать нашу территорию какой-либо иностранной державе.

"Сообщается, что правительство Маньчжурии отозвало вас. Если это так, я предлагаю вам на рассмотрение два предложения. Первое: возможно, правительство подозревает в вашей лояльности и намеревается, отозвав вас, лишит вас военной власти; в этом случае вы можете не подчиниться вызову в силу военного правила, согласно которому генерал не обязан подчиняться императорскому указу, когда он находится на службе за границей. Второе: если Пекин действительно находится в критическом состоянии — я должен рассказать вам историю. Во время восстания боксеров, когда международные силы вошли в Пекин, они вызвали Ли Хунг-чанга. Это была возможность для Ли стать императором. Но он был упрям и упустил этот шанс. Вы можете учиться на его опыте. Мэн-цзы сказал, что человек с полным образованием защитит людей. Я всего лишь военный и многого не знаю. Я многому научился у Мэн-цзы, так что у меня нет другого желания, кроме как защищать людей. Считается, что ваш опыт и способности намного выше моих. И все же мне жаль вас, что вам приходится так долго все обдумывать,

прежде чем вы сможете принять решение. Помните, что мы не должны колебаться или откладывать то, что является благожелательным или праведным. Мы должны немедленно поступить правильно.

"Все братья этой земли ждут тебя. Не смей больше смотреть на меня в маске".

* * * * *

Это было последнее обращение Ли Юань Хуна к Юаню. Все это время Ли стремился избежать дальнейшего кровопролития, но вскоре стало очевидно, что борьба должна была вестись до победного конца. Итак, после этого кратковременного затишья иностранцы, чья торговля была совершенно парализована, снова приготовились к войне. Что касается Концессий, то в клубах, в домах, в богадельнях, везде, где собирались иностранцы, над всеми висело ощущение мертвящего напряжения. Все были согласны с тем, что вот-вот произойдет что-то ужасное, но что именно, никто не хотел гадать. В родном городе, в том, что от него осталось, полное запустение, которое представляли собой обугленные руины, наполовину сгоревшие улицы и магазины, где множество замерзших и голодных людей тщетно пытались оживить торговлю, проникало в самое сердце человека. Человек был рад, если он таким неразумным образом отваживался уйти далеко от Концессий, вернуться обратно и прогуляться вдоль Набережной, смотреть на спокойную реку и надеяться, что наступят лучшие времена. Не было ни судоходства, ни жизни, ни торговли. Концессии находились практически на осадном положении, и все ждали — чего, опять же, мы не знали. Все, о чем нужно было беспокоиться, — это о времени закрытия почты и о времени отправления лодок вниз по реке.

Теперь империалисты начали устанавливать оцепление вокруг города Ханькоу. Они были заняты рытьем траншей, были заняты строительством своих батарей на равнинах от конца дороги Синг-Сиен до берегов Хань, способ пересечения которых они не могли легко определить. Никому не разрешалось выезжать из города или входить в него, если у него не было пропуска и он не мог назвать разумную причину для желания пойти в ту или иную сторону. Каждого мужчину, женщину или ребенка, у которых не было пропуска, жестоко прогоняли обратно, часто с уколom штыка в качестве предупреждения, чтобы они больше не пытались этого делать. В иностранцев, отважившихся покинуть территорию Концессий, намеренно стреляли.

13 ноября самая сильная бомбардировка, которая когда-либо имела место, началась внезапно ближе к вечеру, но некоторое время оставалось загадкой, предназначалась ли она для обстрела британской концессии или родного города Ханькоу и расположенного напротив Учана. Снаряды падали на британской территории так же часто, как и на китайской. Ночь была промозглой и унылой. Дождь лил как из ведра, заливая равнинное поле боя позади Концессий и родного города, и, казалось, удача отвернулась от империалистов. Их боевой дух в сложившихся обстоятельствах был подорван погодой, и борьба, которую они вели против энергичных хунаньцев, теперь увеличивших революционные силы до пятнадцати тысяч человек, была слабой и половинчатой. Снаряды были слышны в необычной атмосферной тишине, которую, казалось, подчеркивал заброшенный вид реки, они пролетали в воздухе над нашими головами, возбужденные туземцы кричали и клялись, что видели их и что они приближались прямо к тому месту, за которым мы наблюдали под дождем, а затем убегали прочь. Далеко в Концессиях люди недоумевали, почему революционеры начали обстреливать британцев. Теперь, похоже, беда действительно пришла, и многие пожалели, что не покинули

порт, когда у них была такая возможность. В тяжелых стенах пробивали дыры, снаряды падали на проезжую часть, в сады людей, в спальни людей. Русский морской офицер, лежа на койке больного в Римско-католическом госпитале, желая выздороветь и посмотреть на бомбардировку, лежал, пытаясь понять причину такой неприязни революционеров к британцам, и гадая, что произойдет после того, как британские канонерские лодки разгромят это место. Он не мог найти удовлетворительной причины. Но внезапно этот морской офицер услышал грохот; подобно удару молнии, снаряд попал в окно; он почувствовал, как штукатурка стен ударила его по телу, пока он лежал, оцепенев, и смотрел, как обваливается потолок. Это был тринадцатый снаряд, попавший на территорию госпиталя с начала войны, и над ним мирно развевался флаг Красного Креста.

В Лондонском миссионерском госпитале, расположенном неподалеку, снаряд влетел в открытое окно, ни во что не попав, но приземлившись во дворе. Менеджер по доставке Mitsui Bussan Kaisha смотрел на свое здание и задавался вопросом, какой ущерб нанес один снаряд, когда он ударил и разрушил часть каменной кладки и деревянных конструкций, но он счел разумным действовать, потому что другой снаряд внезапно приземлился менее чем в двенадцати ярдах от него, проделал уродливую дыру в проезжей части, а затем слабо разорвался о стены. На британских канонерских лодках, стоявших в реке, привыкли видеть, как снаряды не долетают до реки, но один из товарищей с его величества корабля "*Вудкок*", выразив впечатляющее свое невысокое мнение о революционном артобстреле, объяснил мне, что его не так уж беспокоили снаряды, но как раз в тот момент, когда один из них разорвался, он сидел на палубе и читал книгу, которую ему одолжили; плеск воды испортил книгу, потому что снаряд упал менее чем в трех футах от носа! Прибежали бы ребята, рассказывая, как они видели разрывы снарядов вдоль улиц британской концессии, и в качестве доказательства этого вытащили бы из своих карманов огромные куски, "все горячие", как они бы заявили. Так что это продолжалось по горячим следам в течение пары часов. Империалисты в тылу, со своими тремя большими орудиями на Коффин-Хилл (насыпь в задней части британской концессии), делали все возможное, чтобы утихомирить врага, но их попытки избавиться от снарядов были примерно одной из шести. То, что революционеры были в отличной форме, было сразу видно по работе, которую они выполняли, но их снаряды наносили гораздо больший ущерб иностранной собственности, чем рядом противника; но, хотя, несомненно, пришло время, когда британские власти должны были предпринять решительные усилия, чтобы остановить подобные вещи, ничего не было предпринято.

Таким образом, битва продолжалась четыре дня. Со всех сторон велась интенсивная артиллерийская работа, но проливные дожди мешали работе пехоты. Канонада была отчаянной. Ночью, в густой темноте, эта сцена была чрезвычайно захватывающей. Одно, два, три, четыре орудия выбрасывали свои крошечные огоньки из одного места, все вместе; за этим следовало более тяжелое орудие, его более яркая вспышка на мгновение освещала всю округу, специфический свист угрожающей бомбы раздавался все ближе и ближе, и эта угроза все время мешала увлечению. Не часто бывает, чтобы иностранцев в чужой стране приводили наблюдать за войной на самые крыши их домов. Но так было и сейчас, и с плоских крыш иностранцы небольшими группами, затаив дыхание, наблюдали за происходящим. По всей стране, среди равнин и лагун, слышалась ружейная стрельба, и было ясно, что где-то в темноте китайцы делают все возможное, чтобы залечь на дно, но где именно, никто не мог сказать. Перед лицом ужасной перестрелки революционерам удалось переправиться через Хань, отбить Чаокоу, который несколько дней был оплотом врага, и подвести батарею полевых орудий

поближе к Китайскому ипподрому, где их враг прочно окопался в ожидании штурма, и тем временем продвигался к Хань. Захватив Чаокоу, революционеры укрепили хорошо укрытое место тремя трехдюймовками и начали отбиваться, в то время как империалистическая батарея Синг Сенг-Роуд провела отличный обстрел Ипподрома (китайского), который они уступили врагу. Затем тяжелые подкрепления были направлены в широкий обход с флангов, в то время как революционеры пытались перейти границу и отрезать их. Это были дьявольские дни. Такая тяжелая пехота на расстоянии ста ярдов или около того, когда каждая линия противника сражается изо всех сил, чтобы отбросить врага, никогда не могла появиться нигде, кроме Китая. Звон "Максима" звучал постоянно, и постоянный поток истекающих кровью раненых на иностранных концессиях слишком печально свидетельствовал о тяжелых потерях, понесенных обеими армиями. И в конце концов, чистый результат боев каждого дня, казалось, не давал преимущества ни одной из сторон.

Самый волнующий инцидент войны произошел 19 ноября. Поскольку нам неоднократно говорили, что китайцы трусы, мы, жители Запада, стали смотреть на них как на нерешительных бойцов. Несколько десятилетий назад люди думали то же самое о японцах, но точно так же, как они показали нам своей войной с Россией, что их мужество просто дремлет, так и китайцы постоянно показывали нам на протяжении всей этой Революционной войны, что их мужество было настолько велико и непоколебимо, насколько можно представить себе какой-либо народ.

Те, кто внимательно наблюдал, видели несколько замечательных примеров героизма, причем не только солдат, но и рядовых граждан, которые во многих отношениях проявляли великолепный героизм и преданность делу, за которое, по их мнению, стоило сражаться.

Говорили, что многие империалисты сражались только потому, что ими командовали их любимые офицеры, и при убийстве генерала на поле боя я лично видел, как не менее четырех человек были застрелены на месте, когда они шли вперед по двое, чтобы увести его под прикрытие. На протяжении всей этой войны я обратил внимание на множество случаев исключительной храбрости, что дало повод приписать китайцам больший патриотизм, чем им обычно приписывают, и полностью изменило общее впечатление о китайцах как народе - трусах. Это кульминационное проявление храбрости, с которым ничто другое в кампании не может сравниться, произошло 19 ноября и надолго запомнится плотной веренице европейцев и китайцев, которые собрались на набережной, чтобы понаблюдать за передвижением китайского флота. В течение нескольких дней ходили разговоры о том, что китайский флот поменялся местами с революционерами, и когда утром на горизонте показался его дым, и каждый напрягал зрение, чтобы увидеть, куда они направляются и что будут делать, у каждого была своя особая теория относительно вероятностей дня, это было тревожное время, поскольку, казалось, от передвижений военно-морского флота зависело очень многое. В течение всего утра два крейсера и один торпедный катер стояли на якоре, не вмешиваясь и не подвергаясь вмешательству. Их дымовые трубы в дымке определенно указывали на то, что они были там; но какова была программа, никто не знал, и к полудню начали сомневаться в том, что они будут делать, и действительно ли они пришли сражаться за революционеров или против них.

На долю военно-морского флота в первом крупном сражении на Десятом километре выпали почести того дня, ибо ни один человек не мог устоять против его орудий, и все знали, что сторона, по которой будет нанесен удар, подвергнется чрезвычайно массированному обстрелу, который, вероятно, легко приведет к полному поражению противника. Поэтому, когда около

двух часов дня большой двухтрубный "Хай Юнг" поднял якорь и начал величественно плыть на полной скорости вверх по реке, не было ничего удивительного в том, что все в ожидании ходили на цыпочках. Что она собиралась делать? Приближалась ли она, чтобы обстрелять Учан, или мирно удалялась, чтобы быть обстрелянной сильной батареей лоялистов на линии в десяти километрах? Сначала он приближался медленно, затем устремился прочь. В бинокль я мог видеть его флаг — революционный флаг, — но когда он приблизился к линии огня батареи, по нему не открыли огонь. Было видно, как имперские артиллеристы наблюдали за ее движениями в свои бинокли, когда она приблизилась к учанскому берегу. Постепенно она гордо поравнялась с фортами Киншаня, затем все выше и дальше, пока, наконец, не оказалась поравнялась с японской линией насыпи и вне опасности. Конечно, казалось странным, что империалисты не попытались обстрелять ее; но они этого не сделали, и она прошла мимо Учана, нырнула к иностранным канонерским лодкам и над Концессиями остановилась. Тем временем другой крейсер ушел вниз по реке, и все, что осталось, — это одинокий торпедный катер. Теперь была ее очередь, и она, думая, что большая лодка не встретила сопротивления, очевидно, рассчитывала тоже отплыть подальше. Но она ошиблась, потому что, как только она начала выходить из себя, роялисты яростно набросились на нее.

Снаряд за снарядом из трехдюймовых орудий сыпались вокруг нее, снаряды сыпались вокруг нее, как горох, если подбросить горсть в воздух, и она казалась обреченной. Но в гуще батарей, на отличной дистанции, без прикрытия и без надежды вырваться, ей ничего не оставалось, кроме как продолжать движение вперед; и она делала это так усердно, как только позволяли ее тяжело дышащие двигатели. От нее шел пар, как от угля, и в течение четверти часа, в течение которого она находилась под огнем, нельзя было представить ничего более благородного, чем поведение ее экипажа, когда они поднимали ее наверх. Перед ней, позади нее, не долетая до нее, пролетая далеко над ней, летели снаряды со скоростью один в три секунды; они свистели вокруг нее, некоторые попадали в нижнюю палубу и падали в воду; было видно, что один попал прямо в носовую часть, другой попал в корму и повредил паровое оборудование; но, спасаясь от того, что казалось ей смертельной ловушкой, она отчаянно плыла вперед. Стоявшие на набережной китайцы в замешательстве наблюдали за происходящим. Такого они никогда раньше не видели. Некоторые из них впервые наблюдали за китайским торпедным катером в действии, и послышался ропот глубочайшего удовлетворения, когда он поравнялся с чужой территорией и имперские орудия прекратили огонь. Однако все это время форты Киншаня с такой же скоростью, как и батарея в Десятом километре, продолжали ответный обстрел имперской базы, и, должно быть, был нанесен какой-то серьезный ущерб — какой именно, сказать было невозможно.

Но теперь торпеда находится напротив Уступки и, замедляя ход, кажется, переводит дух, прежде чем причалить к берегу и на время бросить якорь. Команда ухаживает за своими ранеными товарищами, веселые люди кричат, вопят и рассказывают друг другу, как это было сделано, и подбадривают друг друга патриотическими чувствами.

Это была великолепная работа — в своем роде весьма примечательная, поскольку в том месте, где она прижималась к берегу Учана, течение было исключительно сильным, так что ее трудности, таким образом, значительно увеличивались. Иностранные моряки, наблюдавшие за канонадой, заявили, что они никогда не видели ничего более отважного, и при взгляде на это

постепенно приходил к пониманию тот факт, что Китай - особенная страна, а народ - особенный народ, поскольку он понимал, что вся эта храбрость была проявлена людьми, которые месяц назад сражались против дела, которому они теперь были так преданно преданы. В чем могла заключаться миссия броненосного крейсера, все еще находившегося выше по реке, я не знаю, но теперь было видно, как он сдвинулся с места и снова направился вниз по реке, и мне показалось, что на его железных бортах отчетливо читается гнев. Я быстро согнулся вдвое и занял позицию на вершине огромной кучи угля, ниже Концессий, откуда открывался превосходный вид на реку и всю станцию "Десятый километр". Крейсер подошел вплотную к берегу со стороны Ханькоу, и казалось странным, что он подошел так близко. Она спустилась по-деловому, казалось, готовясь к нападению. Все затаили дыхание. Иностранные военные восхищались всем, что она делала, а артиллеристам на борту не терпелось открыть огонь. Как только она опустилась за Уступы, они действительно открылись, и затем, так быстро, как только можно было сосчитать, она выстрелила из своих шести больших пушек — четыре шестидюймовых калибра. Первые два снаряда разорвались внутри станции на Десятом километре, следующие три упали среди батареи на берегу, следующие несколько — они прилетели так быстро, что я сбился со счета, — подожгли несколько зданий. Имперские батареи с неукротимой бравадой ответили так быстро, как только могли. Форты Киншаня открыли сильный перекрестный огонь. *Хай Юнг* пошел дальше, изображая из себя старшего брата, сообщая империалистам, что ее младший брат пострадал и теперь пришла ее очередь нанести удар. И это ей, безусловно, удалось. Попала ли она в то, во что целилась, я не знаю, но я знаю, что она буквально осыпала снарядами вражеские батареи.

В сгущающемся полумраке вспышки ярко освещали палубу, и когда падали разрывающиеся снаряды, они придавали воде особый гротескный оттенок. Над головой крейсера пролетали снаряды из Киншаня, и, учитывая, что "*Хай Юнг*" стрелял так быстро, как только мог, когда имперские трехдюймовки работали так усердно, как только могли работать с ними люди, а Революционная батарея напротив посылала снаряды из четырех орудий, и каждая сторона стреляла с тем воодушевлением, которое на войне заставляет людей работать со сверхчеловеческой активностью, вполне можно представить, что тройная бомбардировка была чем-то таким, чего никогда раньше не видели в долине Янцзы. Китайцы всю дорогу по набережной прыгали от возбуждения, и субботний покой был нарушен сценой, которая надолго останется в памяти тех, кому посчастливилось оказаться на месте в то время. Что касается меня, то моя позиция на угольной куче была настолько хорошей, насколько это было возможно. Мне не терпелось спуститься на Десятый километр, чтобы посмотреть, какой ущерб был нанесен, но мне сообщили, что ни при каких обстоятельствах иностранцу не будет разрешено выезжать за пределы шлагбаума. Охранник сказал мне, что в тот вечер ожидалась еще одна встреча, и я ушел. Тем временем "*Хай Юнг*" ушел вниз по реке за пределы досягаемости империалистических орудий, где он все еще отбивался снарядами, которые падали в окрестностях станции. Причина, по которой ей позволили беспрепятственно подняться вверх по реке, заключалась в том, что империалисты не распознали ее флаг, приняв за иностранное военное судно. Когда наступила темнота и фонарики с военных кораблей осветили Концессии и прилегающие окрестности, до каждого медленно дошло, что Китайская революционная война ни в коем случае не закончилась. Бои на суше продолжались всю ночь.

В эти дни Ли Юань Хун оставался в Учане; здесь лихорадочно шло бурение. Шла организация и подготовка к большому усилию, которое должно было нанести удар по центральному оплоту империалистов. Но в сердце Ли все еще теплилась надежда, что Юань проявит более разумный подход. Примерно в это время я был в тесном контакте с Ли. Каждый, кто видел его ежедневно, видел человека, до некоторой степени определенного в своей цели, свободного от самовозвеличивания и эгоизма в любой форме. Его первой и последней целью было возвысить свою страну, завоевать трон для народа Хань и изо всех сил способствовать падению правления маньчжуров, поскольку, по его мнению, только этим Китай мог продвигаться вперед, как того заслуживала такая могущественная нация и как желали ее самые яркие сыновья. И теперь, хотя другие заявляли, что в новой Республиканской партии возникнут разногласия, когда правительство будет свергнуто на конкретной основе, генерал Ли Юань Хун заявил, что он достаточно верит в правое дело, чтобы верить, что все его политические партнеры, далекие от стремления к личной выгоде, с готовностью уступят высшие посты людям, которые лучше всего подходят для их заполнения. Это было лейтмотивом популярности Ли Юань Хуна; он верил в правое дело и в своих сторонников. Когда в самом начале он отказался взять на себя инициативу и, по сути, китаец, испробовал всевозможные схемы, чтобы проверить надежность своего положения, он благородно заявил, какой будет его политика на время пребывания у власти. Он заявил, что намерен любой ценой и невзирая на личные последствия добиваться курса, который был бы прямым и верным для Китая и китайцев.

Он заявил, что сначала его амбиции будут сосредоточены на свержении маньчжуров; каким будет его дальнейший курс, должно было определяться главным образом развитием сложившихся обстоятельств. На собрании офицеров Революционной партии, которые стремились сделать его своим лидером, я не думаю, что присутствовал хоть один человек, даже Лю Кинг, который, заглядывая в будущее, насколько он тогда мог видеть, думал, что менее чем через месяц этот прошедший японскую подготовку офицер армии Хупе, в котором не было ничего, что могло бы поразить того, что он был прирожденным лидером людей, вышел бы на самый передний план политической платформы мира. Лю Кинг, конечно, не верил, что в Ли Юань Хуне было так много хорошего.

Считалось — был ли хоть один иностранец в здешних трех городах, который думал иначе в самом начале вспышки? — что Революция вспыхнет, что Имперская армия придет с огромной силой и перебьет всех наемных убийц в Революционной армии, и что на этом все закончится. В начале было так много тысяч людей, не только в этом центре, но и по всей Империи, которые просто придерживались нейтралитета, которые сидели на заборе, готовые нырнуть с любой стороны в тот момент, когда им заплатят за это. Но бойцы Революционной армии были уверены в себе. Подразделения армии знали, что их возглавляет Ли, они знали, что Ли всегда считался лучшим человеком в Образцовой армии Хупе, хотя он и не был верховным командующим, и они были довольны тем, что сражались под его началом. Однако во всех кругах, за исключением военного, царил изрядный скептицизм. Все были в поиске сенсаций. Никто не знал, что произойдет, и никто не хотел гадать. Но за всем этим стоял Ли, наблюдавший и видевший все. Он поклялся в верности своей партии и ожидал, что его партия поддержит его. Он был человеком, который верил в план, который был готов осуществить, и он верил в людей, которые работали вместе с ним. Юань Шихкай сомневался в нем, в его способностях, в его политической партии и считал их сборищем выскочек. Поэтому он не захотел слушать их разговоры и

воспринял их мольбы присоединиться к их партии как признак слабости. Но Юань, хотя и сам совершил несколько политических ошибок, никогда не совершал большей, чем эта. Какое-то время он был готов держаться в стороне и продолжать сражаться, вместо того чтобы последовать примеру своего противника в битве и отказаться от борьбы за проигранное дело.

Ситуация с иностранцами на Концессиях была сейчас наиболее острой. Все ругали консулов. Вокруг Концессий, обезумевших от ярости, и ни одна из сторон не питала ни малейшей привязанности к иностранцам, было шестьдесят тысяч солдат. Французское сообщество, устав от разговоров, как казалось, взяло быка за рога и телеграфировало французскому правительству через голову своего консула, и о том, что тот же дух руководил большей частью международного населения здесь, можно будет судить из того, что будет дальше. Французские резиденты телеграфировали из Ханькоу в Париж следующее:

"Французская колония и другие организации, находящиеся под юрисдикцией французского консульства, просят меня попросить вас передать министру иностранных дел следующее: Мы считаем, что сейчас мы находимся в критической ситуации. В результате ухода крейсеров международные десантные силы сокращаются до пятисот морских пехотинцев. Мы окружены шестьюдесятью тысячами воюющих сторон. Всего следует опасаться со стороны империалистических войск, если они предоставлены самим себе, или недисциплинированных революционных войск. Мы находимся во власти любого антииностранного движения. Настаивайте на немедленной отправке войск из Тяньцзиня или Тонкина".

Неделей ранее из Ханькоу было отправлено послание от высокого британского руководства — справедливости ради по отношению к исполняющему обязанности генерального консула Великобритании, он не знал, что послание было отправлено, — в котором говорилось миру, что с нами все в порядке, а на следующей неделе французский народ телеграфировал своему правительству, игнорируя представителя французской нации, с просьбой немедленно направить войска. На протяжении всей войны вплоть до настоящего времени Концессии были достаточно укомплектованы войсками, чтобы предотвратить нападение любой из армий. Когда началось первое крупное сражение, казалось, что при тогдашней ситуации оборона была превосходной, но, в то время как место действия постоянно смещалось в сторону уступок родному городу и опасность с каждым днем становилась все больше, никто не верил, что Консульский орган не предпринимал никаких шагов для обеспечения эффективной защиты иностранных подданных и их интересов здесь. Когда крупнокалиберные орудия лоялистов оказались в тылу Концессии (британские, поскольку они продолжали действовать вплоть до взятия Ханьяна), только после того, как местная пресса обратила пристальное внимание на тот факт, что исполняющий обязанности генерального консула Великобритании обязан перед британским сообществом убрать орудия и, таким образом, избежать ответного огня противника, втянутого в Концессию, были предприняты какие-либо действия. Снова и снова проявлялось возмущение по поводу "лица", которое британцы теряли в отношениях с китайцами по этому вопросу; но это, казалось, не беспокоило консульские власти. Был заявлен протест — по-моему, только один раз, — и тогда было дано обещание, что оружие должно быть передислоцировано. Но обещание было нарушено, и в течение нескольких недель слышался постоянный грохот самого большого орудия, имевшегося у империалистов, стрелявшего менее чем в трехстах

ярдах от границы британской концессии, в точности на том же месте, с которого лоялистские офицеры обещали представителю короля Георга переместить его. И в дополнение к этому, 17 ноября они снова заняли свою старую позицию с батареей в Тачимене, с которой их также попросили сняться, таким образом, умышленно проигнорировав все британские просьбы.

Изучение карты местности сразу покажет, что положение Концессий было, мягко говоря, в высшей степени опасным. Главная батарея позади Концессий имела орудия, направленные в сторону Учана, что, естественно, привлекало огонь Учана, снаряды из которых падали чаще на территории Концессии, чем за ее пределами, когда прицеливались в батарею Коффин-Хилл ; у нее также были орудия, направленные на Ханьян, что вызывало ответный огонь, который имел наибольшую вероятность попадания за границу Концессии. Я думаю, что по приблизительной оценке количество снарядов, сброшенных на Концессии в течение этой недели, составило бы сотню. Но была и другая опасность: в своем фланговом движении революционеры пытались обстрелять батарею Коффин-Хилл, что сразу же означало, что их снаряды были выпущены не по бокам Концессий, а врезались в них. Существовала еще одна опасность: империалисты, если бы их отбросили назад, несомненно, пошли бы на Уступки и бежали бы через них. "Это не в природе человека, - как сказал за день или два до этого исполняющий обязанности британского консула британскому подданному, - ожидать, что революционеры не будут преследовать их".

Читателю легко может быть предоставлено самому ответить, сможет ли пополнение в пятьсот человек — максимум сил обороны, которые можно было собрать с канонерских лодок, находившихся в тот момент в порту, — удержать порт от этой серьезной угрозы. Конечно, для подданных других стран не было преувеличением просить своих консулов о том, чтобы были посланы войска и чтобы немедленно был введен в действие справедливый план обороны для защиты их жизни и имущества. Однако опять же, я хотел бы сказать, что пишу без какого-либо придиричивого настроения. Я принадлежу к числу тех, кто далек от того, чтобы предавать анафеме или критиковать, и помнит, что высмеять легче всего в мире, но понимает, что в такие кризисные времена в Китае каждый консул должен рассчитывать на поддержку каждого верноподданного. Но мне определенно казалось, что консульский орган — не только один человек, но и весь организм в целом — своим продолжающимся бездействием дал иностранцам в Ханькоу неверное представление о том, для чего они там находились. Можно было бы легко описать, что могли бы натворить солдаты, если бы они однажды взбунтовались на Концессии, и такой вариант развития событий для тех, кто знает свой Китай, небезынтересен; но это было бы сенсационно и, вероятно, бесполезно.

Теперь, когда французские жители Ханькоу телеграфировали в Париж с требованием немедленной отправки войск из Тяньцзиня или Тонкинга, Хендс пришел в ужас от того, что французский консульский контроль настолько ослаб, что привел к такому шагу. Но когда британские резиденты почти немедленно последовали их примеру, стало ясно, что ситуация серьезная. Иностранцы из японской концессии (наиболее удаленной от родного города Ханькоу) и британской концессии (отделенной от города тридцатифутовой дорогой) как раз тогда подвергались большей прямой опасности, чем с начала кампании. С начала войны прошло уже пять недель, и 18 ноября, я думаю, я прав, говоря, что в порту, в зените опасности, не было и половины сил защиты, которые были доступны через неделю после начала Революции. То, что пятисот человек, имевшихся со всех канонерских лодок в порту, при значительном превосходстве японцев, было достаточно для защиты поселения примерно

прямоугольной формы, четыре мили на одну, было абсурдно на первый взгляд. Четыре тысячи представленных мужчин из всех стран в то время были бы не слишком большим количеством. Когда боевые действия велись непосредственно за пределами Концессии, когда каждый день на улицах британской концессии смертельно стреляли или получали серьезные ранения, когда снаряды с поразительной быстротой падали на частные дома и уничтожали имущество британских жителей, когда наибольшей опасности подвергалась прогулка по набережной, протянувшейся по всей длине Концессии, когда все суда были вынуждены покинуть обычные десантные корпуса и когда официальные протесты с требованием убрать батареи из опасной близости за Концессией и таким образом прекратить обстрел иностранного поселения, упорно отклонялись, конечно, опять же, это было не так. Было бы слишком ожидать, что власти предпримут надлежащие меры для отправки войск в Ханькоу, чтобы предотвратить то, во что все верили, что это неизбежно, а именно, прорыв через Уступки врага и преследование их победившей фракцией. Кульминацией всего этого стало 18 ноября, когда состоялась встреча британских подданных. Следующее сообщение было результатом длительного обсуждения общей ситуации и того, что лучше всего было сделать:—

"ГЕРБЕРТ ГОФФЕ, эсквайр, исполняющий обязанности генерального консула Х.Б.М. в Ханькоу.

"СЭР, мы, нижеподписавшиеся жители Великобритании, почтительно просим Вас направить следующий протест министру Его Величества с просьбой передать его соответствующим властям:

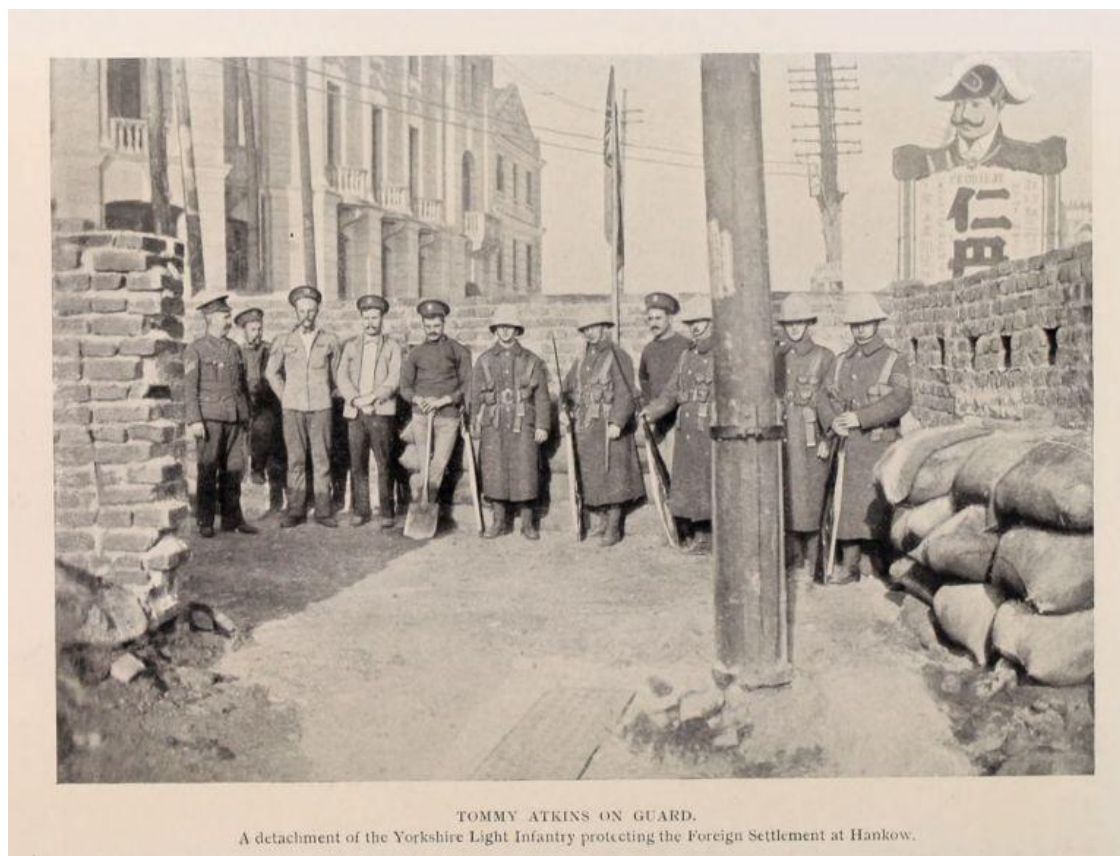
1. "В газете *"Лондон энд Чайна Экспресс"* от 20 октября говорится: "Официально заявлено, что политика Великобритании в нынешней ситуации в Китае будет ограничена принятием всех мер, которые сочтут необходимыми для защиты жизни и имущества ее граждан".

"Хотя британским подданным, по-видимому, была предоставлена надлежащая защита в Тяньцзине и Шанхае, по нашему мнению, в Ханькоу было наоборот. Это подтверждается тем фактом, что в то время, когда британский вице-адмирал лично командовал всеми силами в Ханькоу, его собственных моряков, а также местных добровольцев и полиции было недостаточно для надлежащей охраны британской концессии, и была принята любезная помощь немцев, японцев, французов и австрийцев. С тех пор ситуация стала бесконечно более опасной, и оказалось, что защита была сведена абсолютно к минимуму, а силы британских канонерских лодок были именно такими, какие иностранцы привыкли видеть в порту в обычное время. Это доказывает, что власть имущие неправильно оценили ситуацию, и если бы информация, имевшаяся в их распоряжении, была получена или выслушана, этого не должно было произойти.

2. "Мы протестуем против действий, предпринятых властями по передаче радиосообщения в Шанхай 17 ноября или около того, в котором говорилось, что "в течение нескольких дней здесь не было боевых действий" и "что работа возобновляется", как сообщалось в *North China Daily News* от 9 ноября и в *Shanghai Mercury* от 8 ноября соответственно. Наши причины для этого заключаются в том, что оба заявления не соответствуют действительности, и что, отправив такое сообщение, они вызвали бесконечную неприязнь к британскому флагу и отвращение к действию, которое заставляет женщин и детей возвращаться сюда, когда для них это, несомненно, небезопасно. Пока что боевых действий не было, беспорядочные бои и стрельба снайперов продолжались с момента основного сражения, 27-28 октября, и многочисленные пули и снаряды продолжают ежедневно попадать в Концессию. Хотя иностранцам до сих пор

удавалось бежать, большое количество китайцев, находившихся на территории Концессии, были убиты или ранены, а имуществу нанесен ущерб. Что касается возобновления бизнеса, то он застопорился с начала Революции.

3. "Поскольку обычная телеграфная связь полностью прервана, мы протестуем против правил Адмиралтейства, которые не разрешают пересылку важных неслужебных сообщений по беспроводной связи для британских подданных в обстоятельствах, подобных этому описанию. Несколько раз сообщения, отклоненные вице-адмиралом Уинслоу, были вежливо приняты и отправлены немецким адмиралом по радио. Мы считаем, что эти протесты являются единственно правильными, поскольку мы ни на минуту не можем поверить, что правительству Его Величества известно истинное положение дел и что в условиях нынешнего кризиса британским престижем и британскими интересами, к сожалению, пренебрегли. Наконец, хотя это вряд ли входит в компетенцию британских жителей Ханькоу, мы хотели бы отметить, что в настоящее время Ичан и Чанша в равной степени плохозащищены. Настоятельная необходимость отправки войск в этот порт подчеркивается тем фактом, что сейчас идут ожесточенные бои и снаряды рвутся над нашими головами. Ситуация крайне критическая, и следует искренне надеяться, что не только британские власти, но и американские, немецкие, французские и российские консульские органы позаботятся о том, чтобы сюда было немедленно доставлено столько канонерских лодок, сколько можно разумно выделить из состава китайских эскадр. Японцы, единственная другая нация, имеющая Концессию, могут рассчитывать на то, что они ничего не оставят незавершенным".

ТОММИ АТКИНС НА СТРАЖЕ.

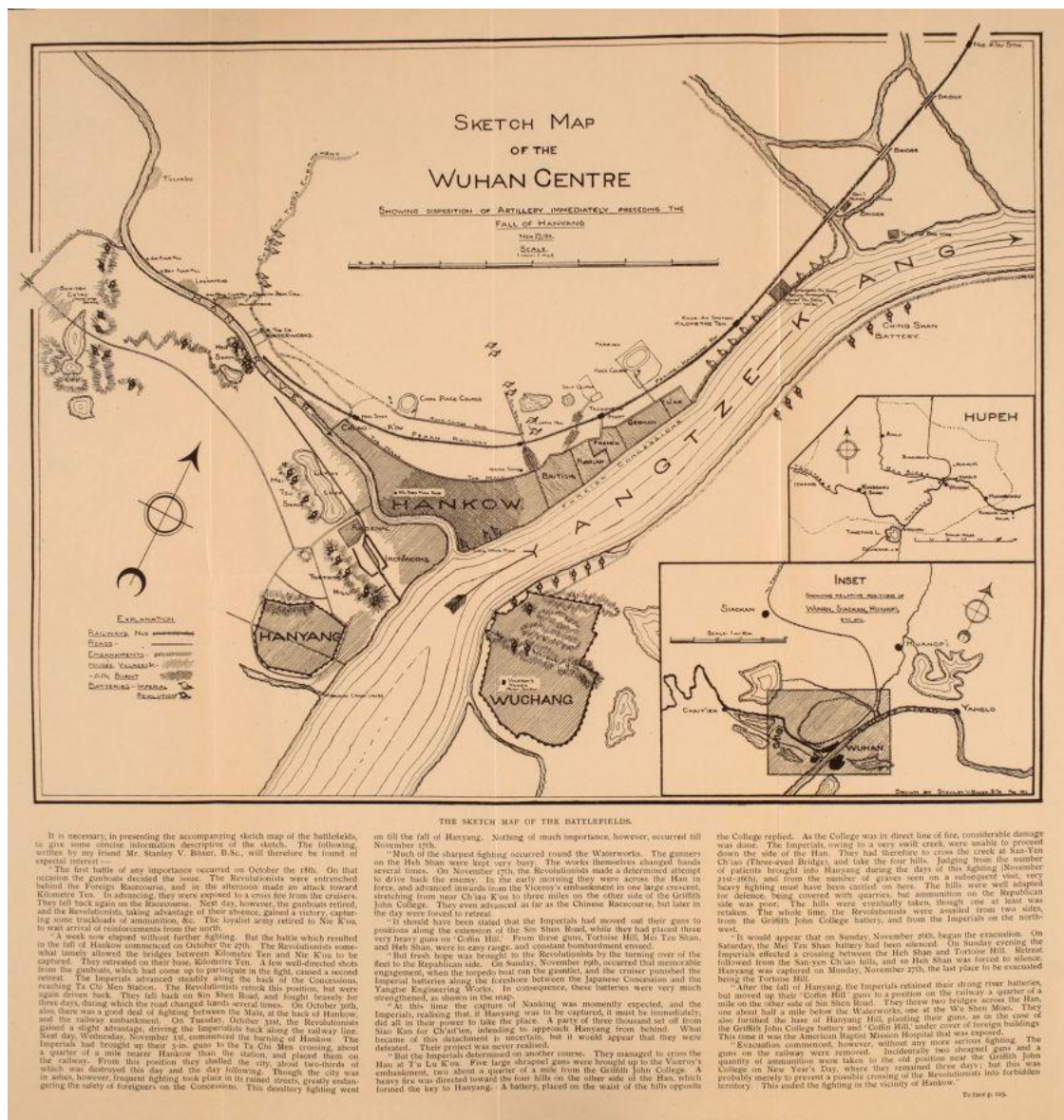
Отряд Йоркширской легкой пехоты
, защищающий Иностранное поселение в Ханькоу.

Британскому посланнику в Пекине и Министерству иностранных дел было разрешено направить следующую телеграмму:

"Массовый митинг британских жителей Ханькоу считает срочно необходимым батальон охраны британской концессии—Пирс, председатель".

Аналогичную телеграмму было разрешено отправить Китайской ассоциации в Лондоне с просьбой призвать правительство направить запрошенную помощь. На встрече присутствовало девяносто пять жителей Великобритании.

Комментировать вышесказанное было бы только одиозно прямо сейчас. Однако, воспроизведя переписку, читатель сможет убедиться в чувствах британского сообщества, когда такая упорная официальная лень продолжалась. Если бы армии вышли из-под контроля, можно было бы рассказать гораздо более печальную историю.

ЭСКИЗНАЯ КАРТА ПОЛЕЙ СРАЖЕНИЙ.

При представлении прилагаемой эскизной карты полей сражений необходимо дать некоторую краткую информацию, описывающую эскиз. Поэтому особый интерес представляет следующее, написанное моим другом мистером Стэнли В. Боксером, B.Sc., —

"Первое сколько-нибудь важное сражение произошло 18 октября. В тот раз дело решили канонерские лодки. Революционеры окопались за Иностранным ипподромом и во второй половине дня предприняли атаку в направлении Десятого километра. Продвигаясь вперед, они попали под перекрестный огонь крейсеров. Они снова вернулись на Ипподром. Однако на следующий день канонерские лодки отошли, и революционеры, воспользовавшись их отсутствием, одержали победу, захватив несколько грузовиков с боеприпасами и т. Д. Армия лоялистов отступила в Не Ку, чтобы дожидаться прибытия подкреплений с севера.

Прошла неделя без дальнейших боев. Но сражение, в результате которого Ханькоу пал, началось 27 октября. Революционеры довольно покорно позволили захватить мосты между

Десятым километром и Не Ку. Они отступили на свою базу в Десятом километре. Несколько метких выстрелов с канонерских лодок, подошедших для участия в бою, вызвали повторное отступление. Имперцы неуклонно продвигались вдоль тыла Концессий, достигнув станции Та Чи Мен. Революционеры отвоевали эту позицию, но снова были отброшены назад. Они отступили на дорогу Син Шен и храбро сражались в течение трех дней, в течение которых дорога несколько раз переходила из рук в руки. 30 октября также шли ожесточенные бои между малу в тылу Ханькоу и железнодорожной насыпью. Во вторник, 31 октября, революционеры получили небольшое преимущество, оттеснив империалистов назад вдоль железнодорожной линии. На следующий день, в среду, 1 ноября, началось сожжение Ханькоу. Имперцы подтянули свои трехдюймовые орудия к переправе через Тацзи Мен, примерно в четверти мили ближе к Ханькоу, чем к станции, и разместили их на железной дороге. С этой позиции они обстреляли город, около двух третей которого было разрушено в этот и следующий день. Однако, хотя город был превращен в пепелище, на его разрушенных улицах происходили частые бои, что сильно угрожало безопасности иностранцев на Концессиях. Эти беспорядочные бои продолжались до падения Ханьяна. Однако до 17 ноября ничего особо важного не произошло.

"Самые ожесточенные бои происходили вокруг Гидротехнических сооружений. Артиллеристы на Хешане были очень заняты. Сами сооружения несколько раз переходили из рук в руки. 17 ноября революционеры предприняли решительную попытку отбросить врага. Ранним утром они переправились через реку Хань и двинулись вглубь от набережной вице-короля одним большим полумесяцем, протянувшимся от Чаео Ку до трех миль по другую сторону колледжа Гриффита Джона. Они даже продвинулись до Китайского ипподрома, но позже в тот же день были вынуждены отступить.

Следовало бы указать, что имперцы передвинули свои орудия на позиции вдоль продолжения дороги Син Шен, в то время как они разместили три очень тяжелых орудия на "Холме гробов". Из этих орудий Черепаший холм, Мэй-Цзы-Шань и Хех-Шань находились в пределах легкой досягаемости, и последовала постоянная бомбардировка.

Но переход флота на сторону республиканцев вселил в революционеров новую надежду. В воскресенье, 19 ноября, произошло то памятное сражение, когда торпедный катер бросил вызов, а крейсер наказал императорские батареи вдоль береговой полосы между японской концессией и Инженерным заводом Янцзы. В результате эти батареи были очень сильно укреплены, как показано на карте.

"В это время ожидался захват Нанкина, и имперцы, понимая, что если Ханьян должен быть захвачен, то это должно быть немедленно, сделали все, что в их силах, чтобы занять это место. Отряд из трех тысяч человек отправился из Сяокана в Чайтьен, намереваясь подойти к Ханьянус тыла. Что стало с этим отрядом, неизвестно, но, похоже, они потерпели поражение. Их проект так и не был реализован.

Но имперцы избрали другой курс. Им удалось пересечь реку Хань у Ту Лу Ку. Пять больших шрапнельных орудий были доставлены на набережную вице-короля, два из которых находились примерно в четверти мили от колледжа Гриффита Джона. Сильный огонь был направлен на четыре холма на другой стороне реки Хань, которые составляли ключ к Ханьяну. Ответила батарея, расположенная на склоне холмов напротив колледжа. Поскольку Колледж находился на прямой линии огня, был нанесен значительный ущерб. Имперцы из-за очень быстрого течения не смогли спуститься по склону реки Хань. Поэтому они должны были пересечь ручей у

Сан-Янь-Цяо (Трехглазый мост) и подняться на четыре холма. Судя по количеству пациентов, доставленных в Ханьян в дни этих боев (21-26 ноября), и по количеству могил, увиденных при последующем посещении, здесь, должно быть, велись очень тяжелые бои. Холмы были хорошо приспособлены для обороны, поскольку были покрыты карьерами, но боеприпасов у республиканцев было мало. Холмы в конце концов были взяты, хотя по крайней мере один был отбит. Все это время революционеры подвергались нападению с двух сторон: со стороны батареи колледжа Гриффита Джона и со стороны имперцев на северо-западе.

"Похоже, что в воскресенье, 26 ноября, началась эвакуация. В субботу батарея Мэй Цзу Шань была отключена. В воскресенье вечером имперцы осуществили переход между Хешанем и Черепашьим холмом. Последовало отступление с холмов Сань-Яньцяо, и поэтому Хешань был вынужден замолчать. Ханьян был захвачен в понедельник, 27 ноября, последним местом эвакуации был Черепаший холм.

"После падения Ханьяна имперцы сохранили свои сильные речные батареи, но передвинули свои орудия "Гробовой холм" на позицию у железной дороги в четверти мили по другую сторону дороги Син Шен. Они перекинули два моста через реку Хань, один примерно в полумиле ниже Гидротехнических сооружений, другой у реки Ву Шен Мяо. Они также укрепили основание холма Ханьян, установив свои орудия, как в случае с батареей колледжа Гриффит Джон и "Коффин Хилл", под прикрытием иностранных зданий. На этот раз разоблачению подвергся госпиталь Американской баптистской миссии.

Однако эвакуация началась без каких-либо серьезных боев. Орудия на железной дороге были сняты. Случайно, в День Нового года два осколочных ружья и некоторое количество боеприпасов были доставлены на старую позицию возле колледжа Гриффит Джон, где они оставались три дня; но это, вероятно, было сделано просто для того, чтобы предотвратить возможное проникновение революционеров на запретную территорию. Это положило конец боевым действиям в окрестностях Ханькоу".

ГЛАВА XI

ПАДЕНИЕ ХАНЬЯНА

За три дня до морской эскапады, описанной в предыдущей главе, началась великая борьба "бесов" за возвращение Ханьяна. Юань Шихкай, раздраженный бесстрашием, с которым враг отстаивал свои позиции — и даже превосходил Императорскую армию, — предложил 3 000 000 таэлей (около 375 000 фунтов стерлингов) за возвращение Ханьяна. Революционная армия теперь сражалась так, как никогда прежде.

Важная новость о том, что Шаньдун перешел на сторону революционеров, была получена 16-го числа в лаконичном сообщении, в котором кратко говорилось, что вся провинция теперь вывешивает белый флаг. Эта новость была тем более важной, что примерно за десять дней до этого правительство удовлетворило все требования шаньдунцев, за исключением эвакуации Пекина маньчжурами. Считалось, что это было бы достаточной подачкой "Церберу", но оказалось, что это не так, и шантунгиты, очевидно, решили действовать до конца так же, как их местные соотечественники.

Настоящая бомбардировка Ханьяна началась ночью того же дня, и это зрелище никогда не забудется теми, у кого хватило смелости подняться на высокие здания и посмотреть, как открывают огонь пушки. Из десятков батарей на Учанском берегу реки, из больших фортов на главных холмах внутри Учана, примерно из тридцати орудий, установленных на холме Ханьян и на четырех холмах справа, постоянно доносились крошечные вспышки. Отдаленный грохот, длившийся часами в густой темноте, вызывал жутковатое чувство. Яростный свист снарядов, пронесившихся над чужими домами, усиливал своеобразное очарование. Свистящие в воздухе пули вселяли в человека дух холодной бравады. По всей сельской местности на многие мили можно было насчитать десятки пожаров — казалось, все население выгорело из домов. В полночь наступило значительное затишье. Ожидая и наблюдая, наблюдая и выжидая на крышах своих домов, иностранные гражданские лица смотрели на проходящую трагедию и были зачарованы в темноте. Эти крошечные голубые искорки казались искрами новой жизни, но утро принесло известие о том, что революционерам пришлось хуже всего. Когда Северная армия впервые прибыла в Некоу, частью их программы была отправка войск через озера к реке Хань в Ханькоу, откуда они могли добраться до Ханьяна за полдня. Лодки были собраны для экспедиции, но по той или иной причине она была отменена. Проект, по-видимому, был предпринят снова, и на этот раз доведен до конца, в результате чего империалисты к 20 ноября овладели Цайтьеном, оживленным торговым городом на Ханьянской стороне реки Хань в двадцати милях вверх. Иностранный путешественник, находившийся там во время оккупации, описал следующие подробности о тогдашней ситуации: —

"После того, как мы миновали Синьков по пути вниз на лодке, мы заметили группы солдат в серых мундирах, марширующих вниз по левому берегу. В отряде могло быть двадцать человек, а иногда и сто. В разговоре с ними мы узнали, что они были людьми из чилхи или Шаньдуна и принадлежали к армии Юань Шихкая. Их генерала звали Ву, очень дружелюбный человек, который сказал, что у него есть силы в три тысячи человек и что они направляются в Ханьян. Наша лодка опередила их, и, достигнув Цайтьена, мы обнаружили, что он все еще находится под контролем революционеров, но там не было солдат, кроме экипажей примерно двадцати боевых джонок, стоящих на якоре. Там была тысяча человек, но они двинулись вверх по реке до нашего прибытия, сказали, что они направлялись в Анлух. Мы добрались туда в субботу вечером, а на рассвете следующего дня ганджанки снялись с якоря и направились вверх по реке. Империалисты появились только в воскресенье, около двух часов дня, когда подошло около сорока лодок туземцев, битком набитых солдатами. У них также было на борту с полдюжины мулов и, вероятно, ружья, но их не было видно. У них были большие запасы боеприпасов. К тому времени, когда они приземлились, все следы революционеров исчезли. Никто им не мешал, и они никому не мешали. В этой группе могло быть около тысячи человек. Весь день и вечер вверх по реке шла ожесточенная стрельба. Люди говорили, что это революционеры атаковали тыл отряда в Хсинкоу и что они отбросили его назад, но загадкой было то, как наступающим удалось достичь Цайтьена так, что ни одна из сторон, по-видимому,

не заметила другую. Мы покинули Цайтьен около десяти часов в понедельник, в это время все империалисты были в своих палатках и завтракали. Не было никаких признаков того, что они намеревались предпринять какие-либо дальнейшие действия в тот день. Добраться до Ханькоу ханьским путем невозможно, поскольку обе стороны стреляли по каждой замеченной лодке. Поэтому мы пересекли озеро Мачиа и вышли за Ханьян. Здесь большой отряд из нескольких тысяч революционеров направлялся по суше в Цайтьен, и, если бы погода была благоприятной, они добрались бы туда прошлой ночью. Как бы то ни было, им придется дожидаться хорошей погоды, и тогда из этого квартала могут поступить еще какие-нибудь интересные новости".

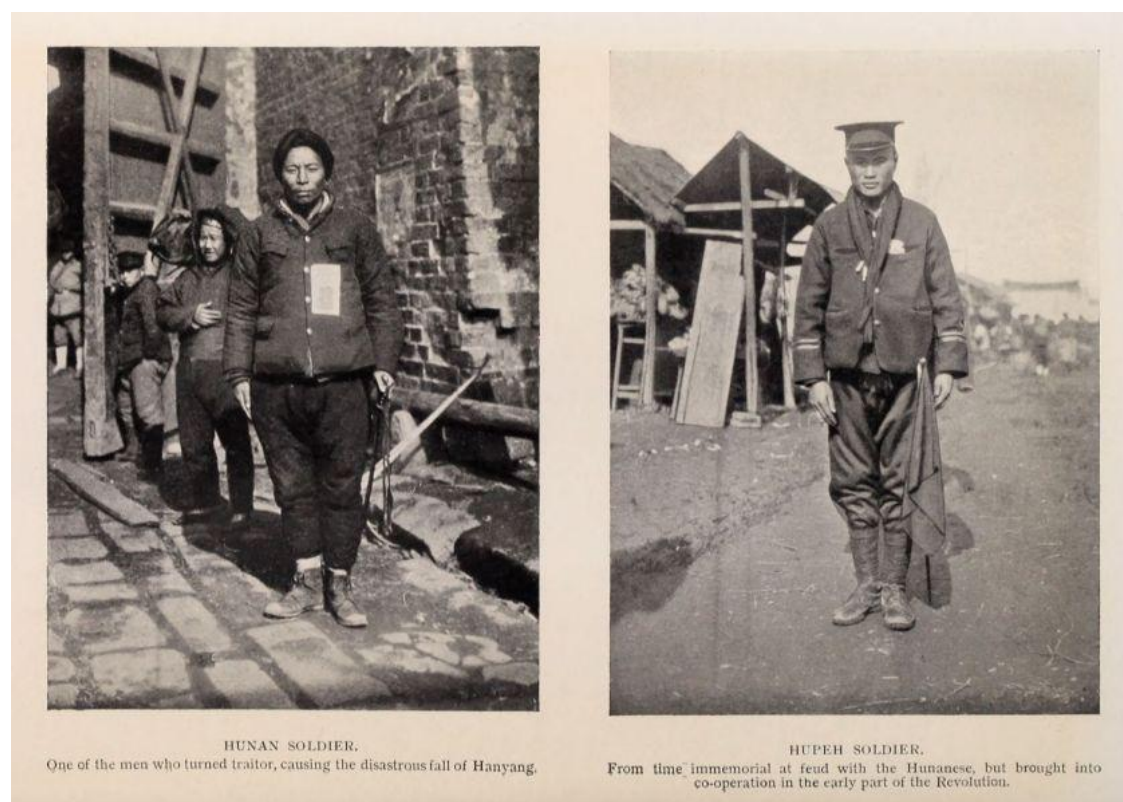
КАК ИМПЕРИАЛИСТЫ ПЕРЕШЛИ РЕКУ ХАНЬ.

Один из трех мостов, построенных на лодках через реку, пока революционеры ссорились между собой.

Так, наконец, империалисты пересекли реку Хань. И с их переправой началось одно из самых решительных сражений в истории, длившееся пять долгих дней и четыре ужасные ночи тяжелейших боев. День за днем плотная работа стрелков и огонь "Максима" были потрясающими. Революционерам какое-то время удавалось взять верх. Резня среди империалистов была ужасающей. Артиллерийский огонь был тяжелым и смертоносным с обеих сторон, но из "Максима" революционеры косили врага сотнями каждый день. Список погибших никто не мог подсчитать. Каждую ночь погибших имперцев увозили поездом. Раненых имперцев оставляли на поле боя на холоде умирать от ужасных ран и голода. Давление не позволяло Красному Кресту выполнять свою работу. Слева от наступающих империалистов, о которых уже говорилось, была быстро несущаяся река Хань, справа - озеро, впереди - ручей и высокий холм, обороняемый сильными силами революционеров. Холм сам по себе был естественной крепостью, но на неровностях почвы и в высокой траве горные орудия и пулеметы "Максим" были густыми, как ежевика. Каждый имперец сражался за свою жизнь, ибо, оказавшись на

другом берегу Хань, он знал, что это битва ради того, чтобы убивать или быть убитым. Подобные сцены, вероятно, не затмевала ни одна война. Стрельба и непрекращающаяся канонада были тяжелее, чем в любой войне последнего времени. Империалисты отказались от своих попыток и были подавлены скудными перспективами своего успеха. Взять Ханьян казалось совершенно невозможным. Их идея состояла в том, чтобы снова совершить широкое фланговое движение к Сяокану, провести легкую железную дорогу до Сянъяна, в Северном Хупэ, и таким образом отвлечь революционеров от холмов на открытую местность. Им наверняка казалось, что Ханьян всегда будет оставаться революционной базой. Но когда человек собирается написать точный отчет о ситуации в те последние дни ноября, он сталкивается с бесчисленными препятствиями, которые делают это почти бесполезным. 26-го числа у каждого человека в Концессиях, за исключением очень немногих, более тесно связанных с событиями на поле боя, сложилось впечатление, что Революционная армия продвигается вперед, что у нее намного лучшие позиции на поле боя и что взятие Ханьяна было задачей, для выполнения которой империалисты ни в коем случае не были достаточно сильны. Как я уже говорил, империалистические офицеры тоже так думали, но когда в субботу (25-го) я узнал, что хунаньцы стали немного недовольны, я в некоторой степени предвидел, какой оборот примут события, если окажется невозможным для генерала Ли Юань Хуна и командующего Хуан Сюиня успешно справиться с этим новым и несколько вероломным шагом со стороны Хунаньской армии. Теперь самый сильный удар, который когда-либо наносился и который не мог привести к полному разгрому, был нанесен республиканцам здесь 27 ноября.

Ханьян был взят в плен — как это будет объяснено позже.

ХУНАНЬСКИЙ СОЛДАТ.

Один из людей, ставших предателями,

ставших причиной катастрофического падения Ханьяна.

СОЛДАТ ХУПЕ.

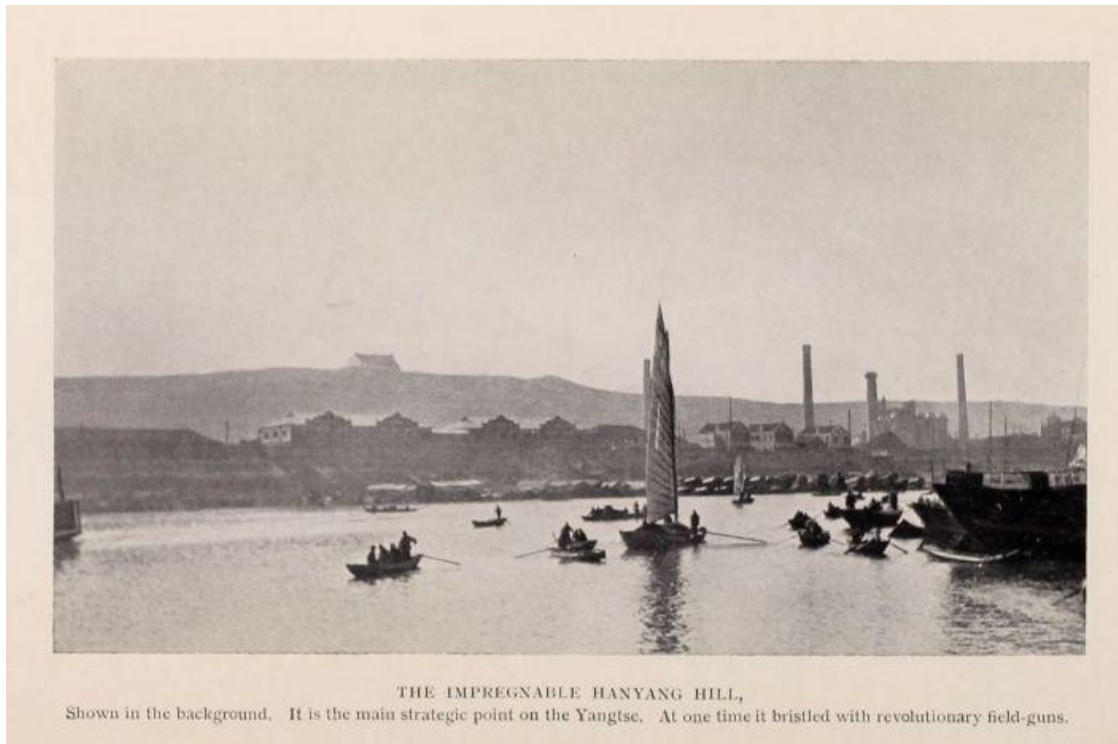
С незапамятных времен враждовал с хунанцами, но был привлечен к сотрудничеству в начале революции.

Было тем труднее написать точный отчет о ситуации, который оставался бы правдивым, потому что с этого момента она, казалось, меняла свой аспект час от часу. Казалось, все изменилось к худшему. Китайцы встречались на улицах и с вытянутыми лицами сообщали друг другу плохие новости. Вид мертвых, которых приносили с поля и готовили к погребению на глазах у всех, кому не лень, вносил особую подавленность в самую атмосферу. Иностранцы и китайские общины час за часом ждали того, что должно было произойти. У каждого на устах ходили дикие слухи. Никому нельзя было верить, и то, что человек видел на самом деле, вряд ли можно было принять за правду. Общая ситуация была чрезвычайно серьезной для республиканской армии, и империалисты никогда не были сильнее численно и в том преимуществе, которое они имели над своим врагом на своих полевых позициях. Теперь, когда они овладели холмом Ханьян, ожидалось, что они выдвинут на позиции свои большие орудия и разнесут Учан на куски за три часа. Их ничто не могло остановить. Они были военными хозяевами положения. Все, что китайцы могли сейчас сделать, - это сидеть тихо, как можно меньше вмешиваться, стараться сохранить голову на плечах, держась подальше от ножа палача, и ждать, что произойдет.

Затем медленно потекла история падения Ханьяна.[1]

Сенсационные инциденты в течение дня падения Ханьяна, с живописными происшествиями и всей той кровью, к которой призывает читающая газеты публика, были представлены на глазах у каждого. Груды беспомощных, израненных пулями людей плыли вниз по реке ужасающей чередой. Вы когда-нибудь видели лодку, дрейфующую по быстрой реке? Вы когда-нибудь наблюдали, как китайская джонка, возможно, неуклюжая и уродливая, просто беспомощно плывет по течению? А вы когда-нибудь видели груз людей, не знающих, что делать, чтобы добраться до берега или любого другого безопасного места? В то утро людей изрешетили пулями, когда они пытались спастись на лодках. На них обрушился пулеметный огонь, и они, метаясь, как стая испуганных птиц в клетке, в исступлении поползли к укрытому концу, надеясь, что лесное укрытие спасет их. Все крепче и крепче они прижимались друг к другу. Они топтали друг друга, выбрасывали в реку свои винтовки, гильзы, свои общие препятствия, а затем устраивались умирать, пока лодка медленно дрейфовала вниз по течению. И там, когда их нашли, эти тридцать, сорок, пятьдесят человек сидели, мрачно прижавшись друг к другу, их стеклянные глаза смотрели вверх, в неизвестность. Безжалостно, с отвратительной жестокостью они были убиты, пока сидели, и теперь находились в сидячей позе, мертвые, плотно прижатые друг к другу. Некоторые упали за борт лодки, и теперь их тела безвольно висели, раскачиваясь взад-вперед в такт тупому движению джонки. Некоторые, раненные в голову, в сердце, в конечности, в изнеможении опускались на дно лодки, где вода быстро врывалась через расколотый фальшборт, и лежали лицом вниз в воде, утонув на месте. На другой лодке, такой же беспомощной и лишенной всякой надежды, кроме реки, были свои

раненые на дне, несколько менее серьезно раненых просунули руки через отверстия в воде и тщетно пытались сдвинуть лодку с места. Когда эти джонки после невероятных усилий были доставлены в сторону Британской дамбы, зрелище никогда не будет забыто — люди, истекающие кровью из горла, хромящие, волочащие за собой раздробленную ногу вверх по ступенькам, чтобы упасть в изнеможении наверху и быть унесенными в госпитали. Это был кровавый конфликт, который положил конец падению Ханьяна.

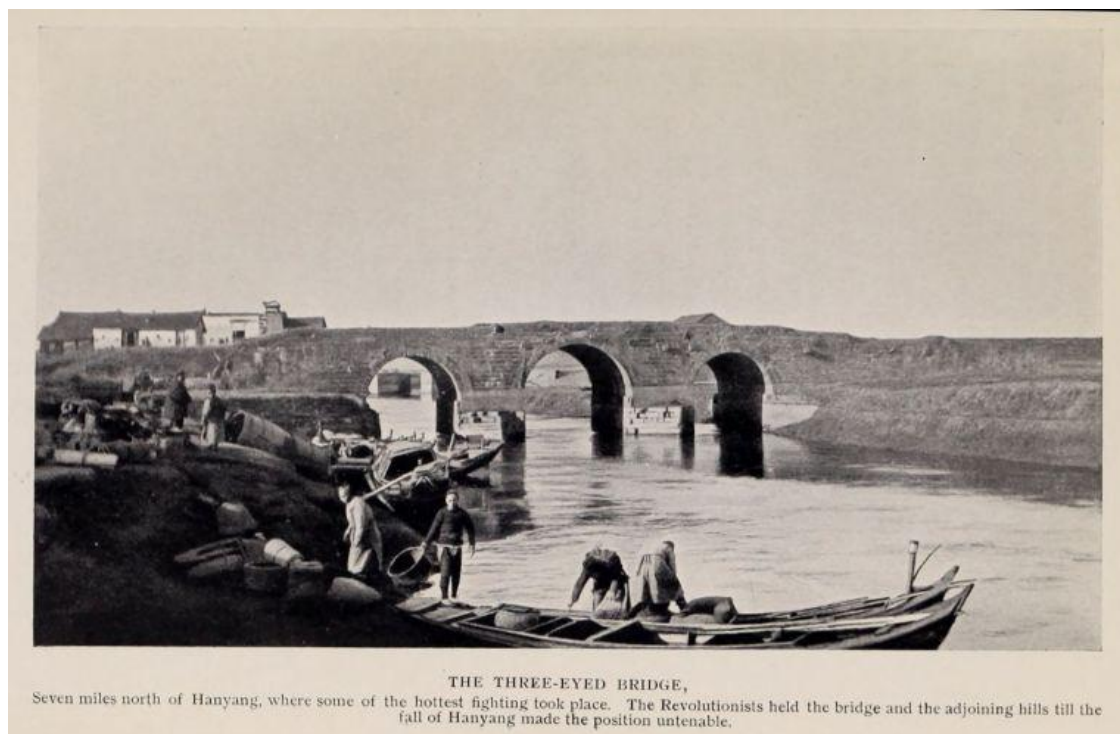

НЕПРИСТУПНЫЙ ХОЛМ ХАНЬЯН,
Изображенный на заднем плане. Это главный стратегический пункт на Янцзы. Одно время он оцетинился революционными полевыми орудиями.

Впервые с начала революционного движения в Китае дело империализма добилось неоспоримого успеха, за исключением жестокого сожжения Ханькоу. Успех империалистов справедливо приписывался их превосходному оснащению и дисциплине, и то, что их лояльность Пекину, а также их эффективность выдержали высшую проверку боем, само по себе было событием первостепенной важности. С сильными настроениями, которые выросли почти по всему Китаю против маньчжуров, все еще приходилось считаться. В то время было забавным развлечением читать мнения, печатавшиеся в местной прессе. Упомянув о настроениях пролетариата против маньчжуров, автор редакционной статьи в лондонской *Times* сказал, что "опять же промежуточный срок может быть найден в предложении о том, что в качестве альтернативы выводу двора из Пекина нынешний регент должен передать свой пост в руки китайского регента или Регентского совета. Необычная церемония, состоявшаяся несколько дней назад в Пекине, когда Регент от имени малолетнего императора принес искупление перед "небесными духами" императорских предков за ответственность, которую он должен нести в нынешних бедах, может быть воспринята как нечто большее, чем простое формальное

признание серьезности кризиса. В торжественной присяге на верность новому конституционному режиму, принесенной регентом, во многих словах содержится признание того, что династия находится в опасности; и столь серьезное признание, как мы полагаем, по меньшей мере столь же беспрецедентно, как и обстоятельства, которые его спровоцировали. Если он действительно отражает сдержанный дух правителей Китая, он вряд ли может не произвести глубокого впечатления на массы китайского народа, чье традиционное почитание трона как священного института восходит к временам незапамятным и пережило бесчисленные революции в прошлом, которые, какими бы катастрофическими они ни были для тех, кто занимает трон в настоящее время, никогда не оказывали постоянного воздействия на присущий ему престиж".

Но в период таких национальных страданий, через которые проходил Китай, именно тогда было бы неразумно слишком полагаться на простой здравый смысл, даже когда речь шла о людях во многих отношениях столь в высшей степени здравомыслящих, как китайцы. Огромные силы, энергию которых мы еще не могли оценить, были приведены в движение, к лучшему или к худшему; и когда однажды стихийные силы были приведены в движение, их нелегко остановить. Умоляя о сохранении династии, сам Юань Шихкай не скрывал своего убеждения в том, что за ее свержением последует серия внутренних потрясений, растянувшихся, возможно, на несколько десятилетий. Время может доказать правоту Юаня. Но хотя мы можем надеяться, что мир избежит такого бедствия, теперь было невозможно смотреть в будущее без опасений. Старый порядок вещей исчез, чтобы никогда не вернуться. Но было бы тогда и остается напрасным ожидать, что новый и стабильный порядок вещей может быть немедленно создан по мановению волшебной палочки из существующего хаоса. Какой бы прогнившей ни была старая ткань, ее нельзя уничтожить и создать новую за один день. Япония пережила около пятнадцати лет внутренних раздоров и потрясений, прежде чем современная Япония поднялась из руин старой феодальной Японии. И Японии не только посчастливилось обладать влиятельным классом, вдохновленным великими патриотическими идеалами, готовым повести ее по пути национального возрождения, но и при восстановлении императорской власти она приобрела древнюю национальную традицию, вокруг которой могли выкристаллизоваться современные идеи реформ. Еще предстояло выяснить, обладал ли Китай классом, столь же компетентным, чтобы провести его через буруны, — и до сих пор видел; но, к сожалению, было слишком ясно, что нынешняя династия никогда не сможет стать оплотом патриотического энтузиазма, каким оказалась правящая династия в Японии. Только будущее может показать, можно ли найти ему какую-либо эффективную замену.

ТРЕХГЛАЗЫЙ МОСТ,

в семи милях к северу от Ханьяна, где происходили одни из самых ожесточенных боев . Революционеры удерживали мост и прилегающие к нему холмы до тех пор, пока падение Ханьяна не сделало их позицию несостоятельной.

Падение Ханьяна придало имперскому делу импульс, который трудно оценить. Но это дорого обошлось китайцам как народу во время его падения.

В течение первых двух дней декабря автор входил в группу европейцев, в обязанности которых входило руководить операциями поисковой группы Общества Красного Креста в окрестностях Чиакоу и на четырех холмах за рекой Хань, которые стали ареной одного из великих сражений. Это был участок местности, который в течение нескольких дней удерживала Революционная армия, расположившись лагерем и укрепившись на многочисленных холмах и окружающей озерной местности, которая по своей очень непроходимой природе была практически фортом. Именно здесь революционеры, должно быть, сражались с большим бесстрашием, чем когда-либо показывала миру русско-японская война. Именно здесь в течение нескольких дней, находясь на близком расстоянии, они были отброшены императорской шрапнелью и ружейным огнем с другого берега Хань; здесь они повторяли дерзкие атаки на врага, когда казалось, что конец близок из-за быстрого уничтожения империалистов; здесь пекинцы снова и снова пытались прорваться, но были безнадежно изрублены и отступили, оставив лишь ничтожный процент своих собственных атакующих полков; здесь холмы оцетинились батареями, которые дюжинами одновременно выпускали снаряды во врага, пока тот лежал лагерем. на открытой местности за гидротехническим сооружением. Все вместе эти четыре холма, все еще благоговейно взиравшие на своего Создателя, казалось, безмолвно рассказывали истории о

героизме, которые сделают бессмертной память о людях, подвергшихся жестоким пыткам среди их собственного народа. Но именно здесь также произошла ссора между людьми из Хупе и Хунани; и в этом заключалось их падение, как и ни в чем другом, ибо это место было неприступным.

И когда в течение этих двух дней я скакал на своем пони по этим холмам, через те болота, вокруг тех озер, и когда я стоял у могил людей, которые пожертвовали своим делом, я не мог не задаваться вопросом, что могло бы быть, если бы Революционная армия оставалась единой духом. Произошло бы вот что: империалисты никогда бы не пересекли реку Хань. Но к 1 декабря они полностью овладели страной. Каждый человек и вещь, казалось, были пронумерованы, все было чудесно организовано; издалека, вверх по реке Хань с обеих сторон, вплоть до того места, где река Хань впадает в Янцзы, и ниже, за фортами Киншань, империалисты были во власти.

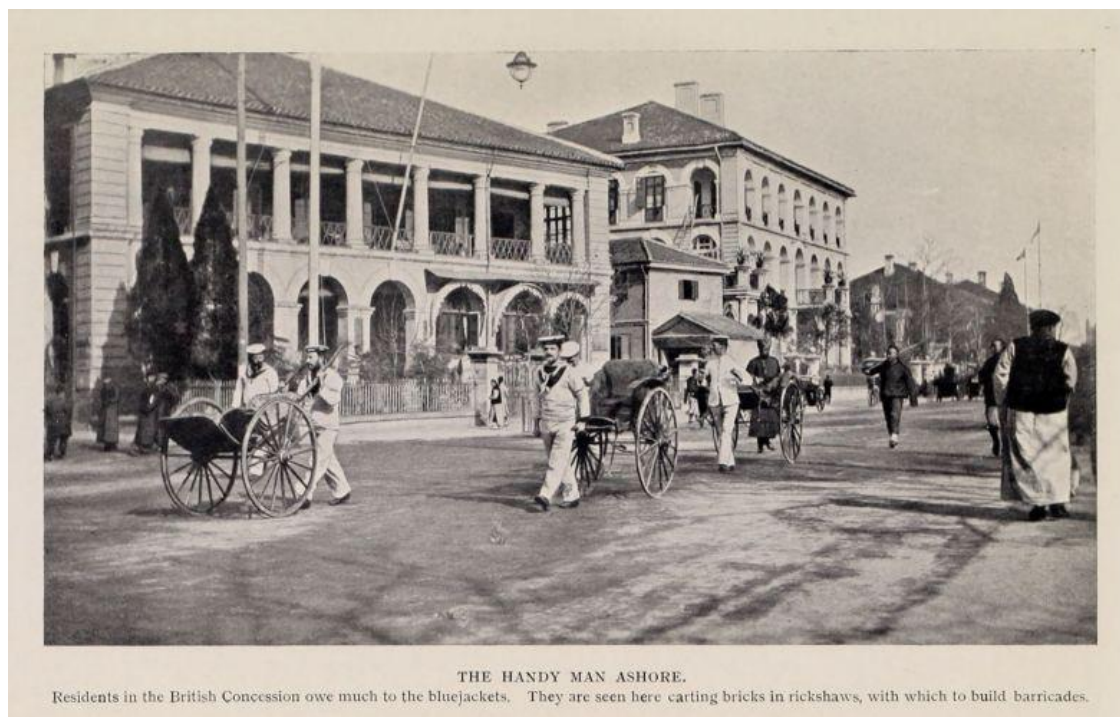
Поскольку повстанцы проиграли, империалисты победили: но когда ходишь по сельской местности и разговариваешь с сельскими жителями, мирными душами, у которых была только их маленькая капустная грядка, на которую можно было прокормиться, рассказы о дикости, жестокости и дьявольском обращении, которые, по словам империалистов, они сочли необходимым включить в свои "военные меры", не заставляют удивляться тому, что, хотя все сельское население было вынуждено подчиниться под острием штыка, оно поклялось отомстить армии, посеявшей среди них хаос. Такое поведение, на котором настаивали имперские солдаты в своей дьявольщине, было даже хуже, чем можно было ожидать от худшего из китайцев. Мы все знаем, что китайцы жестоки, что у них нет сочувствия в обычном западном смысле этого слова; мы знаем, что они наслаждаются пытками всего живого. Но такое вопиюще бесчеловечное поведение, которое одобрялось имперскими военными властями в этом центре, почти заставляло восклицать, что никто не может проникнуть в глубины китайского варварства. То, что человек видел, заставляло его инстинктивно отпрянуть назад, но он не видел и десятой доли того, что там было.

О поисках мертвых я могу сказать немного. Было найдено немного мертвых. Мы похоронили 207 человек. Как только военные, командовавшие захваченным холмом, услышали, что Общество Красного Креста направляет отряды на поиски погибших и захоронение трупов, они отправились со своими собственными похоронными отрядами, чтобы забрать тех, кто был застрелен в том ужасном сражении. Деревни, которые были стерты с лица земли и, попутно, избавились от всех мужчин ружейным выстрелом или несколькими ударами штыка, были вынуждены хоронить своих мертвецов; в основном это делали девушки, прежде чем их увозили, чтобы превратить в нечто худшее, чем в рабынь дьявольских мужчин, которые их похитили. Но лучше рассказать эту историю по порядку.

Если кто-то способен отвлечься от ужасных и жестоких дьявольских трюков, практикуемых имперскими солдатами повсюду вдоль реки Хань, он не может не восхищаться отточенностью военной подготовки и чрезвычайно похвальной манерой обращения с этой Имперской армией. Если вспомнить, что с четырех высоких холмов, возвышающихся над рекой Хань, революционеры могли непрерывно разносить в пух и прах все, что предпринималось на пути наведения мостов, то возведение моста, по которому основные силы противника переправились через реку, можно назвать настоящим чудом. В этом месте Хань, несмотря на немалое течение, имеет ширину не менее трехсот пятидесяти ярдов. Мост, по которому

переправились империалисты, состоял примерно из ста пятидесяти лодок всех видов и размеров, каждая из которых, в свою очередь, была привязана к чрезвычайно прочному тросу; по нему были переброшены все атакующие силы со всем их снаряжением. Затем от этой точки до другой, примерно в двадцати ли отсюда, у подножия холмов, были беспорядочно разбросаны деревни, в некоторых проживало по двадцать семей, в некоторых - полдюжины. Всех их постигла одна и та же участь, и теперь они превратились в пепелища.

Слева был найден революционный солдат, мертвый, наполовину съеденный, все еще одетый в свою черную форму. На теле, лежавшем разлагающейся кучей на земле, были замечены несколько штыковых ранений; его подняли с кровати, на которой раненый, вероятно, был убит. Под кроватью была найдена лампа, на кровати и вокруг нее были найдены огромные куски древесного угля и обугленные дрова; больше в комнате ничего не сгорело. Возможно ли думать, что эти человеческие дьяволы, сначала добравшись до своей жертвы, как звери, которыми они и являются, затем искалечив ее, затем уложив на кровать, затем раздобыв огонь, на котором они намеревались сжечь его до смерти, подожгли все, что могли, и буквально поджарили свою жертву заживо, а затем сели наблюдать за последней агонией? Такова была моя теория и косвенные доказательства, а также осторожное объяснение смотрителя храма, которого пощадили, потому что он мог прислуживать этим злобным серым плащам, — созданные ни для кого другого. И там лежало тело; собаки набросились и отгрызли ногу, часть шеи, часть туловища; основная кость ноги была вырвана, и собака поблизости все еще рычала на другую из-за того, что завладела ею. Вскоре похороны были совершены, задумчивые зрители, которым повезло, что они спаслись, вежливо заметили, что мы исполняем *хао си*. Было разумно не ожидать дальнейших ужасных подробностей о самом ужасном задании; написано достаточно, чтобы показать, где произошла великая битва и каковы были ее последствия. За холмами попадались одна, две, дюжина фуражек с козырьками, дюжина мундиров. Поблизости были ямы с ночной почвой и пруды со стоячей водой; в них сбрасывали несчастных жертв. Повсюду были лужи крови, гильзы и патроны, которых было тысячи, семь больших орудий с выбитыми пробоинами, коробки с нераспечатанными футлярами для полевых орудий, груды 2/4 орудийных гильз рядом с тяжелыми орудиями, куски костей, окровавленные бинты и многое другое, слишком красноречиво свидетельствующее о бойне и сражении. Один мужчина вызвался показать нам, где лежал труп деревенского жителя; он сказал, что тело было сильно ранено большим снарядом, и теперь от солдата, выполнявшего свой долг во имя реформы, мало что осталось; когда мы пришли на место, лужа крови и несколько костей были всем, что оставили собачьи падалишки.

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ НА БЕРЕГУ.

Жители британской концессии многим обязаны "синим курткам". Их можно увидеть здесь, везущими на рикшах кирпичи для строительства баррикад.

Дальше на куче мусора, которая сорок лет была ее домом, сидела пожилая женщина. Она была плохо одета, замерзла, четыре дня ничего не ела и думала, что тоже умрет. Ее муж, бедный старик, был убит случайными выстрелами до того, как империалисты предприняли свой налет; ее сыновья, четверо из них — мирные люди, по ее словам, не оказавшие сопротивления, — были жестоко убиты на месте; их жен увезли. "Но я не одна, - добавила она. - других в деревне постигла та же участь. У наших молодых парней сняли очереди, чтобы превратить их в повстанцев, чтобы у солдат был повод застрелить их. А наших "малюток", - бедная пожилая леди теперь вытирала глаза, - наших девочек четырнадцати и пятнадцати лет увезли за реку. Интересно, увижу ли я их снова? Я тоже задавался этим вопросом, наблюдая за плачущей старухой. И чем дальше я продвигался, тем больше меня впечатляла жестокость этой войны по отношению к гражданским, а не к военной части общества. Разрушения были ужасающими.

Вы когда-нибудь замечали, как быстро китаец может испортить или полностью разрушить вещи в целом? Будь то механик на фабрике, повар на кухне, мальчик по дому, садовник, лодочник, лудильщик, портной или моряк, нельзя отрицать, что китаец является мастером прошлого в искусстве портить, разрушать и использовать разрушительные вещи не по назначению. Это видно не в одном районе и не среди одного класса китайцев; это универсально для страны и народа. Проезжая по Китаю, больше всего поражаешься тому, каким образом все приведено в общее состояние упадка и бесполезности. И вот на войне китайцы показывают нам, насколько разрушительна их природа, насколько подло они мародерствуют и разрушают. На многие мили вокруг города Ханькоу тянутся выжженные и разграбленные районы, являющиеся самыми

болезненными свидетельствами разрушений этой ужасной гражданской войны. Эти северные победители не могли бы вести себя хуже, если бы специально приложили к этому усилия, и это о многом говорит. Вся жестокость, весь позор в его различных формах, все бессмысленные разрушения, воровство, изнасилование непорочных женщин, убийство маленьких детей, похищение юных девушек, грубое угнетение, практикуемое ими всеми, войдут в историю как поведение, недостойное любой цивилизованной нации. Я отдаю себе отчет в том, что, написав это, я могу вызвать значительную критику, но я не понимаю, почему подобные вещи следует скрывать от общественности. Китай, как и в течение долгого времени, заявляет, что он вплотную приближается к цивилизации Запада. Она заявила, что выбралась из колеи прошлого и что теперь мир может с уверенностью искать то, что в истории сделало народы мира великими, — свободу, справедливость и другие до сих пор неизвестные добродетели в ее нынешней военной кампании против тех, кто действительно, насколько мы можем судить, призывает к реальным реформам.

Еще один пример, прежде чем я закрою эту главу. Пока я ездил верхом по стране, я собрал в поле пару ракушек и попросил старика отнести их мне в дом, пока я позже не вернусь за ними. Он согласился, и я уехал. Некоторое время спустя я вернулся и обнаружил, что четверо солдат кричат на этого старика и нескольких его соседей, которые собрались, чтобы спасти его от общей гибели. Солдаты обвинили его в том, что он укрывает пустые гильзы для каких-то повстанцев, в чем они были уверены, и у них уже чесались пальцы на спусковых крючках винтовок. "Иностранный джентльмен попросил меня сохранить их для него; я говорю вам правду!" - закричал перепуганный старик. "Ты лжешь! ты старый негодяй, тебе придется умереть за это. Выходи из своего дома!" Его соседи тщетно пытались выступить посредниками от его имени, и им угрожали таким же обращением, если они немедленно не прекратят. Но в этот момент я подъехал верхом. Я спокойно взял гильзы, поблагодарил старика, спросил, в чем дело, и уже собирался объяснить, когда один из солдат со злым взглядом пожелал мне мира и сказал, что они просто развлекались со стариком, и что я могу идти своей дорогой, будучи уверенным, что никто не пострадает. Я пошел, но не знаю судьбы старика.

Читатель должен понимать, что, вероятно, из всех стратегических пунктов Китайской империи нет ни одного более опасного по своей природе, чем Ханьян. Это был стержень всей ситуации. С исчезновением Ханьяна практически исчез и Учан — если у врага вообще было какое-либо оружие. На рассвете 27 ноября военные корреспонденты принесли известие о том, что хунаньцы отказались сражаться при Ханьяне и что город вот-вот будет взят. Бомбардировки и тяжелый артиллерийский обстрел продолжались весь воскресный день и всю ночь, но к полуночи стало известно, что империалисты стали хозяевами положения, и наступление на укрепленный город Ханьян было для них только вопросом времени. Этот город, как и все собравшиеся, считался неприступным. Имело место предательство. Говорили, что хунаньцы застрелили своих офицеров, покинули холм, сели на джонки, которые безнадежно дрейфовали вниз по течению в попытке отступить к Учану, только для того, чтобы обнаружить, что после того, как они были обстреляны из джонки, они дрейфовали вниз по течению под огнем "Максима", выставленного им навстречу у излучины реки. То, что с ними произошло, уже было описано, но лучше можно себе представить.[2]

27 ноября, когда я одевался, дверь моей спальни медленно открылась. Умный молодой китаец, выпускник Йельского университета и один из самых умных людей своего курса, прокрался внутрь и осторожно прикрыл за собой дверь.

"Чувак, - сказал он, - все кончено. Мы потеряем Ханьян".

И тогда он начал рассказывать мне историю о предательстве. Это была печальная история, правда; но она выдала город. Подойдя ко мне, с искренностью, сияющей в его глазах, он воскликнул: "Послушайте, вы журналист; неужели вы не можете нам помочь? Неужели вы не можете остановить эту ужасную бойню? Город полностью пал. Империалисты контролируют холм и город вместе с арсеналом, пороховым заводом и многим другим".

В двух словах можно сказать, что военно-революционное дело в этом непосредственном центре было безвозвратно утрачено с падением Ханьяна. В этой книге бесполезно рассказывать о том, как вели себя эти люди; они бежали, многие из них были трусами, другие были сражены, но мужественно выполняли свой долг, других варварски закололи штыками, когда они пытались удержать свои орудия на холме и в долине на берегу реки; но то, что они были позорно разбиты, было подтверждено ужасным поведением империалистов. Они приближались, как стая обезумевших животных для нападения. У них не было пощады. Каждый в пределах досягаемости пал от удара штыка или был безжалостно расстрелян, несмотря на все гуманные методы, применяемые при капитуляции на войне. Сообщество лодочников, спокойно занявших нейтральную позицию, было обслужено таким же бессердечным образом. Женщины, дети, старики, младенцы — все были расстреляны, и их трупы поплыли вниз по реке в дрейфующих лодках. Некоторые из зрелищ были слишком ужасны, чтобы на них смотреть. Всех стариков и женщин постигла одна и та же жестокая участь.

Но, оставив на время боевые действия, мы приходим на Набережную во второй половине дня, чтобы понаблюдать, как Ассоциация Красного Креста выполняет свои поручения милосердия. Там, на набережной — у кого-то прострелены головы, конечности, туловища, и все это с ужасающей значимостью демонстрирует ужас этой войны — мы видим десять, двадцать, тридцать, сорок мертвых, уложенных для погребения. Иностранцы и китайцы все протягивают руку помощи, чтобы завернуть тела в циновки, другие грузят их в повозки, тротуары усеяны сброшенными шинелями и боевыми принадлежностями, которые мертвые все еще хранили как свидетельства этой гражданской бойни; чуть дальше можно найти группу раненых на лужайках, ожидающих возвращения санитаров, чтобы отвезти их в госпитали. Однабыла матерью с маленьким ребенком, умирающий ребенок, мать смертельно ранена; другие были мирными жителями, которые не сражались; другие были обученными солдатами; третьи были новобранцами, которые побежали на звук пулеметов, получив выстрел в спину. Затем раздается грохот колес, когда телегу за телегой с накрытыми телами убитых увозят с глаз долой, и полиция принимается за работу, чтобы подобрать окровавленную форму, мешочки с деньгами, безделушки китайского солдата. Все так печально, так многозначительно.

Тем временем на противоположной стороне дороги снаряды падали на столицу Учан. Воздух снова и снова разрывался от резкого грохота больших имперских орудий на Коффин-Хилл. Люди приходили и уходили, смотрели вниз на лужи человеческой крови, которые наполняли

реки крови, через которые Китаю еще предстоит пройти, прежде чем закончится эта Революция. Река была пустынна. Если сампан выходил в ручей, в ход пускались винтовки, и производилось поспешное отступление. Люди были подавлены.

И этот молодой китаец, специально присланный генералом Ли, который зашел ко мне перед тем, как я оделся, и спросил, не могу ли я отправить миру послание от Ли Юань Хуна. "Мы больше не хотим воевать!" - взволнованно воскликнул он. "Генерал Ли искренне желает, чтобы был объявлен мир, чтобы бойня в таких массовых масштабах была немедленно прекращена. Хотя Революционная армия потерпела неудачу, наше дело на поле боя ни в коем случае не проиграно. Даже если мы потеряли Ханьян, из этого не следует, что наша боевая мощь иссякла, и, если это станет необходимым, генерал Ли изменит основу боевых действий, схему, которую империалисты рассматривали перед своей вчерашней победой. Никто не был так удивлен, как сами империалисты, когда им удалось подняться на холм Ханьян без единого выстрела. Но тот факт, что они овладели Ханьяном, не обязательно означает, что военное завоевание полностью завершено, поскольку, если потребуются, мы сможем постоянно пополнять нашу армию из других провинций до тех пор, пока по самой природе вещей Императорская армия не будет отсеяна, человек за человеком, или двое против одного, или трое, или четверо, если потребуется".

Мне было жаль, что я не смог ему помочь.

Впоследствии я узнал, что примерно за час до того, как Ханьян фактически перешел из рук в руки, Юань Шихкай телеграфировал из Пекина исполняющему обязанности генерального консула Великобритании здесь, прося его сообщить генералу Ли, что ему не терпится услышать, какие условия он предлагает для установления мира. Это было как раз в тот момент, когда мимо проходил Ханьян.

Чем должны были закончиться эти разногласия в Хунани, любой, кто знал хунаньцев, не был бы склонен говорить без обиняков, но тот факт, что между хупэхезами и хунаньцами всегда существовало некоторое взаимное презрение, вероятно, усилил возникшие разногласия в армии. Одно из первых боевых искусств состоит в том, чтобы отрезать путь преследователям. Так вот, когда хунаньцы были в городе Ханьян в прошлую пятницу, произошла небольшая стычка в чайной между парой десятков мужчин, и мужчин из Хупе обвинили в том, что они дрогнули перед жесткой линией фронта. С этой перепалкой непосредственно связан захват Ханьяна противником.

"Нас всегда посылают на фронт, - сказал хунанец. - Мы получаем меньшую зарплату, выполняем больше работы, несем большие потери в своих рядах".

Затем одно слово повлекло за собой другое, группа предложила устроить драку на месте, некоторые схватились за винтовки и сделали несколько выстрелов, и один или двое мужчин были ранены. После этого люди из Хупе были размещены на линии фронта.

В субботу во время ожесточенного боя, в котором революционерам досталось больше всех, было предпринято отступление на двойном участке; революционные артиллеристы открыли огонь из своих трехдюймовок и попытались отрезать преследователей, но вместо этого сбросили снаряды в первые шеренги своих людей, когда те отступали. После этого хунаньцы

покаялись отомстить, когда увидели, что их товарищи падают густо вокруг них. Когда они укрылись, то отказались больше сражаться. Они почти сразу же начали возвращаться в Учан, где заявили, что собираются обсудить условия с генералом Ли, и таким образом потеряли одну из самых неприступных позиций во всем Китае — настоящий китайский Гибралтар. И когда империалисты смогли двинуться на Ханьян, они никогда в жизни не испытывали такого восхитительного сюрприза. В разговоре с имперским офицером, который возглавлял первый полк, направлявшийся в город, мне сказали, что они почти отказались от всякой идеи когда-либо захватить Ханьян. Если бы революционеров лучше контролировали в свободное от службы время, этого бы никогда не произошло. Империалисты подвергались гораздо большему риску возникновения разногласий среди своих людей, но они очень заботились о том, чтобы им не предоставлялось такой лазейки. В Учане люди, в основном китайцы, так бурно обсуждали этот революционный переворот, что было сочтено необходимым снести головы нескольким людям, и разговоры о войне на улицах стали абсолютным табу.

Затем империалисты обратили свое внимание на Учан. Революционеры ежечасно ожидали бомбардировки. "Мы немного повоюем, но надеяться удержать город будет совершенно бесполезно, - сказал мне видный революционный офицер в Министерстве иностранных дел. - Тогда наша основная армия обойдет город с тыла и направится к Киукяну, сосредоточившись в Нанкине". Но империалисты каким-то образом отвели огонь на себя. Казалось, они не стремились захватить Учан. Сообщается, что Ли Юань Хун заявил, что, по его мнению, революция проиграна; он сказал своему секундantu, что империалисты обязательно придут и захватят город, обезглавят его и убьют всех, у кого не было очередей. Было очевидно, что империалисты делали все возможное, чтобы разузнать все, что могли, о делах на противоположном берегу реки. Они схватили одного из революционных шпионов, и ему пообещали помилование, если он расскажет своим похитителям что-нибудь о внутренних движениях Учана.

Он приступил к рассказу своей истории. — о том, что все чиновники, начиная с генерала Ли и ниже, были в панике; о том, что в Учане сейчас находилось около десяти тысяч солдат; о том, что намерение состояло в том, чтобы разгромить весь блеф в мире на побережье, пока армия покидала город через задние ворота; о том, что, если империалисты захотят двинуться на Учан, они смогут захватить его немедленно. Затем он стал ждать прощения, которое так и не пришло.

ДЕМОНТИРОВАННАЯ ИМПЕРСКАЯ ПУШКА НА ПУРПУРНОЙ ГОРЕ, ЖАЖДУЩИЙ.
Автор изображен стоящим на переднем плане картины.

"Вам есть что еще сказать?" - спросил офицер, которому он рассказал эту историю.

- Нет, я рассказал тебе все, что знаю.

"Что ж, - возразил офицер, - если этому человеку больше нечего нам сказать", — и он повернулся к человеку, руководившему процедурой казни, — "выведите его на улицу и оторвите ему голову". Через пару минут большой нож упал, и голова лучшего шпиона в лагере революционных чиновников покатилась по земле.

[1] Следующая история, рассказанная мне работником Красного Креста, заведовавшим больницей скорой помощи, о том, что он видел перед тем, как империалисты захватили холм Ханьян, будет интересна:—

"В 7.30 утра наш катер совершил поездку в нашу больницу скорой медицинской помощи в Ханьяне. Поскольку катер был нужен для работы в Учане до десяти, я отослал его, как только мы приземлились. Мы сразу же начали замечать, что в этом месте произошли какие-то изменения. Солдат вокруг было очень мало, и движение, которое совершалось, было в направлении Учана.

Я также заметил, что земля вдоль реки была довольно щедро усыпана неиспользованными винтовочными патронами, многие из которых были в обоймах. По крайней мере, это, казалось, свидетельствовало о несколько поспешной посадке, но я подумал, что это могло быть вызвано поспешной отправкой войск ночью. По прибытии в госпиталь один из сотрудников армейского Красного Креста сказал: "Вам лучше вернуться. Находиться здесь опасно". Однако было одно или два дела, ожидавших нашего прибытия, поэтому мы сразу же приступили к работе, чтобы заняться ими. Немного позже мы заметили, что все слуги, которые так охотно помогали нам, исчезли, и вскоре я встретил одного из них на улице, который нес свои свертки с товарами к реке. У одного из нас были какие-то дела внутри городских стен, поэтому мы решили пока продолжить работу и дожждаться его отчета о состоянии дел. Примерно через час мне довелось отнести раненого человека к месту высадки, примерно в двухстах ярдах от него, чтобы дожждаться прибытия катера, и тогда я обнаружил, что есть некоторые причины для беспокойства. Все, кто мог заполучить сампан или другую лодку, поспешно собирали свои пожитки и плыли вверх по течению против течения, все руки в лодке помогали грести. Это была паника населения, которое боялось прихода врага. Я также подслушал тихий разговор двух китайских кули и понял из их замечаний, что хунаньские новобранцы-новички не смогли или не захотели противостоять северным орудиям и ушли полком. Как раз в этот момент откуда-то вверх по течению приплыл разобранный ганджанк. На борту был только один человек, и его невидящие глаза были обращены к яркому солнцу. Очевидно, он был рулевым и умер на своем посту. На деревянной обшивке виднелись следы от пуль, а на дне лодки валялись пара крышек, и я догадался, что стало с остальным грузом. Ровно в десять часов я увидел катер, направляющийся обратно к нам, и почти в тот же момент заметил движение со стороны нескольких войск, которые прибыли на набережную и желали поскорее добраться до Учана. Некоторые из них спустились на воду, когда подошла лодка, но мне сообщили, что эта лодка предназначена только для раненых, которых сейчас довольно много доставляют из пункта первой помощи у Западных ворот. Пока они поднимались на борт, сотрудники полевого госпиталя Революционной армии со свернутыми и пустыми носилками и полным снаряжением подошли и начали продвигаться к нашей лодке, сказав, что они тоже работники Красного Креста, но после небольшого затруднения я благополучно доставил их на лодку дальше по реке. Им рассказали о трудностях, с которыми мы столкнулись, заставляя кули переносить их раненых от Западных ворот и других мест, но они отказались дольше оставаться в "опасном" месте. Отступающие войска принесли несколько полевых орудий, и один артиллерист, не в силах оторваться от своего орудия, приволок затвор. Это было не "бегство", а систематическое отступление всех частей армии. На обратном пути в госпиталь (здание баптистской церкви). Я встретил полк войск, маршировавший к набережной Вайд. Они поступили с вершины холма Ханьян, непосредственно к северу от нас, и поскольку офицер уже приходил сообщить нам, что армия отступает, мы решили упаковать все — лекарства, инструменты, бинты и все остальное — и не оставить даже шины. Всех раненых доставили раздетыми или с очень грубой перевязкой на катер, как только мы смогли найти носильщиков. Когда я совершал очередную поездку к катеру с кое-каким снаряжением, шальные пули просвистели у моего уха и шлепнулись в воду. В то же время я услышал шум стрельбы в западной части города гораздо отчетливее, чем накануне, и в городе позади нас начала рваться шрапнель. Нам пора было отчаливать. Как раз в тот момент, когда мы отчаливали, к нам направлялись несколько носильщиков с другим раненым, поэтому мы подошли вплотную и забрали его, а затем отчалили. На выезде из Учана нас остановил ретивый чернокожий в мундире, который направил на нас винтовку не тем концом и сказал, что выстрелит, если мы продолжим. Мы легли в дрейф, бросили якорь и стали ждать офицера этого

человека, который подошел, отругал его и заставил встать по стойке смирно перед полевым оружием, которое его товарищи приготовили к стрельбе. Мы подняли якорь и снова легли в дрейф, но только для того, чтобы нас снова окликнул следующий караул солдат на батарее, примерно в пятидесяти ярдах ниже по течению. Мы снова легли в дрейф. На этот раз они должны были заняться раненым человеком, который, по их словам, был шпионом. Я предположил, что это была часть их шутки, поскольку мы прекрасно знали, что подозрения в шпионаже было бы более чем достаточно, чтобы решить судьбу этого человека. Как раз в тот момент, когда мы в третий раз за наш короткий путь до Ханькоу подверглись испытанию, империалисты дали по нам залп откуда-то из окрестностей квартала китайских торговцев. Большинство пуль не долетели, некоторые попали в воду у борта лодки чуть ниже того места, где стояла группа работников Красного Креста. Затем мы поняли, что "серые мундиры" снова проложили себе путь обратно к берегу реки. Еще несколько мгновений, и водный путь между Учаном и Ханькоу превратился в настоящий ад. На реке было множество лодок, некоторые были полны бегущих солдат, а другие битком набиты гражданскими, пытавшимися спастись от серых мундиров; но в Учане был отдан приказ расстреливать всех дезертировавших революционеров, и поэтому все суда на реке подвергались ужасному перекрестному огню из винтовок, пулеметов, шрапнели и снарядов. Мы подплыли к берегу и сняли с борта тридцать наших раненых, а немного позже, когда несколько лодок, выдержавших шквал пуль и снарядов, начало относить ко дну, я предложил вывести катер на середину реки и подбирать лодки, когда они будут спускаться вниз по реке, в надежде найти кого-нибудь еще живым. Таким образом, мы спасли трех невредимых солдат, шестерых гражданских лиц и солдат, получивших ранения, в основном серьезного характера, а затем отбуксировали две лодки с мертвыми на сторону Учана и отправили с ними трех невредимых солдат. Один из раненых, которых мы выбрали, умер почти сразу. Затем наше внимание привлекла большая лодка, битком набитая мужчинами, женщинами и детьми, которая пыталась добраться до берега реки Учан. Лишенные весел, охваченные паникой люди использовали расшатанные доски пола в отчаянных попытках спастись. При нашем приближении они испустили ужасные крики о пощаде. К тому времени, когда мы причалили к берегу, мы были недалеко от берега Учана, недалеко от огромного деревянного плота. Сцена была поистине жалкой. Женщины на коленях умоляли нас пощадить их. Один человек был настолько вне себя от ужаса, что подпрыгнул в воздух и бросился на палубу, очевидно, решив, что погружается в воду. Напрасно мы пытались сказать им, что пришли спасти и излечить раненых, которые лежали около лодки. Затем возникла новая трудность. Как раз в тот момент, когда нам, казалось, удалось успокоить перепуганных существ, рота революционных солдат помчалась вниз по берегу и вдоль огромного плота с винтовками "наизготовку". Один или двое спрятались за бревнами, прикрывая нас своими ружьями, в то время как другие приказали нам оставить лодку в покое, иначе они откроют огонь. Я стоял на носу лодки, подняв обе руки в качестве сигнала, но они не узнавали большой флаг с Красным Крестом, развевающийся надо мной, и не прислушивались к моим аргументам. Итак, после того, как мы довольно долго смотрели на другой конец ружья, мы отказались от попытки и предоставили лодку ее судьбе. Что это было, мы вскоре увидели. Солдаты конфисковали их товары, и их повели по банкам под арестом. Солдаты, очевидно, выполняли приказ никому не позволять отступать из Ханьяна. Последующий визит катера Красного Креста к ручью рядом с плотом привел к тому, что туда было доставлено множество раненых, найденных там. Однако некоторые из них уже были доставлены в Учан для лечения в тамошних переполненных больницах. Во время этого путешествия мы кое-что узнали об ужасной участи, постигшей невинных людей при их попытке добраться до безопасного места. Один из них был

единственным выжившим из семьи, отправившейся в путь несколько часов назад. Одна маленькая девочка лет двенадцати, когда я нес ее на берег, рассказала мне, что все ее соплеменники были убиты, за исключением ее самой и ее отца, и он тоже был тяжело ранен. Была найдена женщина, которой прострелили руку, когда она пыталась укрыть свою маленькую девочку — бедняжка была убита выстрелом в голову. Я отнес ребенка на берег и отправил женщину и ее умирающего младенца в больницу Маргарет.

[2] Поразительные истории о жестокости имперских солдат, побывавших на полях сражений в Ханьяне после отступления повстанцев, рассказывал каждый, кто побывал на полях сражений. Один писатель сказал: —

"После захвата Ханьяна империалистами я объездил с группой бойцов Красного Креста все поля сражений. Мы поехали на велосипедах, переправились через реку Хан по понтонному мосту, вышли в восемь часов утра и вернулись только после шести. За это время мы объехали большую территорию и видели свидетельства почти невероятной жестокости со стороны имперских солдат. Мы подошли с группой из четырех или пяти человек со значками Красного Креста, но с оружием вместо аптечек первой помощи. Они сказали нам, что они были сотрудниками Красного Креста и досконально понимали свои обязанности, которые заключались в том, чтобы доставлять всех раненых имперских солдат и убивать всех раненых солдат повстанцев. Было много доказательств того, что они осуществляли эту программу, и они были очень возмущены, когда мы вмешались и помешали им убить раненого повстанца. Мы встречали несколько вечеринок подобного рода.

"По всему полю боя были разбросаны раненые солдаты повстанцев и некомбатанты, которые пролежали четыре или пять дней без еды, воды и вообще без какого-либо внимания. Мы проезжали через одну деревню, когда женщина крикнула нам, что там есть раненый мужчина. Мы слезли с велосипедов и искали мужчину, найдя его под охапкой соломы на дороге, где он пролежал несколько дней без еды и воды, в то время как мимо проходили сотни кули. Мы обнаружили, что у него сложный перелом, и позвали нескольких жителей деревни, чтобы они помогли нам занести его внутрь. Никто из них не захотел помочь, и нам пришлось самим отнести его в хижину. Жители деревни давали ему чай и воду только тогда, когда мы настаивали на этом. Мы спросили их, почему они позволили раненому мужчине оставаться в их деревне так долго, не уделяя ему никакого внимания, и, наконец, поняли причину. Когда начались боевые действия, в деревню пришли четверо раненых повстанцев и один раненый империалист, и женщина приняла их в свой дом, дала им еду и место для сна. На следующий день отряд имперских солдат пришел в деревню в поисках своих раненых, и им сообщили об этом. Они пришли в дом, забрали раненого имперца, затем поместили всех членов семьи в дом вместе с ранеными повстанцами, замуровали двери и подожгли помещение. Рассказав нам эту историю, жители деревни отвели нас в дом, и мы увидели наполовину обгоревшие тела среди руин. Поскольку жители деревни боялись как-либо помочь нам или позволить нам разместить раненых повстанцев в их домах, мы отнесли двоих в заброшенную хижину посреди поля, перевязали их раны и, насколько могли, закопали в солому. У нас не было охраны, которую мы могли бы оставить при них, и с нами не было носильщиков, поэтому мы планировали вернуться и забрать их на следующий день. Чтобы максимально защитить их, мы прикрепили к каждому из них карточку, в которой говорилось, что эти люди были взяты на попечение иностранным

Красным Крестом, и просили всех защитить их. Когда мы вернулись на следующее утро, мы нашли одного из мужчин мертвым, его лицо было изуродовано пулями, выпущенными с близкого расстояния. Другой не пострадал, хотя был почти мертв от испуга. Он сказал, что всего за полчаса до нашего прихода их посетил отряд имперских солдат. Раненые показали им оставленную нами карточку и умоляли их о пощаде. Имперцы плюнули в них, а затем вышли за дверь и открыли огонь. Похоже, что все орудия были нацелены на одного человека, что и стало причиной бегства другого, поскольку имперцы ушли сразу после обстрела. Было много раненых, не участвовавших в боевых действиях - мы оказали помощь восьмерым в одной маленькой деревне. Одной из них была женщина, которой прострелили маленькую ступню. Другой был ранен в ногу; один старик семидесяти шести лет со сломанной ногой прополз английскую милю, чтобы обратиться к нам за помощью. Все раненые, которых мы лечили, были ранены в течение четырех или пяти дней и все это время оставались без какого-либо внимания из-за страха людей, что империалисты отомстят любому, кто поможет раненым. Линия отступления была завалена боеприпасами, оружием, вещевыми мешками и одеждой. Я полагаю, что там, должно быть, был полный эшелон одних только боеприпасов.

"Миссионеры в Ханькоу выполняют благородную работу, ухаживая за ранеными. Скамьи в церквях превратились в кровати, и миссионеры ежедневно рискуют своими жизнями, ухаживая за ранеными и спасая их с полей сражений".

ГЛАВА XII

РЕСПУБЛИКА ДОБИВАЕТСЯ ПРИЗНАНИЯ

Хотя Ханьян пал, Революция ни в коем случае не была проиграна; в этом умный читатель легко сможет убедиться. В течение последних шести недель реформаторы так усердно работали, что Державы практически признали Республику, причем Америка была особенно дружелюбна. Следующее обращение доктора У Тин Фана было разослано по всему миру и произвело глубокое впечатление:

"КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА ПРОСИТ ПРИЗНАНИЯ.

"Китайская нация, заново родившаяся в муках революции, передает миру дружеские приветствия и поздравления.

"Как Китайская Республика, она теперь просит признания со стороны цивилизованных держав, которое позволит ей с помощью их добрых услуг построить на основах честного правительства и дружественной торговли и сношений со всеми народами мирное и счастливое будущее.

"Китайский народ не лишен опыта самоуправления. На протяжении бесчисленных веков они правили сами; они развили соблюдение закона до степени, не известной среди других рас; они развивали искусства, промышленность и сельское хозяйство и познали мир и довольство, которые были чрезвычайно приятны.

"На них обрушились дикие орды чуждой и воинственной расы. Китайский народ был завоеван и поработен. Это рабство просуществовало 270 лет. Тогда китайский народ восстал и нанес удар за свободу. Из хаоса и пыли падающего трона возникает свободный и просвещенный народ — великая естественная демократия, насчитывающая 400 000 000 человеческих существ.

"Они решили создать Республику, и мы считаем их выбор мудрым. Среди китайцев нет класса знати, и у них нет признанной королевской семьи, которую можно было бы основать вместо уходящего Маньчжурского королевского дома. Это великая демократия. Чиновники происходят из народа и возвращаются к народу. Среди китайцев нет принцев, лордов, герцогов. С устранением маньчжурского трона остается Республика, созданная на заказ. У нас уже есть собрания провинций и наше Национальное собрание. У нас уже есть Республика с полным набором компетентных должностных лиц.

"Через несколько дней состоится наш конституционный съезд: приготовления к нему были сделаны давно. На этом съезде будут полностью уполномоченные делегаты от каждой провинции Китая. Будет принята конституция самого просвещенного характера и избраны новые должностные лица временного правительства. За этим последуют, согласно положениям конституции, провинциальные и национальные выборы.

"Крайне важно, чтобы наше правительство было признано в настоящее время, чтобы бизнес не подвергался длительной стагнации. Везде, кроме Ханькоу, царит мир, но дела не могут продолжаться до тех пор, пока новая Республика не будет принята народами мира.

"Мы просим признания для того, чтобы мы могли вступить в нашу новую жизнь и наши новые отношения с великими Державами.

"Мы просим признания республики, потому что республика - это факт.

"Четырнадцать из восемнадцати провинций провозгласили свою независимость от Маньчжурского правительства и заявили о своей верности Республике. Ожидается, что остальные провинции вскоре пойдут тем же курсом.

"Маньчжурская династия обнаруживает, что ее могущество пало, а вчерашний блеск превратился всего лишь в кукольное представление. Прежде чем уйти, она лишила себя власти, согласившись с условиями предлагаемой конституции, которые уже были обнародованы.

"Самая славная страница в истории Китая была написана бескровным пером.

(Подпись) У ТИН ФАНГ
(Директор по иностранным делам.)"

И революционеры работали в этом направлении. Во время войны каждый день приносили известия о переходе какой-нибудь провинции или части провинции. Ли Юань Хун и его сподвижники никогда не были морально сильнее, чем когда пал Ханьян. Военное поражение не имело большого значения, поскольку китайцы - демократический народ, и с каждым днем они приносили все больше моральной поддержки.

Династия все еще оставалась в силе, но во всех других отношениях желания революционеров были одобрены Сувереном. Сам трон был лишен своей власти и престижа и был вынужден действовать под диктовку Национального собрания. Капитуляция на бумаге казалась полной, хотя следует постоянно помнить, что в Китае, возможно, в меньшей степени, чем в любой другой стране, обещания и уступки всегда считаются безотзывными. Юань Шихкай был облечен властью, которая была практически высшей. Он был одновременно премьер-министром и главнокомандующим армией и флотом, задействованными против революционеров Янцзы. В наилучших интересах китайского народа оставалось надеяться, что они были вдохновлены неподдельным желанием обеих сторон достичь соглашения без дальнейшего кровопролития; но ни в одной стране обманчивые переговоры не используются так часто, как в Китае, как средство выиграть время, и, по крайней мере, было возможно, что в условиях нынешнего кризиса каждый лидер поверил бы, что время на его стороне. Ожидалось, что через несколько дней партия Юань Шик Кая покажет, какую степень влияния она может оказывать на мятежные провинции. Число этих провинций продолжало расти, и, по крайней мере в некоторых случаях, движение в них, казалось, носило глубокий оттенок партикуляризма, который сильно тяготел к сепаратизму.

Империя действительно была, как выразился один писатель из *Times*, "бурлящей, как котел", но при разумном обращении многие пузырьки могут утихнуть с удивительной быстротой. Однако что казалось несомненным, насколько вообще что-либо является несомненным в Китае, так это то, что старая монархия пала, чтобы никогда больше не подняться, и что своим падением она многое повлечет за собой в Китае. Он давно пережил свое время. Его слуги, подобно слугам Соломона из Корана, поддерживали труп и призывали королей и принцев воздать ему почести. Они склонялись перед ним, говорится в рассказе, до тех пор, пока он стоял вертикально. Но в конце концов черви обглодали посох, на котором он покоился, он лежал ничком в пыли, и мир погрузился в смятение.

С падением Ханьяна миллионы людей, китайцев и иностранцев, говорили или думали в те дни главным образом об одном вопросе: какова будет судьба восстания? С этим вопросом было связано множество других, его следствий. Будет ли восстание сейчас быстро подавлено или оно сдастся только после продолжительной гражданской войны, которая истощит и без того истощенные ресурсы страны, частично приостановит и дезорганизует бизнес и нанесет огромный ущерб жизни и имуществу? Или революционные силы быстро разгромят правительственные армии, приобретут сторонников и ресурсы в результате успеха и заменят существующее правительство в Пекине другим, и, если да, то какого рода правительством?

Можно понимать мотивы и идеалы революционеров и до некоторой степени сочувствовать им, не одобряя их курс. В целом было достигнуто согласие в том, что правительство Китая хочет проведения реформ, но мнения относительно метода сильно разошлись. Две общие гипотезы

реформы казались осуществимыми: навязать конституционализм нынешней монархической системе и династии или стереть их с лица земли и начать все заново.

Смена правительства Китая не принесет никакой пользы, если только это изменение не будет означать улучшения. Если нынешняя династия будет свергнута, что придет ей на смену? Другая династия или Республика? Новая династия при существующих обстоятельствах избрала бы своим главой какого-нибудь популярного лидера, поскольку ни один из членов китайского королевского дома не подходил для этого места. Это могло бы улучшить условия в Китае, а могло и нет. Успешная республика при таких условиях, какие они были, была практически невозможна; и сомнительно, подходит ли республиканская форма правления китайской нации и народу. В Империи не существовало ни одного из элементов подлинного республиканизма. За ходом событий, вызванным Революционной партией, внимательно наблюдали. Они намеревались бороться за свою свободу, и теперь, с падением Ханьяна, военное дело казалось проигранным. Все страны были заинтересованы в судьбе Китая. Уже одна Держава, Соединенные Штаты, разрабатывала пути и средства защиты от внезапных и негармоничных международных действий на случай, если какие-либо действия станут необходимыми. *Times* выразила мнение, что революция потерпит неудачу. Имеющиеся свидетельства указывают на то, что это мнение было вполне обоснованным. Но даже если бы это восстание потерпело неудачу, оно произвело бы глубокое психологическое впечатление на правящую династию, китайцев и весь мир.

Но что происходило в другом месте?

2 декабря по телеграфу промелькнуло следующее сообщение: "Город Нанкин пал. Иностранцы в безопасности. Революционеры входят в город". В течение многих дней в Нанкине шло самое ожесточенное сражение. Революционеры, охваченные рвением, усилившимся из-за падения Ханьяна, пытались проникнуть в город — подвиг, который долгое время казался невозможным. Взятие города Нанкин стало противовесом потере Ханьяна. Все знают о Нанкине гораздо больше. Этот город был старой столицей Китая и, вероятно, имел большее политическое значение, чем Ханьян — его собирались сделать столицей, — и поэтому революционеры думали, что у них все еще есть лучшая часть сделки. Здесь нет места останавливаться на всем ужасном кровопролитии, обезглавливаниях маньчжуров и большей части той жестокости, которая сделала дни, предшествовавшие взятию Нанкина, отвратительными для чьей-либо памяти. Но это имеет настолько важное значение для ситуации, что необходима некоторая ссылка на захват города.

"Долгожданное случилось сегодня в 7 утра, - сказал американский писатель 2 декабря, - и город разрушен. Первый намек на то, что конец близок, был получен в пятницу рано утром. Предыдущей ночью были очень тяжелые бои у Сякуаня, Тайпинских ворот и Южных ворот, особенно около форта сразу за воротами (Юй Хуа Тай). Генерал Чанг, командовавший империалистами, попросил о сотрудничестве иностранцев в городе, условия, на которых он согласился на сдачу города, были следующими:-

"1. Никаких убийств людей в городе или маньчжуров.

"2. Никаких убийств его солдат или офицеров.

3. Обеспечить себе безопасный выезд из города по пути на север через Пукову вместе со своими людьми.

Предложение нашей веры победоносной армии, деморализовавшей врага, было довольно ошеломляющим, и большинство офицеров были только рады это признать. Более того, ни Чан Суинь, ни кто-либо другой не знал, кто командовал повстанцами и где его можно было найти. Однако были немедленно приняты меры к нашему выезду через Южные ворота, и в течение получаса мы отправились, мистер Цео, вице-консул США Гилберт и я, вместе с четырьмя телохранителями генерала Чанга. Мы прошли через Южные ворота ровно в двенадцать пополудни. Сравнительно небольшое количество лояльных войск, дислоцированных у Южных ворот, ворот Тун-Цзы, ворот Хунг-Ву и ворот Чао-Ян, в свою очередь, передали сообщение вперед по стене, чтобы они не стреляли по нам, когда мы будем обходить стену, пытаясь найти силы повстанцев. Мы несли американский и белый флаги. Несколько домов с соломенными крышами по пути были сожжены, но других признаков войны было видно немного. Когда мы приблизились к воротам Чао Ян, снаряды, выпущенные с нижней вершины Пурпурной горы, очевидно, в Имперский или маньчжурский город, просвистели в воздухе, но достаточно далеко, чтобы вызвать только интерес. Только когда мы оказались в пределах видимости гробниц династии Мин, мы смогли увидеть повстанцев, большинство из которых находилось на вершине горы, но мы направились к небольшой группе в нижних предгорьях и около двух часов дня подошли к ним.

"Тихий, замкнутый человек, казалось, руководил группой, и когда мы спросили его, где находится командующий генерал, он ответил, что он и есть тот человек, так что нам чрезвычайно повезло, и сразу же изложил наше поручение. На первые два предложения согласились с большой готовностью, но, конечно, третье было невыполнимым. Затем мы получили его условия капитуляции, которые были следующими: —

1. Чан Суинь должен сдаться, но может жить в любом месте города, которое он выберет, где его жизнь будет полностью защищена до окончательного урегулирования нынешних трудностей Китая.
2. Все его войска должны сложить оружие на определенном плацу в городе и выйти из Тайпинских ворот с пустыми руками, и им будет разрешено уходить поодиночке.
3. Государственные средства, находящиеся в руках военных властей, на сумму около 800 000 долларов, должны быть переданы новой Власти.
4. Вышеуказанные условия должны быть соблюдены к восьми часам 2 декабря, то есть на следующее утро.

После приятного прощания мы вернулись в ямен генерала Чана и прибыли туда около пяти часов вечера. Генерал категорически отказался рассматривать условия, заявив, что ему придется сражаться до смерти, и его нельзя было переубедить. Мы сказали ему, что в таком случае мы больше не чувствуем себя в безопасности под его защитой и попросим о безопасном выезде из города, что было с готовностью предоставлено, и были составлены планы для тех, кто не был абсолютно необходим для работы Красного Креста, покинуть город рано утром следующего дня. Однако около десяти часов снова подошел секретарь генерала Чана и сказал, что генерал с несколькими своими людьми бежал из города через ворота Ифэн и должен был пересечь реку в Пукоу и попытаться пробиться на север. Примерно через час мы смогли подтвердить этот слух как факт, и таким образом доктор Маклин, который был лично хорошо знаком с высшим офицером, который не выходил на улицу со своим генералом, и чьи

настроения он знал, узнал, что он и его солдаты — около тысячи человек - были готовы поднять белый флаг при свете дня, поэтому мы решили не покидать город. Около пяти часов доктор Маклин со своим офицером направились к Тайпинским воротам, где вскоре к ним присоединился и американский вице-консул. К этому времени стрельба была довольно интенсивной, она началась еще до рассвета, но как только был замечен белый флаг вместе с американским, генерал послал посыльного вниз, чтобы узнать, что это означало, и когда он узнал, что это был вчерашний представитель мира и что солдаты готовы сдаться, он пожелал, чтобы лояльный офицер с вице-консулом, доктором Маклином, и мистером Гарреттом вышли наружу и договорились о деталях. Это они сделали сразу же, и генерал Линг, лидер повстанцев, и генерал Чао, единственный высокопоставленный командующий лояльными войсками в городе, отошли в сторону и заключили взаимоприемлемые договоренности, характер которых не был полностью разглашен. Затем генерал Чао приказал своим людям сложить оружие, и они вышли с пустыми руками, а сложение оружия оставшимися верными войсками весь день, судя по всему, шло удовлетворительно. Вскоре белые флаги развевались на фортах Лайон-Хилл, Барабанной башне и многих других местах. Войска начали прибывать в город и были распределены по своим постам, по-видимому, в соответствии с ранее составленными планами, и город начал радоваться после долгих дней ожидания и неопределенности. В течение дня время от времени раздавались выстрелы, но, вероятно, почти все они предназначены для морального воздействия на тех, кто склонен воспользоваться возможной неразберихой этой ночью для грабежа".

Любой, кто вошел бы в Нанкин на следующий день, по виду вещей никогда бы не догадался, что что-то произошло. Большая часть революционных солдат вошла в город. Улицы патрулировали очень большие силы полиции; люди занимались своими обычными делами, и царил идеальный порядок. Революционеры, не тронутые уходом из Учана, завоевали Нанкин и потеряли Ханьян: империалисты потеряли Нанкин и завоевали Ханьян. Это была позиция, когда думали о мире. В последний день ноября меня лично попросили, как представителя *китайской прессы* Шанхая, опубликовать следующее заявление для всего мира, воплощающее пожелания генерала Ли Юань Хуна: —

"Я желаю перемирия, чтобы установить связь с другими республиканскими центрами, чтобы я мог выяснить их мнение о том, будет ли продолжен конфликт или республиканцы соберутся на конференцию с конституционными монархистами для достижения компромисса.

"Я сам всегда желал положить конец междоусобной войне, кровопролитию и страданиям, уничтожению собственности и опасностям иностранной интервенции.

"С этой целью я заявляю о своей готовности пойти на любые уступки, которые обеспечат прекращение резни. Мой план состоит в том, чтобы республиканцы и правительство объявили перемирие, чтобы эти вопросы могли обсудить надлежащие представители обеих сторон.

"Однако, если объединенные республиканцы страны желают продолжения войны, я готов остаться на поле боя и продолжать до победного конца".

Теперь, казалось, речь шла о монархическом правительстве или республиканском правительстве — маньчжуры, как все считали, были искоренены навсегда. И на данном этапе читателю будет легче составить представление о политической ситуации в Пекине, если я воспроизведу официальное заявление, опубликованное несколькими днями ранее Юанем Шихкаем. Он гласит следующее:—

"Китай на протяжении веков управлялся в некотором смысле слабо. У нас было то, что можно было бы назвать грубой или патриархальной формой монархии, расхлябанность руководящего органа, приводящая к тому, что у людей вырабатывается мало уважения к правительству и очень мало понимания ответственности народа по отношению к правительству. Нынешняя агитация за Республику донесла до массы людей только идею о том, что народное правление означает отсутствие налогов и правительства. Я не вижу в этом, при существующих условиях, никаких обещаний стабильности, по крайней мере, на несколько десятков лет. Среди прогрессистов Империи в настоящее время существуют две школы мысли, одна из которых выступает за Республику, а другая - за конституционную монархию. Я сомневаюсь, что народ Китая в настоящее время созрел для создания Республики или что в нынешних условиях Республика приспособлена к китайскому народу. Ситуация в Китае осложняется рядом различных факторов, возможно, не понятых за рубежом.

"Во-первых, в массах все еще существует сильное секционирование и провинциальное чувство. Хотя это, несомненно, вымерло среди тех, кто получил современное образование, все же это лишь сравнительно небольшая часть огромного населения страны. При выборе формы правления для обеспечения стабильности необходимо учитывать интересы подавляющего большинства людей, а не незначительного меньшинства.

"Уже очевидно, что интересы различных слоев населения страны очень разнообразны. Мы обнаруживаем, что сторонники республиканизма расходятся между собой. Представители образования, армии, местной знати и коммерческих партий придерживаются различных взглядов. Формируются небольшие группы, которые борются за господство. Если этому будет позволено развиваться в больших масштабах, произойдет раскол, и это, очевидно, приведет к иностранному вмешательству и разделению. Хотя маньчжурское правительство не сделало ничего, что привлекло бы к нему сердца людей, тем не менее, если бы власть народа была ограничена, как это предусмотрено девятнадцатью статьями конституционного билля о правах, реальная руководящая власть находилась бы в руках народа.

"Установление ограниченной монархии вернуло бы условия к норме, принесло бы стабильность гораздо быстрее, чем эта цель могла быть достигнута с помощью какой-либо экспериментальной формы правления, неподходящей для гениальности народа или для условий, существующих в Китае.

"Моя любовь к Китаю и китайскому народу, безусловно, так же велика, как и у любого из тех, кто выступает за радикальный шаг по созданию Республики. Моя искренность в деле реформ была продемонстрирована. Я взялся за то, что действительно является колоссальной задачей, не из-за какого-либо стремления к власти или любви к славе, а исключительно в надежде на то, что смогу восстановить порядок из хаоса и принести какую-то пользу Китаю.

"Я все еще надеюсь достичь некоторого компромисса, который удовлетворит все слои населения, искренне желающие сохранить целостность страны и восстановить мир и стабильное правительство на всей территории. Я верю, что китайцы - разумный народ и что со стороны какого-либо значительного элемента нет желания видеть страну разрушенной. То, над чем я работаю, - это компромисс с передовой или республиканской партией с целью прекращения страданий и устранения проблем и осложнений, которыми окружена и которым угрожает эта страна.

Что касается характера и масштабов движений за независимость. Я не считаю, что ситуация вышла за рамки возможности компромисса. Правительственная власть, это правда, была свергнута в столицах большинства провинций, и несколько человек в каждой составили нечто похожее на декларацию независимости, но мне кажется, это не подразумевает абсолютного отделения этих провинций. В большинстве этих столиц контроль находится в руках консервативных граждан, которые удерживают ситуацию на чем-то вроде нейтральной основы. Их целью в первую очередь является подавление анархии. Они желают сохранить порядок, защитить жизнь и собственность людей. В то время как более радикальные элементы настаивают на республике, лучшие элементы, как мне кажется, нейтральны. Я поддержал проект собрать вместе из разных провинций людей, пользующихся доверием народа, для того, чтобы можно было провести тщательное обсуждение важного вопроса о том, какой должна быть форма правления в Китае.

"Я считаю, что этот вопрос следует обсуждать здраво и трезво. Это слишком серьезный вопрос, чтобы обсуждать его с жаром и страстью.

"Моя единственная причина, по которой я выступаю за сохранение нынешнего императора, заключается в том, что я верю в конституционную монархию. Если мы хотим иметь такую форму правления, то нет никого другого, кого народ выбрал бы на его место.

"Конечно, реформы, стирающие различия между китайцами и маньчжурами, должны быть эффективными в любом случае.

"Великий вопрос, затмевающий вопрос, - это сохранение Китая. Для достижения этой цели все патриоты должны быть готовы пожертвовать второстепенными соображениями политики и, конечно, всеми соображениями о себе. Моя единственная цель в этом кризисе - спасти Китай от распада и многих зол, которые за этим последуют. Если мы хотим спасти Китай, там должно быть стабильное правительство, и немедленно. Каждый день промедления опасен. Я надеюсь, что такая же прогрессивная мысль в стране поймет это и будет сотрудничать со мной для достижения крайне важной цели.

"Задача, за которую я взялся, столь же неблагодарна, сколь и огромна. Я подвергаюсь искажению фактов, критике, нападкам со всех сторон. Этого следовало ожидать. Я должен это выдержать.

"Но я не намерен позволять этому отклонить меня от моего стремления выполнять то, что я считаю своим высшим долгом, а именно трудиться исключительно ради сохранения Китая от разрушения".

Но примерно в это же время, к счастью, наступил мир, который стал неожиданностью для всех нас. Перед падением Ханьяна Юань Шихкай пытался — так сообщалось из Пекина — начать мирные переговоры. Он боялся того, что надвигалось.

4 декабря должно стать днем, который историк Революции назовет самым важным моментом во всей этой войне. Ибо в 8 часов утра началось перемирие на три дня, и высокопоставленные лица с обеих сторон заявили, что и империалисты, и революционеры твердо надеются, что затишье в боевых действиях приведет к заключению определенных условий мира. Воскресенье, понедельник, вторник, среда, до восьми часов утра — а потом что? И учитывая, что в Китае ни один мыслящий человек не настолько глуп, чтобы считать себя пророком, даже самого ожидаемого, кажется, что дать общее представление о ситуации на фронте в это время было бы, пожалуй, лучшим, что можно сделать. В течение этих дней у меня было несколько бесед с высшими офицерами в обоих лагерях, и я, возможно, был лучше информирован о возможностях, чем большинство людей, но с самого начала я решил, что меня ждет большой сюрприз, если мирные переговоры увенчаются успехом. Я часто бывал в лагерях обеих партий. Что касается Революционной партии, то от нее почти не осталось лагеря, если только здания сохранились. Сильный пожар в Провинциальном зале собраний изрядно разрушил это великолепное здание, и генерал Ли Юань Хун и его сбитые с толку соратники перенесли свои офисы в Учан, в меньшее по размеру и более защищенное место. Но обращаться к ним за информацией было бесполезно, поскольку они сами гадали, что намерены делать победители. Они сами полностью подготовились к зачистке, имели очень мало надежды на то, что Учан будет спасен, верили, что армия Юаня теперь сметет их с лица земли, и поэтому почти не верили в искренность Юань Шихкая, призывающего к миру.

THE UBIQUITOUS BOY.

The last to leave the Sing Seng Road when the Imperialists took possession was a boy, who coolly blazed off all his ammunition. The first to return was the small boy—in search of fun or treasure.

ВЕЗДЕСУЩИЙ МАЛЬЧИШКА.

Последним, кто покинул дорогу Синг Сенг, когда империалисты захватили ее, был мальчик, хладнокровно расстрелявший все свои боеприпасы. Первым вернулся маленький мальчик — в поисках веселья или сокровищ.

Однажды утром я зашел в офис, расположенный прямо под железнодорожной станцией Тачимен, чтобы побеседовать с секретарем Юань - неким мистером Вонг Кай Вэнем, — который осуществлял здесь полный административный контроль. Находиться в присутствии мистера Вонга - значит быть с человеком, который заставляет вас почувствовать его глубокую основательность. Его внутренняя бдительность удерживает вас. Его глубокие, пронизательные глаза смотрят на предмет и с первого взгляда улавливают жизненно важные детали. Он пронизателен, его не обманешь; откровенность, слегка приправленная китайской утонченностью, позволяет смотреть вам прямо в глаза, когда он говорит с вами, и в целом человек, которого Юань выбрал для того, чтобы ждать позади и руководить делами с этой целью, великолепно оплачивает счет. В нем не было никаких признаков военного. Он практически ничего не знает о том, как вести армию в бой, но ни одна официальная заметка не прошла мимо него. Он выглядел точь-в-точь как респектабельный член учительского сообщества. Его длинное темно-синее ватное платье и обычная круглая шляпа, китайские туфли и носки, его небольшая коса, тонкие усы, которые он задумчиво теребил, разговаривая со мной, — все эти и многие другие характеристики говорили мне, что он типичный китаец. В его внешности не было ничего иностранного. Вещи, которыми он пользовался, были исключительно китайскими. Короче говоря, он был изысканным китайским джентльменом. Но когда он обратился ко мне, он говорил на великолепном английском — знает английский этикет так, как мы знаем его сами. Таковы были грубые впечатления, которые я получил об этом человеке, когда нашел его в маленькой задней комнате частного дома недалеко от имперской базы сразу после захвата Ханьяна.

Вокруг него было много прихлебателей. Поскольку военный лагерь находился менее чем в ста футах от нас, царило сильное волнение, которое каждый, кто находился перед иностранцем, тщетно пытался подавить. Вошли люди с сообщениями, и их тихо отогнали в сторону. Разговаривая со мной, Вонг несколько раз вставал со своего стула и поспешно шел послушать нескольких шпионов, которым было что ему рассказать. Все происходило в спешке, все было организовано капитально и работало слаженно, потому что под рукой было много людей. Вдоль линий в сторону Ханьяна отправлялись повозки с боеприпасами. Из Ханьяна прибывали захваченные повозки, все они были низко накрыты брезентом, чтобы никто не мог видеть. Тем временем по лагерю прошел слух, что Юань был убит и что стороны ведут переговоры о мире. И вот мистер Вонг, секретарь Юаня, читает его депеши и выполняет его пожелания.

Самые горячие приготовления к дальнейшим боевым действиям уравнивали мирные предложения. Будут ли еще какие-нибудь боевые действия? Ах, кто знал? Неразумно было говорить о таких вещах. Все это было исключительно трудным делом, чтобы китайцы сражались с китайцами. Но кто мог предложить какой-либо выход из этого? Нет; от мистера Вонг Кай Вэня не было никаких новостей, но он обронил мелочи, которые сразу наводили на мысль, что партия Юаня не настроена на мирные переговоры. Они захватили Ханьян, вскоре, как оказалось, они захватят Учан, и это приведет к полному поражению Революционного дела.

Такое впечатление произвел на меня имперский лагерь. Затем я перешел в революционный лагерь, обнаружив, что у обеих фракций было много ощутимых различий. Войти в кабинет генерала Ли Юань Хуна означало войти в полузападный ямен. Персонал был одет в европейскую одежду, у них не было очередей, их шляпы были в основном из американского фетра, они более или менее говорили по-английски, многие из них прошли обучение в американских университетах. Они относились к вам по-западному, откровенно рассказывали о своих планах, и чувствовалось, что им можно верить. Они знали и признавались, что военное дело здесь ушло в прошлое, но когда я спросил их о конечной цели Революции, они с гордостью указали на определенные исторические эпохи в моей собственной стране и спросили меня, считаю ли я возможным, чтобы страна когда-нибудь снова стала такой, какой она была. Антииностранный настрой севера и массовое убийство иностранцев в Сианфу в Шэньси вызывали у них искреннее сожаление, и они чувствовали, что именно бандитизм и хулиганство в Империи являются проблемой, которую им трудно удовлетворительно решить.

Я почувствовал искренность этих людей. Их энтузиазм задел меня, я почувствовал, что они были группой молодых реформаторов, единственная вина которых заключалась не в их способностях, не в их решимости, не в их вере в то, как все должно быть сделано, а в небольшом недостатке стабильности и единства. Они верили, что Китай теперь должен измениться, и что эти изменения будут не такими, какие привнесло бы Маньчжурское правительство, а реальной реформой, которая поднимет народные массы и выведет Китай на передний план в мире. И когда я разговаривал с этими людьми, я тоже это почувствовал. Но был один недостаток - небольшое отсутствие стабильности. Им нужны были лидеры. Ни на минуту не желая преуменьшать экстраординарную силу спокойного предвидения и здравые административные способности генерала Ли Юань Хуна, которые сплачивали всю партию в самые тяжелые времена поражений, Революционная партия нуждалась в лидерах, которые были в этом бизнесе раньше. Все они были учениками в искусстве административного и национального переустройства, и им требовалось несколько мастеров, которые руководили бы ими на их политическом поприще. Однако, если они потерпели неудачу, то это произошло не потому, что они не хотели поступать правильно, не потому, что они не знали, как это сделать; но из-за отсутствия прямого практического опыта; они были не в состоянии придать текущим событиям их текущее отношение к их единой общей цели.

Вот они были здесь, сильный мужчина во главе, и все уверенно смотрели в его сторону, как куча школьников, у которых есть учитель, на которого они рассчитывают во всем. Сразу после падения Ханьяна партия Учана была напугана, опасаясь, что город подвергнется бомбардировке, и они потеряют головы. Однако в течение сорока восьми часов к ним вернулось мужество. 30 ноября, когда я переправлялся через реку, когда мою лодку вынесло на середину течения, лодочник вежливо сказал мне, что ему следует ожидать по меньшей мере тройной скорости, поскольку он сильно рисковал, вообще отправляясь сюда — империалисты стреляли по каждой лодке, сказал он мне, и он чувствовал, что было бы только мудро и справедливо сообщить мне об этом. Как только он заговорил, я услышал, как мимо меня просвистела пуля. Через пару минут большая пушка из Учана выпустила снаряд над моей головой, что вызвало огонь из полевого орудия в неумелых руках очень плохого артиллерииста со стороны Ханькоу, снаряд которого бесшумно упал в воду в нескольких ярдах перед моей маленькой лодкой. Однако, оказавшись на другой стороне, можно было больше не опасаться стрельбы. Ходили слухи о том, что Учан эвакуируется, и, хотя на берегах реки люди, как обычно, строили свои лодки и чинили сети, не требовалось большого ума, чтобы оценить замечательные

перемены, которые так быстро произошли в городе после падения Ханьяна. Неделей ранее я был в Учане и повсюду был впечатлен поведением каждого на улицах и в магазинах, оживленностью торговли и самоуверенностью людей. Отбросив косы, они тогда вовсю торговали маленькими матерчатыми и шелковыми шапочками, сшитыми по иностранному образцу, которые они с гордостью носили, бросая вызов маленькой круглой маньчжурской шляпе. Эти кепки встречались на каждом шагу, они висели на гвоздях в стене над прилавком уличного торговца; за них можно было получить до семидесяти центов за штуку. Сегодня их можно было купить за двадцать. Мужчины, сделавшие свои покупки, теперь отложили в сторону иностранный товар и снова потянулись к круглой шляпе с маленьким красным набалдашником на макушке. Половина магазинов на улицах была закрыта, другая половина занималась небольшой торговлей и тем временем готовилась вывезти большую часть ценных запасов. Огромные грузы стояли за дверями, готовые к вывозу, как только у занятых банд кули появлялось время позаботиться о них; старики и женщины, неся все свои пожитки в маленьких корзинках, тащились изо всех сил; через ворота, теперь уже не охраняемые самоуверенным отрядом военных, а распахнутые настежь, вливался постоянный спешащий поток городских жителей, которые теперь уезжали за город. В Китае в такие моменты, как это, почти благоговейно перед манерой, с которой люди убираются восвояси. Дома, которые, возможно, держались вместе на протяжении многих поколений, были эвакуированы за пару часов — старый отец и старая мать забрали детей, сыновья взвалили на плечи тяжелую семейную мебель, жены ковыляли позади с младенцами, и все вместе они молча вышли из города скорбной процессией. Они едва ли знали, куда направляются, но в городе назревали неприятности, и они не рисковали быть обстрелянными или выжженными из своих маленьких лачуг, как это было сделано с тысячами их соплеменников за рекой в Ханькоу.

Войдя в город, я, должно быть, миновал пять тысяч человек — в основном небольшими процессиями по шесть и семь человек, направлявшихся через ворота вне досягаемости ружейного огня. Я не мог не смотреть на них с жалостью, потому что на их лицах было написано разочарование. Они были частью огромного процента китайского пролетариата, которому нравилось идти вместе с толпой, нравилось кричать вместе с большинством. Двумя неделями ранее Республиканская партия Учана была на вершине, командовала всем, что было до нее, и поэтому тысячи несмышленных людей столицы радовались тому, что они их верные сторонники. Но теперь течение времени, казалось, изменилось, их ежедневно перебрасывали от столба к столбу, бедствие за бедствием, казалось, печально обрушивались на них, и они почти жалели, что, медленно следуя друг за другом в общей эвакуации, они не колебались, прежде чем встать на сторону революционеров. Чайные были почти пустынные, рисовые лавки не работали, чувствовалось, что военные действия были в значительной степени блефом. Учан внезапно превратился в заброшенный город, а жители разочаровывали людей. Снаружи зала собраний развевались на ветру революционные флаги, и было мало свидетельств того, что обстановка внутри сильно изменилась, но когда я поднялся по ступенькам, показал свою карточку и попросил о встрече с генералом, офицеры штаба косо посмотрели на меня, спросили друг друга, немецкого ли я гражданства, и сказали мне, что в течение некоторого времени увидеть генерала Ли будет совершенно невозможно. Однако, расхаживая по кабинетам, я, признаюсь, испытывал некоторое восхищение тем, как, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства и последующее разочарование, которым, должно быть, стало для всех них возвращение Ханьяна, офицеры выполняли свою работу со спокойным достоинством и уверенностью в том, что они работают над делом, которому не суждено скоро закончиться. Один из молодых людей,

мужчина лет двадцати четырех, который, как легко было заметить, получил образование в Штатах, сказал мне, что все они были настолько уверены, насколько это было возможно, в том, что их нынешнее положение столь же прочно, как и всегда.

"Взятие Ханьяна, - сказал он мне, - безусловно, прискорбно, но мы создаем новую нацию, новую страну - мы больше не ведем военных сражений. Теперь больше нет необходимости убивать людей. Мы больше озабочены формированием нового правительства и желаем установления мира. Юань Шихкай, — и здесь он отдал должное могуществу Юаня, хотя и не стал излишне восхвалять его политическую прямоту, — не хочет воевать, так он говорит. Если он прав, то почему он сразу же не выведет свою армию и не установит мир? Что мы должны сделать сейчас, так это отступить в сторону Шанхая, где мы, вероятно, проведем наше первое делегатское собрание для создания Временного правительства, и тем самым мы покажем миру, что мы ни в коем случае не стремимся выиграть наше дело, убивая наших соотечественников. Если он захочет сражаться, теперь весь мир будет знать, что это не только потому, что мы - Революционная партия, но и потому, что он по-прежнему будет агрессором. Наша политика эвакуации из этого города продиктована тем, что мы считаем это разумным, чтобы прекратить боевые действия, и это косвенно является призывом к миру от имени человечества, поскольку для того, чтобы сражаться, нужны двое".

Но это было очень притянута за уши, поскольку революционеры в равной степени стремились показать, что у них не было намерения выбрасывать губку. Впоследствии успех Нанкина вновь пробудил в них боевой дух, а тот факт, что ожидалось прибытие нанкинских войск в Учан - хотя впоследствии это оказалось ложью — придал народу новый прилив энтузиазма. "Это не новички, не новобранцы, это настоящие обученные солдаты, - кричал обыватель, - такие же хорошие, как лучшие, из которых состоит Северная армия". Новость быстро передавалась из уст в уста, и без того возбужденные солдаты проявляли все большую тревогу, потому что в их рядах опасались, что лидеры соперников настолько преуспеют в своих разговорах о мире, что дальнейших боевых действий не будет.

Но никто не мог получить никаких определенных известий о том, насколько мы приблизились к миру. Тем временем в Ханьяне и на Янцзы выше и ниже этого города возводились сильнейшие укрепления. Чтобы убедиться в том, что Ханьян был цитаделью, требовалось всего лишь посещение; это, однако, было трудно, поскольку только очень привилегированным предоставлялись пропуска для переправы через реку. В Ханьяне все кипело; империалистическим войскам не терпелось еще одного сражения, все место было самым совершенным образом оборудовано для дальнейших боевых действий, Черепаший холм стал абсолютно неприступным, лагеря были соединены телефоном и телеграфом, и императорская армия занималась своим делом как организация, которая досконально разбиралась в том, чем занимается.

Однако, что бы они ни думали о своих силах, военные эксперты заявили, что у революционеров вообще не было никаких позиций, пока имперские орудия в Ханьяне могли забрасывать их шрапнелью. С перекрытием железной дороги снабжение имперских войск, конечно, тоже было бы прекращено, и таким образом революционеры, возможно, смогли бы осадить их в Ханьяне; но это было бы бесконечно утомительно. Крейсера, даже если бы у них были боеприпасы, при существующих обстоятельствах были бы малопригодны. Орудия численностью четыре целых

семь десятых в Ханьяне, имея такое решительное преимущество в том, что они могли стрелять по ним с такой точки, откуда их собственные орудия даже не были видны, смогли бы заставить их замолчать за очень короткое время. Ущерб, который революционные пушки нанесли бы Ханьяну, был бы бесконечно мал, и в целом имперская армия все это время держала бы козырную карту. На первый взгляд, мысль революционеров о том, чтобы сражаться до тех пор, пока Ханьян станет главной имперской базой, казалась чуть ли не чистым безумием. Но сами революционеры не думали так легкомысленно о своих шансах. Они были полны решимости, а среди рядовых военная лихорадка не позволяла видеть все возможности поражения.

Возможно, было сказано достаточно, чтобы показать, что дальнейшие боевые действия будут иметь место только для удовлетворения жажды крови некоторых грубо введенных в заблуждение лидеров противоборствующих армий. Среди республиканских лидеров — генерала Ли Юань Хуна и его партии, в отличие от военных офицеров, — желание немедленного прекращения войны было, я полагаю, абсолютно искренним. Генерал Ли Юань Хун показал миру, что то, что он сказал, он имел в виду: никто не мог указать ни на одно его публичное высказывание и обнаружить, что он не сделал последовательно все, что было в его силах, для выполнения своих обещаний. Ли Юань Хун был человеком политической солидарности — не блестящим, но солидным, здравомыслящим, имеющим свое мнение и никого не боящимся, четко и открыто высказывая это мнение. Не в одном, а в десятках случаев на протяжении этого ужасного периода беспорядков он показал, что если ему не удалось осуществить то, что, по его словам, он намеревался осуществить, то это произошло не столько из-за его собственной непоследовательности, сколько из-за предательства среди его армии и нестабильности среди членов его партии. Он с самого начала откровенно заявлял, чего хочет и что готов заплатить за реализацию, рано или поздно.

Теперь он заявил, что хочет мира — мира любой ценой; чтобы восстановить мир и гарантировать прекращение ужасающего кровопролития, он был готов пойти на уступки. Общее поведение Ли Юань Хуна, не омраченное никакими негармоничными нотками в отношениях с другими членами его партии и отмеченное во всем постоянством цели, которое удивило весь мир, было таково, что на его обещания можно было положиться. Он показал себя достаточно, чтобы заслужить уважение всех, как друзей, так и врагов, поскольку действовал чисто. И теперь он хотел мира.

Тем временем многие из самых влиятельных иностранцев в Ханькоу делали все возможное, чтобы помочь установлению мира. Торговцы, миссионеры, чиновники и другие - все стремились оказать свое влияние во имя мира, и если война, со всей ее резней, кровопролитием и дикостью, снова станет угрожать этой центральной части Китая, это произойдет только по прямому желанию императорской армии и с гораздо большими ужасами, чем когда-либо видели.

Если начнется новая война? За последние восемь медленно тянувшихся недель было так много всего увиденного, что показало, какие разрушения и крайняя социальная нищета могут быть вызваны, когда люди решают урегулировать свои разногласия силой оружия. Убийство людей, сожжение имущества — это жестокие проявления, но ни в коем случае не самые худшие. По сравнению с ужасами, которые приходят вслед за этими ужасными битвами, они едва ли заслуживают внимания. В конце концов, убитые избавлены от страданий, которые они помогли создать. Именно те, кто остается позади — эти вдовы с голодными, полуодетыми или голыми

детьми, бездомные, без еды, без друзей, без крыши над головой по ночам, кроме холодного, стального неба, — вот те, кто страдает. Вся сельская местность с ее бездомными и лишенными пищи людьми, с ее разрушенными, сожженными деревушками и семейными усадьбами, с ее уничтоженными посевами риса, с ее жестоким опустошением, столь бессмысленно навязанным ей империалистами, громко взывала в своем утомительном запустении к миру. Считалось, что если бы война была остановлена, кровопролитная борьба последних нескольких недель стала бы мощным двигателем цивилизации, преобразив Старый Китай и превратив его в новую землю и нового народа. Но дальнейшая война в этой печальной, очень печальной стране привела бы только к тому, что страсти в армиях стали бы еще более ожесточенными, а ненависть — еще более ожесточенной.

Мирные переговоры тем временем висели на волоске. Было согласовано пятнадцатидневное перемирие, и к тому времени появилась надежда, что Мирная конференция наконец-то приведет дело к мирному завершению.

* * * * *

Его превосходительство Тан Шао-и — великолепный человек. Он спокойный, бесконечно человеческий человек, доброжелательный, к нему легко найти подход, у него был чистый характер. Когда он был назначен полномочным представителем Юань Шихкая на Мирной конференции, революционеры были довольны, потому что Тан Шао-и был известен как человек чрезвычайно либеральных взглядов, здравомыслящий и не чуждый реальных реформ. Он провел значительное время за границей и, получив полную власть от Юань Шихкая, был встречен с большой помпой, когда прибыл в Ханькоу. В Британском муниципальном здании Тан Шао-и снял несколько комнат и пару дней отдыхал в Ханькоу, прежде чем отправиться в Шанхай, где, по обоюдному согласию, должна была состояться Мирная конференция.

Следует отметить, что как только Ханьян пал, доктор У Тин Фан, более известного китайского дипломата в мире нет, занял очень видное положение в амбициозной республиканской партии. Доктор У Тин Фан был признан лучшим человеком, подходящим для ведения мирных переговоров от Революционной партии, и он с несколькими секретарями и советниками встретился с Тан Шао-и и его советниками в Шанхае 18 декабря 1911 года. На эту конференцию во всем цивилизованном мире смотрели как на эпохальное событие: этот день должен был стать красной буквой в истории будущего. "Мир, мир", — гласила легенда. Не только была непосредственно затронута четверть человечества и все, что значат для них страна, честь и свобода, но и тот, кто обладал истинным пророческим зрением, мог предвидеть перемены, последствия которых распространятся на самые отдаленные уголки цивилизованного земного шара. Последствия этой Мирной конференции, которая должна была определить будущее этой замечательной страны, рассматривались как неизмеримые, безграничные. Доктор Ву Тин Фан, генерал Ли Юань Хун, способные лидеры движения, потрясшего жизнь Китая до основания, с одной стороны; Тан Шао-и, Юань Шихкай, представители старейшей фракции всего человечества, с другой стороны — на этих людях лежала ответственность мирового масштаба, которая редко выпадала на долю людей, возложенных на них.

"Мир, мир; любой ценой добьемся мира". Так, казалось, искренне взывали обе стороны. Есть все основания полагать, что обе стороны были настроены серьезно. Те, кто знал генерала Ли Юань Хуна, самого молодого героя мира, могли все больше и больше свидетельствовать о том, что, узнавая этого человека, он ничего так не желал, как освобождения Китая от маньчжурского

ига. От всего остального он отказался бы ради установления мира, который должен принести процветание, мира, который должен быть постоянным и спланировать всю Империю так, как ничто другое не могло. Те, кто знал доктора У Тин Фан понял, что, как способный лидер современной мысли и той партии, целью которой является прогресс, он был искренен во всем, что делал для создания просвещенного Китая, способного встать в один ряд с народами Востока и Запада. Тан Шао-и был человеком, чья врожденная искренность и истинное смирение на высоких постах завоевали доверие всех, кто его знал. Он был, как всегда, настоящим политическим принцем мира. Он любил свою страну.

И, наконец, Юань Шихай. Все знали его или о нем. Некоторые восхваляли его, но в наказание за его величие некоторые предавали его анафеме. Китай для него тоже был так же дорог, как его слава или его жизнь. Там были две картины: рассвет мира и спокойствия, Китай, освобожденный от всякой расовой горечи, Китай, мужественно выходящий из кризиса, и в этом ему помогают все Державы мира; на другой картине изображен Китай, погружающийся в пучину внутреннего отчаяния, возобновление военных действий, дальнейшее кровопролитие. И все те, кто знал, что это была за война, те, кто видел, как двенадцать тысяч сыновей матерей были изрублены и унесены в вечность разъяренными представителями их собственной великой расы, питали лишь одну общую надежду.

Я отправился в Шанхай и оставался в этом городе, пока шла Мирная конференция. Переместиться с места действия в Центральном Китае в Шанхай означало одним махом перейти от шума войны к спокойствию мира и нетронутой цивилизации. Любому, кто пережил кризис в Ханькоу, действительно было трудно осознать мир в великой китайской метрополии — контраст был настолько огромен, что заставлял воображать, что война закончилась, что мир, несомненно, наступил. Не хватало канонады, полного опустошения и всеобщих страданий, сожженных деревень и тысяч бездомных по всей сельской местности.

Сообщалось, что Тан Шао-и, когда он посетил Ли Юань Хуна, был очень удивлен скудостью сторонников, которые все еще поддерживали революционного лидера — конечно, несколько делегатов уже уехали в Шанхай, и он предсказал, что это будет только вопросом времени, когда мы увидим, что республиканцы по самой природе вещей будут вынуждены избрать монархический курс. О том, что генерал Ли Юань Хун и его сторонники были готовы поступиться своими личными амбициями во имя общего благосостояния страны, их лидер снова и снова заявлял в прессе и другими способами. Но Тан Шао-и, когда я брал у него интервью в Ханькоу незадолго до его отплытия в Шанхай, казалось, поверил, что это был простой китайский блеф; он заявил, что у них не было другого пути и что они пошли на это, потому что предвидели, что их популярность вскоре сильно поубавится, когда позолота с официальных пряников сотрется.

В районе Ханькоу были тысячи людей, у которых не было ни еды, ни одежды, которые понятия не имели о том, как они собираются сохранить тело и душу в целостности предстоящей зимой, и некоторые представители консервативной школы старшего поколения начали сомневаться, стоили ли, в конце концов, свеч, и не лучше ли было бы жить по-старому, каким бы плохим это ни было. Результат войны, к которой они проявляли такой живой интерес, надвигался на них как ужасный кошмар, и я придерживаюсь мнения, что, хотя они были такими же пассивными сторонниками реформ, как и раньше, четыре пятых людей ужасно устали ждать хороших времен, которые тогда казались более отдаленными, чем когда-либо. Все это угнетало Тана, поскольку он впервые оказался среди всего этого. Но Тан Шао-и был наиболее щедр в своих

ссылках на генерала Ли Юань Хуна. Он считал, что усердие, бескорыстие и способности, с которыми Ли Юань Хун так успешно претворял в жизнь общие принципы Революции, преследования, которым он подвергался, и позор, который навлекла на него его армия, а также твердость и независимость, которые он проявлял при любых обстоятельствах, должны были иметь серьезные основания завоевать симпатии всех людей. Но огромное большинство простых людей, тех, кто сильнее всего пострадал от сожжения своих домов и потери всего, что у них было, неизбежно были подавлены и желали, чтобы все это прошло и принесло что-нибудь еще, лишь бы с этим пришел мир. Поэтому все с нетерпением ждали мирных делегатов. Это было самое тяжелое время для революционной партии, поскольку все они ждали, каков будет исход переговоров; и это затишье дало небольшую передышку для разговоров. Одно ведомство в Учане подозревалось в том, что оно отобрало власть у другого, одного человека у другого; некоторые думали, что генералу Ли было бы лучше уйти и договориться о мире, в то время как другие заявляли, что он не может уйти, потому что партия ему не позволит.

Тан Шао И, однако, не стал бы много говорить об общей ситуации. Он сказал мне, что знает очень мало, что я должен знать гораздо больше, чем он, о том, что произошло, и смогу сделать довольно хорошую ставку относительно того, что произойдет в ближайшем будущем, и, несмотря на то, что он был главным мирным делегатом Юаня Шихкая, он не мог сказать, что было на уме у Юаня. "И вы видите, - мягко продолжил он, - обе стороны сейчас так искренне стремятся к миру, что мне кажется, особых проблем с полным урегулированием возникнуть не должно. Мы понимаем, что они [имеется в виду партия Учан] настолько сильны, что нам придется во многом уступить. Войны, конечно, больше быть не может, и если каждый имеет в виду то, что он говорит, и готов сделать все возможное для наилучших общих интересов, я думаю, мы скоро завершим Мирную конференцию".

Затем Тан Шао И посмотрел в огонь. Некоторое время никто из нас не произносил ни слова. Он спрятал свою разбитую ревматизмом руку под меховой накидкой, затем поднял глаза и переключился с политических теорий на светскую беседу.

Революционные делегаты, когда была организована эта Мирная конференция, были полны решимости не уступать. Критерий их отношения и целей к Конференции можно извлечь из следующего интервью, которое мне посчастливилось получить, когда я путешествовал вниз по реке в Шанхай на борту того же парохода с тремя делегатами генерала Ли Юань Хуна. Главным человеком был некто Ху Ин, чье главное заявление звучало следующим образом: —

"Наше отношение к Юань Шихкаю выражено в одном предложении. Если он будет упрямо поддерживать Маньчжурскую династию вопреки воле народа, то он обречен навсегда. Ему может на какое-то время удастся подавить желания народа, но ни один человек, каким бы способным он ни был, не сможет встать на пути народа.

"Мы не хотим, чтобы это была борьба с применением оружия. Мы знаем, что нам потребуется много времени, чтобы выстоять как мужчина за мужчину в Имперской армии, но мы знаем, что за нашей спиной полмира".

Итак, мистер Ху Ин, тот же самый человек, несколько лет назад чудом избежал потери головы за то, что был замешан в предполагаемой революционной авантюре, которая стоила головы его

более восторженному сообщнику. Когда я брал у него интервью, он был президентом Министерства иностранных дел правительства Хупе. Он был человеком, который в очень значительной степени был движущей силой республиканской мечты о будущем. В течение многих лет он был убежденным революционером, однако ему пришлось изучать искусство революции в тюрьме. Ибо, когда разразилась Революция, он все еще находился за тюремной решеткой в Учане и при нормальных условиях провел бы остаток жалкой жизни, мечтая о великих реформах, которым он теперь надеялся способствовать. Он был человеком, который бесспорно пользовался доверием Ли Юань Хуна. Г-н Ху был лишь одним из ряда делегатов, посланных присоединиться к доктору У Тин Фану в отстаивании республиканской позиции в споре против Тан Шао И и его помощников. Все они представляли генерала Ли Юань Хуна и досконально понимали его идеи. Г-н Ху и еще один из делегатов — некий г-н К. Т. Ван, который был выпускником американского университета и в Китае занимал ответственную должность Национального секретаря YMCA в Китае — были выбраны для оказания помощи доктору Ву представителями различных революционных провинций, представленных в Учане. Ху Ин был невысоким, довольно полным китайцем, который откровенно сказал мне, что чувствовал себя ужасно не в своей тарелке, потому что не мог произносить мои иностранные слова, и человеком, которого с первого взгляда никогда не приняли бы всерьез как человека, способного формировать внешнюю политику Китайской империи. На самом деле он нервничал в общении с иностранцами — возможно, конечно, это из-за длительного тюремного заключения - и, говоря, довольно робко поднял глаза поверх стальных оправ очков. Он с жизнерадостной искренностью смеялся над собственными шутками и был чем-то вроде карикатуры в своей иностранной фетровой шляпе, которая была единственным признаком того, что у него были амбиции по прозападизации своей страны.

Эта шляпа была надета на затылок почти так же, как он привык носить маленькую круглую шляпу; его очки были значительно сдвинуты вперед на маленьком приземистом носу, неровные зубы не подчеркивали его личной красоты, и, если смотреть на него сверху вниз, единственной деталью в его внешности, вызывавшей восхищение, были его шелковые платья с изысканным мехом. Было холодно, поэтому он надел три из них, верхнюю - ярко-синюю в цветочек. Кроме того, он был немного близорук, слегка сутулился, тщетно пытался отрастить усы, у него была растрепанная шевелюра, и он не походил на государственного деятеля. Но он был одним из них. В его иссиня-черных глазах часто можно было увидеть огонь неугасимого энтузиазма, когда он говорил о возможностях своей страны. Возможно, он был тем, кого с полным основанием можно было бы назвать типичным революционером. В них было что-то странное во всем, что не было китайским, и все же в глубине души, на словах и в мыслях они сами были по сути китайцами. Возможно, это не так бросалось в глаза в Шанхае и других местах на побережье, но в центре Учана с первого взгляда можно было определить тех, кто был безудержным революционером; иностранная кепка, надета на грубую голову без очереди, иностранные ботинки, иногда якобы иностранное пальто и другие желательные элементы одежды, ни иностранной, ни китайской, которые, к сожалению, не сочетались друг с другом — таковы были неоспоримые характеристики.

"Конечно, вы были революционером в течение нескольких лет, не так ли?" Я спросил Ху Ина.

Ну, да, так оно и было. Несколько лет назад — и он пристыженно посмотрел на меня, как будто не был вполне уверен, подходит ли это сейчас для обсуждения, — его очень близкий друг был обезглавлен, чего он и ожидал, за то, что был довольно откровенен и смело действовал в

соответствии со своими мыслями о том, каким путем должна развиваться их страна. Его упоминания о тюремной жизни не вызывали энтузиазма, хотя от явной беспомощности он время от времени от души смеялся во время беседы, вспоминая определенные периоды своего пребывания в тюрьме. Конечно, он считал это в высшей степени несправедливым, и теперь, когда он вышел на свободу и на него были возложены ответственные обязанности по частичному формированию внешней политики Нового Китая, он ясно видел, что его долг заключается в том, чтобы работать изо всех сил — и это, как он сообщил мне, он полностью намеревался делать. Человек, потерявший голову, тоже был бы хорошим человеком именно в этот момент, но бедняга, в свое время магистр Университета Бун, теперь поплатился за это головой.

"И я думаю, что каждый человек в Китае, который верит в свою страну и свою расу, не может быть ничем иным, кроме революционера — мы скорее реформаторы, и независимо от того, принадлежим ли мы к Республиканской партии, Монархической партии или любой другой партии, если мы любим нашу страну так, как должны, мы все должны быть революционерами".

Его последующие упоминания о Маньчжурской династии, не изобилующие похвалами, не могли бы иметь никакой цели, если бы они были напечатаны здесь, кроме как показать, насколько велика была ненависть партии Учан к старым правителям Китая. Во время разговора он упомянул своего компаньона, мистера Сунь Фа Шу, дородного джентльмена аристократического вида, безукоризненно одетого по последней иностранной моде — длинное зеленое твидовое пальто, матерчатая шляпа с широкими полями, перчатки, трость и все остальное.

Господин Сунь все это время был правой рукой генерала Ли Юань Хуна. В Революционном суде ничего не происходило без ведома господина Сунь. Именно он издал все революционные указы, пробудившие мир, и на него смотрели как на ученого в лагере. До кончиков пальцев он был аристократом. Он говорил тихо и медленно, всегда вдумчиво, время от времени делал небольшие жесты, чтобы дополнить смысл своих слов и прояснить их по-китайски, и выказывал большое одобрение, когда мы улавливали суть его аргументации. Оба этих человека в своей беседе были снисходительны к каждому члену правительства, восхваляли некоторых и ни на минуту не хотели, чтобы я поверил, что они хотели сказать что-то плохое о ком-либо. По их словам, они просто честно говорили мне, что думают. Я сослался на продолжительность переговоров и предположил, что люди устанут ждать, когда, как предполагается, наступят хорошие времена. Думали ли они, что подавляющая часть простых людей Китая действительно понимает, в чем заключаются проблемы?

Мистер Сан в блестящих на солнце очках в золотой оправе перевел взгляд с моих ног прямо мне в глаза. Он говорил с небольшим акцентом. "Пожалуй, нет другой нации в мире, - начал он, - которая любила бы мир и была бы такой добродушной и терпеливой, как китайцы. И все же, когда их провоцируют, они наносят ответный удар с силой. Маньчжурское высокомерие и коррупция - это вещи, которые могли бы вынести очень немногие нации. То, что мы терпели их более двухсот лет, свидетельствует о нашем терпении, но, — и он поднял свой изящный палец, слегка покачав им, чтобы показать, что чувствует по этому поводу, — всему есть предел. Теперь удар нанесен, и сотни и тысячи патриотов в Китае никогда не сложат оружия, пока Маньчжурская династия не будет стерта с лица земли и китайцы снова не будут управлять своими делами по-своему". Тут он остановился, слегка повернулся в негодовании, вызванном

его собственными мыслями, и продолжал смотреть на своего спутника, который ничего не сказал.

- Но если Маньчжурская династия причинила какой-то вред, вы, конечно, должны признать, что она научила людей, неважно каким образом, сохранять мир и любить его? - Настойчиво спросил я.

"Большая часть отсталости китайской нации как таковой, - возразил Сунь Фа Шу, - была вызвана в значительной степени неправильным правлением Маньчжурской династии. Все это знают. Все это признают. Его первым принципом было то, как сохранить народ Китая как можно более невежественным и бедным. Ибо знания и богатство, приобретенные китайцами, не могут не подорвать превосходство маньчжуров, которое поддерживалось, подобно разбою на большой дороге, одной лишь силой. Таким образом, эмансипированный Китай означает Китай процветающий и просвещенный. За исключением одной или двух наций, чьи принципы не выше принципов маньчжуров, и которые наслаждаются захватом земель и кровавой войной, мы уверены, что мир желает, чтобы Китай был прогрессивной и просвещенной страной".

"Но считаете ли вы, что революционная партия в ее нынешнем виде достаточно сильна, чтобы создать условия, которые будут постоянно способствовать миру и реальному прогрессу?"

В этот момент заговорил г-н Ху Ин. Он сказал, что убежден, что они могли бы, и если поначалу они не могли создать идеальные условия, они могли бы, если бы им дали время. "Англосаксы, - продолжал он, - преподали миру великий урок правления через представительство — революционное движение нацелено на то, что они показали нам. Наша цель - свержение пришедшего в упадок двора и установление правительства, которое будет отвечать воле народа. Мы прекрасно знаем, что Молодому Китаю предстоит многому научиться в стремлении создать такое представительное правительство. Но все люди признали, что нет школы более эффективной, чем..."

Ху Ин ждал слова, когда третий делегат, выпускник одного из американских университетов и горячий энтузиаст Нового правительства, перевел это как "школа опыта, школа "жестких ударов", чем вызвал улыбку.

"И, - продолжал Ху, - давайте дадим нам шанс научиться, и через десятилетие или два мир увидит возможности и гениальность нашего народа в области представительного правления".

"Что вы считаете главным пунктом, по которому двум сторонам будет трудно прийти к согласию на Мирной конференции?" - Спросил я у всех троих.

Они заговорили одновременно, а затем уступили место Сунь Фа Су. С подобающим достоинством он ответил, что единственный пункт, от которого революционеры никогда не откажутся, - это их требование уничтожения Маньчжурской династии. Итак, эти три представителя Революционной партии Учана были единодушны в этом жизненно важном вопросе; их партия, возможно, отказалась бы от чего угодно другого, но не от этого. Они были непоколебимы. Я предположил, что, возможно, если не удастся договориться об условиях мира, они будут вынуждены уступить даже в этом вопросе. Но они сказали, что не будут этого делать: "Нет, если снова должно установиться маньчжурское правление, тогда мы должны снова начать войну, как бы нам этого ни хотелось. И есть тысячи людей, которые умрут, прежде чем снова подчинятся.

"Когда этот пункт будет решен, - с некоторой энергией сказал Сунь Фа Су, - тогда все остальные пункты можно будет легко скорректировать. Только от этого зависит все. Мы боремся за свободу нашего народа от маньчжурского ига".

"Вы в Учане все еще так же решительно выступаете за республиканскую форму правления, как раньше? Я знаю, что генерал Ли Юань Хун стремится к Республике, но как вы думаете, много ли найдется таких, кто предпочел бы видеть Республику чему-либо другому?"

"Независимо от того, будет ли у нас Конституционная монархия или Республика, мы готовы расстаться с народом. Мы хотим того, чего хотят они, и мы готовы оставить этот вопрос на усмотрение народа. Со своей стороны, мы выступаем за республиканскую форму правления, поскольку китайцы демократичны по своей природе и своим привычкам. Даже при абсолютном монархе внимательные наблюдатели за китайскими политическими тенденциями отмечали, что китайское правительство представляет собой демократию, сменившуюся монархией. Другими словами, имперское правление не было естественным следствием политических привычек китайского народа, а существовало просто потому, что не было найдено лучшей замены. Мы думаем, что теперь нашли замену. Это в президенте, который несет ответственность перед народом и в то же время, когда требуется чрезвычайная ситуация, может обладать полномочиями даже большими, чем те, которыми обладают король или император".

- Как вы думаете, Юань Шихкай станет первым президентом?

Мистер Сан некоторое время молчал. Он ждал, когда я задам вопрос во второй раз, и даже тогда, казалось, не был склонен связывать себя обязательствами. Наконец он ответил:

"Я не знаю. Наше отношение к Юань Шихкаю можно выразить одним предложением. Если он будет упрямо поддерживать Маньчжурскую династию вопреки воле народа, то он обречен навсегда. Возможно, ему удастся на какое-то время подавить желания народа, но ни одному человеку, каким бы способным он ни был, не будет позволено встать на пути народа. С другой стороны, теперь у Юань Шихкая появилась возможность заслужить вечную благодарность нации за то, что он уступил их желанию покончить с Маньчжурской династией раз и навсегда. Если он сделает это, Юань Шихкай покажет себя мудрым человеком. Мы знаем, что нам потребуется некоторое время, чтобы выстоять один на один с имперской армией, но за нашей спиной полмира".

DR. WU TING-FANG.
Minister of Law in the new Republic.

ДОКТОР Ву ТИНФАН.
Министр юстиции новой Республики.

Приведенные выше настроения могут быть приняты как наглядный пример взглядов революционных лидеров по вопросу о встрече на Мирной конференции. Эти люди, доселе неизвестные миру — всегда за исключением таких людей, как У Тин Фан и Тан Шао-и, — теперь творили историю в гигантских масштабах, реформаторы, которые, как казалось, только что появились на свет, но все прошлое которых свидетельствовало о том, как они работали во имя великой эры реформ и прогресса в Китае.

* * * * *

В следующей главе вы найдете *резюме* Мирной конференции, какой бы неудовлетворительной она ни была во многих отношениях.

ГЛАВА XIII

МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ —МОНАРХИЯ Или РЕСПУБЛИКА?

Мирная конференция собралась в Шанхае 18 декабря.

Доктор У Тин Фан, который был главным комиссаром со стороны революционеров, хорошо известен. Он получил образование в Гонконге, а затем получил квалификацию адвоката в Англии. Некоторое время он практиковал в Гонконге, а также исполнял обязанности полицейского судьи. Позже он поступил на государственную службу Китая при покойном маркизе Ли Хун-чанге. В 1896 году он стал министром в Соединенных Штатах, Испании и Перу и был назначен вице-президентом Торгового совета, а затем Вайвупу в Пекине. В 1906 году он стал вице-президентом Совета по наказаниям и занимался пересмотром китайского свода законов. В том же году он вышел на пенсию, а в 1907 году во второй раз отправился в Соединенные Штаты, чтобы представлять Китай в качестве посланника. Он твердо верит в рациональное питание. Он основал и стал президентом Общества рационального питания и антитабачного движения в Шанхае, которое стало очень популярным.

Один из делегатов Революции Вэнь Цзун-Яо также был родом из Гонконга и получил образование в Правительственной центральной школе этой колонии более двадцати лет назад. После этого он поступил в Пейянский университет в Тяньцзине. С 1905 по 1908 год он ездил в Кантон в качестве секретаря бывшего вице-короля Цзен Чуань-сюаня, а в июне 1908 года он был назначен в Лхасу помощником амбана и был отстранен от должности после того, как бывший Далай-лама был свергнут Указом. Ван Чунг-хуэй - студент из Кантона, окончивший колледж в Америке. Он также учился в Европе и разбирается в праве. Ван Чао-мин известен своей попыткой покушения на бывшего принца-регента, за что был приговорен к пожизненному

заклучению. Он был освобожден, когда недавно было объявлено о помиловании всех реформаторов и политических преступников. Ван Чэн-тин, вернувшийся студент из Соединенных Штатов, и Ху Ин - делегаты, назначенные генералом Ли Юань Хунгом.

#Тан Ву

Шао-и Тин-Фанг*

+-----+

#Эр Куан | оо Вэнь

Чан. | о о | Цзэн Яо.*

||

#Сюй || Ван

Тин Линь. | о о | Чжоу Вэй.*

||

#Чао || Ван

Чунь Ни. | о о | Чоу Нин*

||

#Фэн || Новый

Ихтун. | о о | Юнг Ки.*

| о|

+-----+

Ван Чен Тин.*

* Республиканцы. #Империалисты.

До того момента, как моя рукопись была передана издателям, я не мог получить никакой специальной информации об императорских делегатах. Однако о Тан Шао-и известно многое. Он сыграл много важных ролей на политической платформе своей страны и, несомненно, был человеком, способным безопасно направлять дела имперской стороны в безопасное русло. В то время, когда его назначили представлять Юань Шихкая, он занимал важный пост, и, поскольку у него была наиболее успешная карьера дипломата, он был выбран как человек из всех, кого удалось привлечь императорскому корпусу, поскольку с наибольшей вероятностью не совершал политических ошибок. Тан Шао-и - один из самых способных государственных деятелей Китая на сегодняшний день.

Стол на Конференции был сервирован так, как показано на противоположной странице.

Более четырех часов эти два кантонца — Ву и Тан - со своими коллегами проводили секретное совещание в ратуше Шанхая с целью выработки мирных условий, которые, как ожидалось, должны были включать решение относительно будущей формы правления в Китае. В конце заседания было распространено следующее заявление, парафированное обоими комиссарами, в качестве памятной записки о событиях дня:—

"1. Обмен полномочиями.

"2. Комиссар Тан соглашается телеграфировать Юань Шихкаю, передав требование республиканцев о том, чтобы приказ о прекращении боевых действий и захвате мест маньчжурской армией был эффективно выполнен в Хупэе, Шаньси, Шэньси, Шаньдуне, Аньхое, Цзянсу и Фэнтъене, и что не следует проводить никаких дальнейших конференций до получения удовлетворительного ответа от Юань Шихкай.

"3. Комиссар Ву соглашается телеграфировать генералу Ли Юань Хуну из Хупэя и республиканским генералам Шаньси и Шэньси, приказывая им прекратить боевые действия и дальнейшие атаки на маньчжурские войска".

На открытии Конференции г-н Тан выступил с кратким обращением. Он рассказал о своем назначении приехать в Шанхай на Конференцию и выразил надежду, что она пройдет успешно. Затем он вручил свои верительные грамоты доктору Ву. Последний изучил их, а затем выразил аналогичную надежду на то, что Конференция принесет большую пользу Китаю. Затем его полномочия были вручены г-ну Тану, и Конференция началась. Хотя эти помощники были допущены на собрание, они не имели права голоса в его делах, обсуждение вели только два комиссара. Никому из ассистентов доктора Ву не разрешалось обращаться непосредственно к мистеру Тану, и никому из ассистентов мистера Тана не разрешалось обращаться к доктору Ву. Вместо этого они могли бы предлагать свои предложения своим лидерам либо в письменной форме, либо шепотом. Тан Шао-и выразил свою личную готовность принять требования доктора Ву о создании Республики, но отложил конкретный ответ до тех пор, пока не свяжется с Юань Шихкаем. За исключением соглашения о том, что перемирие должно быть продлено на неделю, заканчивающуюся 31 декабря, это было результатом Конференции, как сказано в официальном заявлении, опубликованном в конце. Заявление, озаглавленное "Достоверный отчет о сегодняшней мирной конференции", гласило следующее:—

"1. По взаимному согласию, перемирие должно быть продлено на период в семь дней, т.е. с 8 часов утра 24 декабря до 8 часов утра 31 декабря

"2. Доктор У Тин Фан выступал за необходимость установления республиканской формы правления в Китае. Он считал, что Китай полностью готов приветствовать новую Республику. По существу, он сказал следующее:

"Народ Китая не примет никакой другой формы правления, кроме Республики, основанной на воле народа. Поскольку мы можем назначать делегатов, которые будут представлять нас как в различных провинциальных ассамблеях, так и в Национальной ассамблее в Пекине, почему мы не имеем права избирать Президента в качестве главы исполнительной власти страны?

"Маньчжуры показали свою полную неспособность управлять народом в течение 267 лет. Они должны уйти. Правительство можно сравнить с торговой компанией: если менеджер из-за неспособности или нечестности становится причиной банкротства концерна, ему незачем оставаться на своем посту. Новый менеджер должен быть избран акционерами. Республиканская партия не намерена ни изгонять маньчжуров, ни жестоко обращаться с ними. Напротив, они хотят поставить их в совершенное равенство с китайцами, чтобы они вместе наслаждались благами свободы, равенства и братства".

Официальное сообщение о сегодняшнем заседании, переданное китайским газетам, было практически таким же, как и в иностранных газетах, за исключением того, что оно содержало следующее дополнительное заявление, сделанное его превосходительством Тан Шао-и:

"Лично я выступаю за Республику, которая является единственным выходом из нынешнего кризиса. Но мы не должны на Конференции упускать из виду целостность Маньчжурии, Монголии, Тибета и других зависимых стран".

На что доктор Ву ответил: —

"Республика означает целостность и объединение не только восемнадцати провинций".

Тан Шао-и ответил на это:—

"Мне придется телеграфировать Юань Шихкаю относительно республиканского вопроса".

Эта конференция между полномочными представителями пекинского правительства и революционными группами рассматривалась как встреча огромной важности для китайской нации. Действительно, не будет преувеличением сказать, что судьба Империи зависела от этого вопроса. Весь мир будет наблюдать за ходом разбирательства и критиковать результат с большим интересом. Тан Шао-и и Вутин-Фан, главные полномочные представители противоборствующих сторон, должны были либо заслужить аплодисменты цивилизации, либо подвергнуться осуждению за то, что не воспользовались возможностью твердо направить Китай по пути прогресса, который должен был представиться в результате такого экстраординарного стечения обстоятельств.

Во-первых, можно рассмотреть, какой, вероятно, была бы ситуация, если бы военные действия возобновились. В настоящее время река Янцзы приблизительно соответствует разделительной линии между территориями, контролируемые правительством и революционерами. В некоторых населенных пунктах к северу от реки вспыхнуло восстание, но большинство из них вернулось к верности Империи, будучи, по-видимому, удовлетворенными предоставленными уступками, а другие проявили склонность сделать то же самое. Казалось разумным предположить, что если в стране начнется гражданская война, страна разделится на север и юг, а река Янцзы станет общей демаркационной линией.

У пекинского правительства было преимущество в том, что оно было признано иностранными государствами, и это условие сохранялось до тех пор, пока оно оставалось во владении

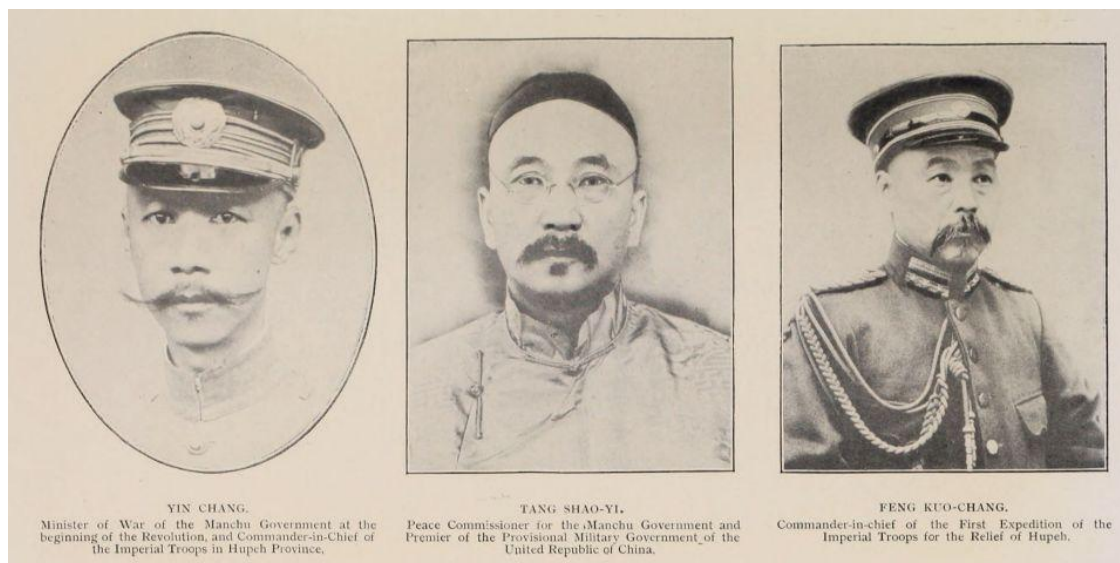
столицей и любым значительным регионом, прилегающим к ней. В нем была почти вся современная обученная армия и огромное большинство подготовленных офицеров. У него была лучшая военная техника. Правительство по-прежнему контролировало императорские железные дороги Северного Китая, железную дорогу Пекин-Ханькоу и железную дорогу Тяньцзинь-Пукоу на большей части территории. Таким образом, ей было бы легче сосредоточить войска в любой заданной точке вдоль Янцзы или к северу от нее, чем революционерам. Более того, имперские войска были привыкли и экипированы так, чтобы выдерживать холодный климат, а зима держала северную часть страны в своих тисках. Какие силы революционеры могли выставить на поле боя к северу от реки Янцзы, точно неизвестно. За исключением нескольких тысяч обученных солдат, любая армия, собранная с целью наступления на Пекин или сопротивления наступлению Императорской армии, состояла бы из необученных рекрутов, которыми командовали в основном неопытные люди. Такая армия была бы плохо обеспечена для проведения зимней кампании на севере. Без дальнейшего анализа предполагаемый марш Революционной армии на Пекин можно было бы отбросить как призрачный, если только не предполагалось, что Императорская армия нелояльна и покинет правительство. Теперь для таких ожиданий не было никаких осязаемых оснований. Юань Ших Кай, создатель новой армии, которая всегда была ему верна, по-прежнему пользовался уважением солдат. Одно дело, когда новая армия и ее лидеры были недовольны старым порядком вещей в Пекине; совсем другое - предполагать, что она была недовольна формой правления, предложенной Юань Шихкаем, ее бывшим и нынешним командующим. Армия знала Юаня и чего от него ожидать. Она не знала революционных лидеров, за исключением одного здесь и там, и она не знала, какое отношение к ней получит Революционное правительство после того, что произошло. Если предположить, что Северная армия останется верной Юань Шихкаю, ранняя оккупация Пекина революционерами была практически невозможна. Это была задача, которая потребовала бы кампании продолжительностью в год, а может быть, и больше - если бы ее вообще можно было выполнить. Империалисты, возможно, и не смогли бы проникнуть к югу от Янцзы, но им не составило бы большого труда удержать территорию под своим контролем. И в случае расколов и дезинтеграции республиканцев правительство должно было быть в состоянии вовремя восстановить свое господство во всех провинциях. Это был этап, который революционеры должны были учитывать. До сих пор процессы дезинтеграции и недовольства почти полностью работали в их пользу.

Таким образом, продолжение военных действий, по-видимому, предвещает временное, возможно, постоянное разделение Империи на две части и порабощение страны и народа ужасами и бедствиями, которые неизбежно сопровождают подобную междоусобную борьбу. Бедствия, которые обрушились бы при таких обстоятельствах, были очевидны. Шесть месяцев таких условий, вероятно, вызвали бы контрреволюцию в южных провинциях. Условия на севере были бы в чем-то похожими, но, вероятно, не такими плохими, поскольку правительство лучше контролировало ситуацию и могло бы держать вне закона в рамках закона. В этой дискуссии, конечно, предполагается, что китайцам будет предоставлено самим разбираться между собой без иностранного вмешательства. Иностранное вмешательство, которого было бы трудно избежать, если бы военные действия затянулись на неопределенный срок, принесло бы свои собственные проблемы и опасности. Такие аспекты были представлены альтернативой войны.

Таковы были некоторые из главных соображений, которые должны были повлиять на полномочных представителей. Казалось, существовало только одно серьезное расхождение — будет ли новое правительство следовать монархической или республиканской форме. Если бы

был избран первый, это, вероятно, означало бы, что нынешняя династия была бы сохранена, хотя, возможно, и правила бы под другим именем, поскольку ни у революционеров, ни у монархистов не было другого императора, которого они могли бы предложить. Если бы было принято решение о Республике, правительство, которое было бы учреждено, отличалось бы от Конституционной монархии только названием; следовательно, спор шел скорее о простых терминах, чем о реальности. Возражения против сохранения монархии были основаны на двух основных теориях. Первое заключалось в том, что с маньчжурской династией на троне свобода китайцев не будет обеспечена — что династия должна быть свергнута, а столица перенесена из Пекина, чтобы навсегда избавиться от атмосферы и ассоциаций старого режима. Другое возражение заключалось в том, что при монархической форме правления Юань Шихкай был бы фактическим диктатором, а затем использовал бы свою власть, чтобы взойти на трон. В определенных кругах Юаню определенно приписывали эти амбиции — как выразился один китаец, он хотел быть китайским Наполеоном, а не ее Джорджем Вашингтоном. Но казалось, что если бы у Юаня были такие амбиции, то Республика, которая по необходимости существовала бы в Китае, была бы именно тем, чего он хотел. Наполеон начал свой приход к власти как республиканец. Если бы Юань желал провозгласить себя императором, он не мог избрать более благоприятного курса, чем принять пост президента республики сейчас, выжидая, как это сделал Наполеон, пока не наступит неизбежная реакция, и переход обратно к Империи не будет сравнительно легким. С другой стороны, продолжение династии и имперских форм представляло собой сдерживающий фактор для таких амбиций, если они существовали, поскольку они обеспечивали лояльность народа, никоим практическим образом не препятствуя отправлению правительства в соответствии с конституцией. Если Юань Шихкай уступит спорному пункту и согласится на создание Республики, что тогда? Республика столкнулась бы с теми же трудностями, что и Конституционная монархия, трудностями, которые вполне могли бы поставить в тупик самого способного государственного деятеля. Если бы был установлен мир, все равно остались бы все великие проблемы, которые делают Китай инвалидом среди наций, усугубленные голодом и напряжением революции. Может ли Республика решить их без промедления? Или у республики были бы лучшие перспективы? Если бы существовали какие-либо различия в пользу любой из двух форм правления, у Конституционной монархии было бы меньше трудностей. Республика была бы затруднена в своих попытках восстановить порядок и вернуть управление правительством на нормальную основу из-за ожиданий народа, которые она не могла бы удовлетворить. Для этого ей были бы необходимы деньги. Она была бы вынуждена, почти немедленно, предоставить иностранный заем - политику, которую революционеры осуждали в пекинском правительстве. Оно было бы вынуждено продолжать многие формы, условия и процессы, которые революционеры критиковали в Маньчжурском правительстве и заставляли людей ожидать, что они будут немедленно отменены. Ему пришлось бы возобновить сбор налогов в населенных пунктах, где Революционная пресса заставила людей поверить, что они будут сокращены или вовсе отменены. До тех пор, пока не будет разработан и введен в действие новый кодекс, ему придется руководствоваться существующими законами. Короче говоря, республиканское правительство было бы абсолютно вынуждено делать многое из того, за разрешение чего его лидеры критиковали маньчжурское правительство. Ему пришлось бы считаться с большим количеством лидеров-выскочек и их приспешников, выдвинутых революцией, которые все до единого надеялись занять хорошие посты в новом правительстве. Каким будет ближайшее будущее Китая при Республике, на момент проведения Конференции никто не мог предвидеть.

И хотя вопрос о Революции все еще остается под вопросом, в начале Конференции можно было лучше понять природу и силу ее движущих сил. Очевидно, что это революционное движение в Китае не было вдохновлено исключительно или даже главным образом желанием провести слишком долго откладываемую реформу коррумпированного китайского правительства. Общий крик о том, что маньчжуры должны быть уничтожены, также не был вызван исключительно или даже главным образом хорошо обоснованным неверием в желание или силу татарской династии порвать со своей традицией неправильного правления. Движение, распространившееся подобно лесному пожару по всему Китаю, от провинции Чихли на крайнем севере до провинции Квантун на крайнем юге, явно было национальным восстанием китайцев против того, что считалось унижительным иностранным господством. Оно позаимствовало политические лозунги Либерального Запада; в тех центрах, где оно победоносно утвердилось, оно облеклось в формы республиканского правления; но его динамическая сила черпалась, по крайней мере среди невежественных масс, для которых конституционное правление было бессмысленной фразой, из традиционных чувств народа, который в течение трехсот прошедших лет был неспокоен под татарским игом. Ничто не могло показать это более ясно, чем то, что повсюду было первым актом эмансипации — обрезание косы, поскольку бритая голова и коса были навязаны китайцам в семнадцатом веке как символ подчинения со стороны маньчжуров-завоевателей. Повсюду люди с самого начала революции снимали свои косы, и, хотя императорский указ делал необязательным для людей отказываться от них или сохранять их, империалисты убили сотни мирных людей только потому, что их нашли без кос. Таким образом, восстание заняло свое место в серии национальных восстаний против татарских правителей, и, как будет видно из более поздней части этого тома, не лишено значения то, что оно добилось наиболее заметных начальных успехов именно в тех приморских провинциях, в которых свергнутая китайская династия Мин дольше всего продержалась против маньчжурских узурпаторов. Если движение приняло новые формы, сказал автор в лондонском журнале, то это было связано с остротой изменившихся условий. Повстанцы Кванси в 1850 году провозгласили императором юношу по имени Тянь-те ("небесная добродетель"), который, как говорят, был представителем последней династии Мин. Движение затихало до тех пор, пока грозный Хун Сю-цуань не сверг Самозванца, не добился расположения иностранцев, объявив себя христианином, и, после захвата Учана и Нанкина, не провозгласил себя первым императором династии Тайпин как Тянь Ван ("небесный царь"). Его отвратительные зверства, продолжал цитируемый автор, и слишком фантастическое описание физических атрибутов божества — результат "видения", призванного произвести впечатление на миссионеров, — вызвали отторжение у всех иностранцев, и накануне его полного успеха его власть была подорвана правительственными войсками, организованными и возглавляемыми "китайцем Гордоном". Секрет его власти заключался в отсутствии законного "Сына Неба" из старой Династии, в его притязаниях на новое поручение от самих Небес.

ИНЬ ЧАН.

военный министр Маньчжурского правительства в начале революции и главнокомандующий императорскими войсками в провинции Хупэ.

ТАН ШАО-И.

Уполномоченный по вопросам мира при правительстве Маньчжурии и премьер-министр Временного военного правительства Объединенной Китайской Республики.

ФЭН КУО-ЧАНГ.

Главнокомандующий Первой экспедицией имперских войск на помощь Хупе.

Однако генерал Ли Юань Хун и те, кто был тесно связан с ним, не делали подобных заявлений. Молодые революционеры по большей части обучались в школах Запада, и их призыв к сочувствию Западу принял новую форму. В то время было невозможно предвидеть, насколько в долгосрочной перспективе идея демократической республики понравится народу, пропитанному политической философией Конфуция, с его концепцией родительских прав и сыновних обязанностей как фундаментальной основы правления.

Действительно, до сих пор утверждение о том, что провинции от Чихли до Квандуна и от Шаньдуна до Сычуэня одобрили Республику, кажется обоснованным. Таким образом, казалось бы, что при отсутствии отпрыска старого императорского дома китайцы смогли бы примириться с созданием Соединенных Штатов Китая при избранном президенте, и в этом случае в то время было интересно порассуждать, можно ли избежать слишком явного разрыва с прошлым, сохранив церемониального "Сына Неба", который, подобно царю Архонту в Афинах или Царю Жертвоприношений в Риме, продолжал бы приносить традиционные жертвы Источнику Власти.

Именно для решения этого и многого другого была созвана Мирная конференция в декабре прошлого года, но за ней не последовало ничего, кроме разочарования.

Решение полномочных представителей, которые сами фактически согласились с основным вопросом, стоявшим на кону, было отклонено Юань Шихкаем. День за днем между Юанем и Таном часто передавались телеграммы, и все с тревогой смотрели в сторону Шанхая, ожидая последних известий о войне. Республика, казалось, уже родилась, и пятицветный флаг на улицах Шанхая возвещал о ее рассвете. Но Юань был упрям, как мул. В конце концов, после бесконечных обсуждений ситуации, он отказался от власти Тан Шао-и, заявил, что Тан не может окончательно вести переговоры ни по одному вопросу, хотя его полномочия показывали, что в него была вложена вся полнота власти, и в конце концов Конференция просто "выдохлась".

Следующая сцена представляет доктора Сунь Ятсена на республиканской трибуне. Цивилизованный мир тогда надеялся, что он разрешит эту политическую головоломку, а он решительно голосовал за Республику. Теперь он прибыл в Шанхай, и его присутствие полностью изменило ситуацию.[1]

[1] Следующая статья, вышедшая из—под пера Чарльза Сперджена Медхерста, излагающая претензии Республики и монархии и напечатанная в *China Press* в Шанхае 13 декабря 1911 г., будет интересна читателю на данном этапе:-

"Представительное правительство с отпрыском династии, не обязательно малолетним императором, во главе, или представительное правительство без какой-либо связи с прошлым, - вот проблема, от которой зависит вопрос о мире или войне в Китае, и все же, что касается свободы страны, разница между этими двумя идеалами такая же, как разница между старым добрым английским рыжиком, выращиваемым на Западе Англии, и колокольчиком, выращиваемым на западных склонах Тихого океана. Оба яблока полезны в пищу. Предпочтение одного перед другим - дело вкуса. Действительно, можно почти сказать, что империалисты - республиканцы, а республиканцы - империалисты, поскольку республиканец так же сильно, как и его брат-империалист, настаивает на том, что должна быть сильная центральная власть, и империалист пожимает руку своему товарищу-республиканцу в своем беспокойстве о том, что контроль над национальными делами должен находиться в руках народа. Если воспользоваться выразительным сравнением, недавно использованным доктором Ву по отношению к чему-то другому, то бутылка другая, но бренд тот же. Каждая сторона обязалась предоставить нации свободу от любой власти, за исключением той, которую нация сама налагает на себя. Между империалистами и республиканцами разница, в действительности, заключается в форме, а не в содержании. Всеобщее признание этого факта разрядит атмосферу и облегчит восприятие насущных потребностей текущего момента. Существует более настоятельное требование, чтобы это было осуществлено, потому что в своем энтузиазме по поводу перспектив наступления нового дня многие из наших китайских друзей ошибочно убедили себя, что демократия - это величайший дар Запада Востоку. Но последнее письмо принесло нам сообщение от доктора Инге, настоятеля собора Святого Павла в Лондоне, о том, что демократия, пожалуй, один из самых глупых современных фетишей. Поэтому те из нас в Китае, кто согласен с Деканом, обязаны открыто высказаться в этот критический момент, чтобы наши китайские хозяева слепо не ступили на окольный и опасный путь. Этот долг становится еще более очевидным, когда мы вспоминаем недавнюю речь доктора Сунь Ятсена, в которой он намекнул, что всеобщее

избирательное право для мужчин и женщин станет той нотой, на которой будет звучать мелодия новой Республики.

"Чтобы добиться какого-либо хорошего результата благодаря всеобщему избирательному праву, должно быть много предыдущих лет всеобщего образования, но даже с этим преимуществом демократия по большей части становится не более чем мечтой, хорошим лозунгом, но невыполнимой политикой. Конституционное правление еще нигде не было доведено до совершенства. Лучшее, что у нас есть, - это адаптация к все еще нереализованным реалиям. Как и все остальное на данном этапе нашего прогресса, это компромисс. Его методы не дают никаких признаков окончательности; во всех странах это то, что должно иметь место в Китае, - адаптация к существующим обстоятельствам. Никто лучше китайцев не знает, что совместный компромисс с идеями других людей является основой всякого порядка. Что еще представляют собой мутации Инь и Ян? Если они не согласуются, возникает беспорядок. Точно так же не может быть мира в Китае, пока республиканцы и империалисты не будут работать вместе. То, что автократией злоупотребляли, не является причиной, по которой республиканцы должны стремиться заменить ее системой, которую многие жители демократических стран, как свидетельствуют наблюдения лондонского декана, начинают считать ложной в своих предположениях. Поскольку революция показала, что по воле страны должны произойти изменения в управлении делами Китая, нет причин, по которым империалисты не должны объединиться с республиканцами на дружественной конференции и посмотреть, не удастся ли им создать администрацию лучше, чем любая из ныне существующих, и таким образом усилить свое гордое положение старейшей нации в мире. Обе стороны - китайцы. Почему бы не встретиться и не подать молодым цивилизациям пример в гражданском праве?"

"Если демократия - мечта, то самоуправление - иллюзия. Никогда не было и никогда не будет ни общества, ни какого-либо органа, который был бы самоуправляемым. Мы даже не вольны носить ту одежду, которую подсказывает наша склонность. Мадам Моде кроит ткань и закупает материал. Управление государством (цитируя французское выражение) - это всегда "дело двоих". Как и занятия любовью, это вопрос того, чтобы один уступал другому. Точно так же самоуважение - это не самоуважение, а одобрение моего низшего моим Высшим, Богом внутри меня. Самоконтроль - это не самоконтроль, а послушание моей страстной природы Божественному, заключенному внутри. Самоуправление - это не самоуправление, а управление одной частью другой частью, непригодных - пригодными, масс - классами, необразованных - образованными. Все остальное было бы некомпетентностью, несправедливостью, а не свободой. В правительстве не может быть равенства и братства. В парадоксе Лао-цзы много правды: "Когда людьми трудно управлять, это потому, что они обладают слишком большой житейской мудростью". Демократия - это идол, которого многие из ее почитателей перестают уважать, и факты должны быть известны до того, как в Китае воздвигнут храм в ее честь. Чего хотят, так это Автократии на ее надлежащем месте, не автократии рождения, денег или шумихи, а автократии характера, самопожертвования и способностей. Это час Китая, вызов его сильным мира сего изобрести что-то характерное для него самого, а не просто подражать западным конституциям.

"Чтобы это было успешно достигнуто, предвзятые идеи должны оставаться неизменными, когда миротворцы встретятся на предстоящей Конференции. Республиканцы должны помнить, что представлять демократию без угнетения бесполезно. Империалисты должны понимать, что вмешиваться в права другого неправильно. Республиканцы не должны забывать, что каждым

демократическим правительством правит большинство, и что когда желания меньшинства отвергаются, автократия в неподходящем месте заменяется демократией. Империалисты не должны упускать из виду истину о том, что иго, возложенное на побежденную сторону, переносить не легче, потому что принуждение исходит от противостоящей политической организации, а не от одного или двух аккредитованных должностных лиц, и что принуждение любого рода провоцирует восстание. Пусть обе стороны подумают, что мудрость не всегда пребывает в большинстве. История знает много примеров, когда меньшинство из одного было правым, а все остальные ошибались. Будучи прав, он, возможно, мог бы уступить общему желанию, но его нельзя должным образом принудить. Если демократия правильна, то принуждение обязательно неправильно, независимо от того, осуществляется ли давление отдельными лицами или большинством.

"Надлежащей основой для упорядоченного согласования общих интересов людей является то, что все заинтересованные стороны должны вести дружеское обсуждение с целью достижения соглашения. Если это окажется невозможным, то, как общее правило (с учетом гибких требований здравого смысла), вопрос следует, по возможности, отложить в долгий ящик как незрелый для решения. Если партийное правительство, такое, какое существует при всех конституционных правительствах, является правильным, если для одной партии, потому что она сильнее, правильно принуждать другую партию, потому что она слабее, подчиняться ее правлению, тогда могущество становится правильным. В этом случае империалисты и республиканцы должны продолжать свою борьбу до тех пор, пока один не сокрушит другого; в этом случае Державы, интересы которых находятся под угрозой из-за продолжения конфликта, также должны вмешаться и применить свою мощь, это право может быть восстановлено. Однако, если сила всегда является злом, если универсальная практика конституционных правительств в отношении меньшинств ошибочна, из этого следует, что любая сторона, отказывающаяся идти на компромисс в нынешней борьбе, также ошибочна, потому что при таком отказе полагаются на силу оружия, а не на мощь ИСТИНЫ.

"В любом случае, это ироничная непоследовательность - использовать суровый арбитраж войны для решения такого вопроса, как верховенство воли народа, по крайней мере, до тех пор, пока не будет проведено голосование и не будет получено согласие тех, кто жил в районе боевых действий, неизбежное уничтожение их собственности. Поскольку в Китае нет воинской повинности, положение солдата не нужно принимать во внимание. В настоящее время немногие говорят за многих, лидеры обеих сторон навязывают свою волю своим последователям, а массы боятся высказываться. Я не могу предположить, каким был бы вердикт о Революции, если бы каждый выслушал его в отдельности, и это никак не влияет на суть вопроса. Остается простым фактом, что тысячам людей, у которых не было возможности согласиться или протестовать, было причинено серьезное зло, и что всю оставшуюся жизнь им будет хуже, чем при самом тираническом правительстве. Если кто-то утверждает, что это "зло" было неизбежно, что Революция была жестокой необходимостью, ответ заключается в том, что она должна быть завершена как можно быстрее и воздать должное тем, кто пострадал. Каждое безответное зло, совершенное от его имени или за его счет, станет слабым местом в броне нового правительства.

"Если эти параграфы воспринимаются как простые советы по совершенствованию, они, по крайней мере, подчеркивают ужасный ущерб, который будет нанесен Праведности, если боевые действия возобновятся. Примирение, подчинение, компромисс - это основы Истины и

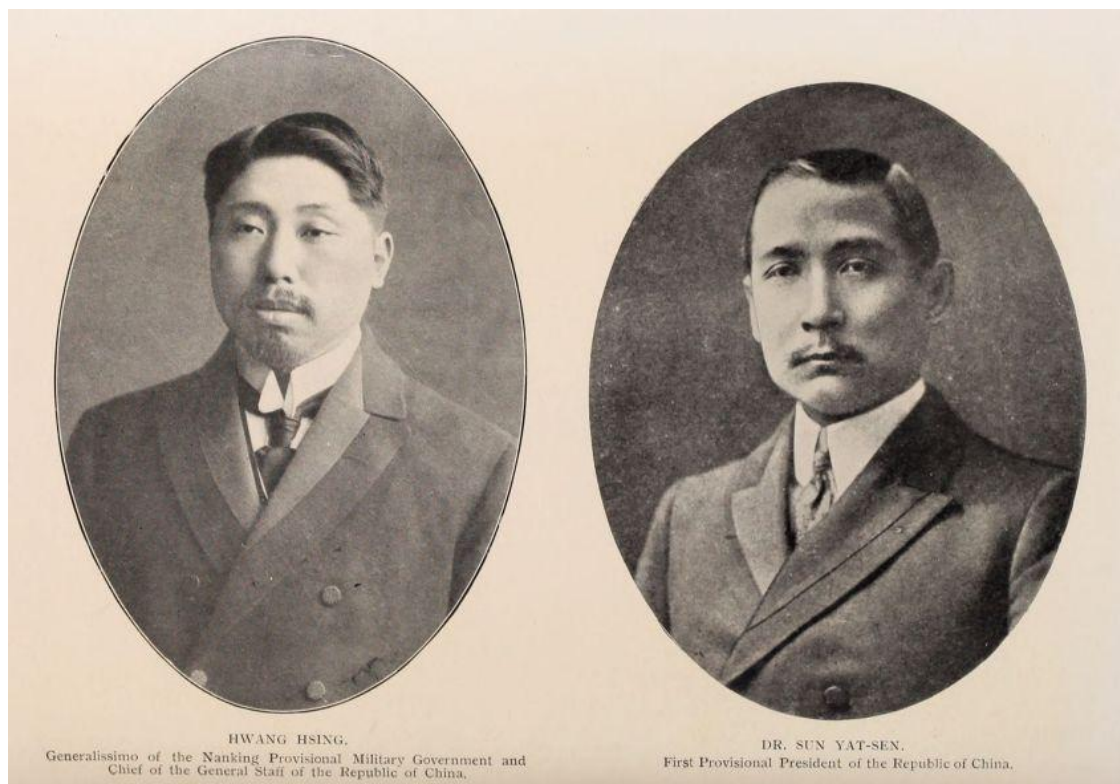
Свободы, связующие силы общества повсюду. Это не сила, а слабость, которая отказывается отклоняться от принятой позиции. Самые храбрые люди не боятся непоследовательности. Как говорит Майкл Вуд: "Смирение - это сила Божья: сила всего, что стоит иметь. Оно не унижает: оно сильно. Это видение истины: это правильное понимание ваших ценностей. Это знание того, что важно, а что - мусор, который следует выбросить". Или, как выразился Якоб Беме: "Тот, для кого Вечность - такое же Время, как и Время, как Вечность, свободен от всякой борьбы". Одним словом, демократия может преуспеть только там, где все люди - аристократы, и сейчас настало время лидерам обеих сторон доказать свой аристократизм и свою пригодность к правлению, изящно уступая друг другу. Китай всегда подавал миру пример в этом конкретном вопросе. Он, несомненно, не потерпит неудачу накануне того, что, несомненно, станет самой славной главой его незабываемой истории".

[Примечание переписчика: эта страница была полностью занята частью сноски 1, которая теперь целиком находится на странице 196.]

[Примечание переписчика: эта страница была полностью занята частью сноски 1, которая теперь целиком находится на странице 196.]

[Примечание переписчика: эта страница была полностью занята частью сноски 1, которая теперь целиком находится на странице 196.]

[Примечание переписчика: эта страница была полностью занята частью сноски 1, которая теперь целиком находится на странице 196.]

ХВАН СИН.

Генералиссимус Временного военного правительства Нанкина
и начальник Генерального штаба Китайской Республики.

ДОКТОР СУНЬ ЯТСЕН.

Первый временный президент Китайской Республики.

ГЛАВА XIV

ПРИХОД СУНЬ ЯТСЕНА

Сунь Ятсен на протяжении многих лет был известен во всем мире как самый эффективный революционер, когда-либо созданный Китаем. В течение многих лет он был лидером революционного движения среди китайцев за рубежом, и его жизнь была практически посвящена путешествиям по зарубежным странам, информированию своих соотечественников в изгнании о последних политических событиях в Китае.

Во время Мирной конференции ситуация стала настолько напряженной, было так много сторон, которые искренне стремились взять власть в свои руки — вероятно, из лучших побуждений, — что казалось необходимым, чтобы один сильный человек безопасно пришел руководить революционным делом. Этим сильным человеком был доктор Сунь Ятсен. В день начала Конференции стало известно, что Сунь Ятсен находится в Сингапуре. В течение многих дней люди искали его, и особенно в Шанхае (где он был наиболее известен) открыто выражалось разочарование из-за его неявки. Казалось, что сейчас, в тот момент, когда он мог принести своей стране наибольшую пользу, он был полон решимости держаться подальше. Однако после того, как Конференция закончилась, прибыл Сун, и люди сразу же приняли его близко к сердцу, узнав в нем единственного человека, который теперь будет достаточно силен, чтобы создать стабильное правительство.

Суна нельзя назвать типичным китайцем; он типичный и чрезвычайно способный китаец новой школы. Большую часть своей жизни он прожил за границей, и с самых ранних лет, когда в Кантоне он вместе со своими родителями-христианами посещал Лондонскую миссию, постоянно находился в тесном контакте с людьми и вещами за границей. Как уже было сказано, практически всю свою жизнь, но особенно с 1895 года, Сунь считался самым активным революционером среди китайцев. Он неоднократно спасался от рук китайского правительства. Долгие годы он был изгнан, и за его головой постоянно охотились. Его освобождение было чудесным. Газетчики всего мира постоянно брали интервью у Сана во время его странствий, и создается впечатление, что о президенте Сане известно так много, что ничего общего добавлять здесь не нужно. Будет интереснее перейти к тому, что скажет доктор Сан в замечательно хорошо написанной истории о причине, по которой его страна охвачена восстанием.^[1]

"Заговор, в котором я принимал участие как руководитель в Кантоне в октябре 1895 года, - писал доктор Сунь Ятсен, - был одним из серии заговоров, которые в конечном итоге должны восторжествовать в установлении Конституции в нашей Империи. Весь народ Китая, за исключением имперских агентов, которые наживаются на кошельке и власти за счет безобразий, которые они способны совершать, с нами. Добрый, хорошо управляемый народ Америки не преминет понять, что китайцы, насчитывающие многие миллионы на своей земле и тысячи в изгнании, не могли питать таких чувств к своей Империи без веской причины. Над каждой провинцией стоит тот, кого англичане называли бы губернатором. Законов, как вы знаете, не существует. Губернатор каждой провинции устанавливает свои собственные законы. Воля каждого чиновника - закон. У народа нет права голоса. Закон, созданный чиновником или губернатором в своих целях, не подлежит обжалованию, каким бы несправедливым он ни был, каким бы жестоким ни был в исполнении. Эти губернаторы повсеместно преследуют людей и богатеют, втискивая их всех в нищету. Налоги, в понимании американцев, неизвестны. Мы платим только земельный налог, но губернаторы и чиновники отбирают деньги у масс с помощью бесчисленных систем вымогательства. Каждый раз, когда губернатор, магистрат или главный чиновник берет на себя руководство округом, первое, что он делает, - это выясняет, кто из них богат, кто благосклонно настроен по отношению к нему, а кто против него. Сначала он выбирает одного из тех, кто, как у него есть основания полагать, ему не нравится, заставляет одного из тех, кто на его стороне, выдвинуть уголовное обвинение против выбранного человека и арестовывает его по обвинению, которое неизменно ложно. Губернатор обогащается на

каждом конкретном случае, поскольку единственный известный ему закон - это закон Династии, дающий ему право присваивать себе столько, сколько ему заблагорассудится, обычно все имущество каждого человека, которого он арестовывает и наказывает. Арестованный не имеет права на апелляцию. У него нет адвокатов. Его не слушают. Заслушаны только его обвинители. Затем его подвергают варварским пыткам, чтобы заставить признаться в вине, о которой он не подозревает.

"Ужасная несправедливость этой процедуры проявляется в том, что магистрат или старший чиновник никогда не применяет такое наказание к лицам, пользующимся имперским влиянием. И все же любой человек, имеющий влияние на магистрата или каким-либо образом являющийся его приспешником, может по собственной воле арестовать любого человека, на которого у него есть претензии, выбрать для этой цели любое преступление, которое ему заблагорассудится назвать, притащить этого человека к магистрату, обвинить его и потребовать, чтобы он был наказан. И снова у обвиняемого нет ни апелляции, ни защиты. Ему просто предъявляют обвинение, и если он его отрицает, его подвергают пыткам на три дня. Если по истечении трех дней обвиняемый отказывается признать себя виновным, ему назначается суровое наказание в соответствии с влиянием обвинителя и необходимостью, которую магистрат ощущает в его умиротворении. Наказанием за каждое инкриминируемое преступление, от мелкого воровства и выше, почти неизменно является обезглавливание. Обезглавливание экономит тюремные расходы и фактически заставляет обвиняемого замолчать. Мандарины так отчужденно держатся от народа, что многие обычно ничего не знают об этой ужасной работе офицеров Династии, и когда им рассказывают об этом, отказываются верить. Некоторые мандарины отказываются верить из страха навлечь на себя неудовольствие офицеров. Несчастные массы слишком хорошо знают правду. Умные, наиболее просвещенные знают об этом. Изгнанники во всех других частях света знают об этом. Ожесточенная ненависть к Династии и имперским офицерам царит в каждой провинции Империи. В Империи существует великая демократия, ожидающая и молящаяся о том моменте, когда их организация станет эффективной, а Династия будет свергнута и заменена конституционным правительством.

"Наш заговор с целью захвата Кантона провалился, но мы полны надежды. Наша величайшая надежда состоит в том, чтобы сделать Библию и образование, с которыми мы познакомились, проживая в Америке и Европе, средствами донесения до наших несчастных соотечественников того, какие благословения могут заключаться в справедливых законах, какое облегчение от их страданий можно найти в цивилизации. Мы намерены испытать все средства, которые в наших силах, чтобы захватить страну и создать правительство без кровопролития. Я думаю, что так и будет, но если я обречен на разочарование в этом, то в войне нет такого механизма, который мы могли бы призвать себе на помощь, который мы не решились бы использовать. Наши четыреста миллионов должны и будут освобождены от жестокой тирании варварского произвола и обретут благословения контроля со стороны милосердного, справедливого правительства, благодаря искусству цивилизации.

"Заговор в Кантоне, хотя и провалился, был лишь кратковременным отпором и никоим образом не охладил нашего пыла. Краткая история заговора и моих собственных приключений, связанных с ним, может дать некоторое представление о трудностях, которые все еще стоят перед нами, но которые, как мы знаем, мы в свое время преодолеем. У нас есть глава, вождь и группа лидеров, все серьезные, умные, мужественные люди. Они были избраны в соответствии с конституционными принципами нашей группой, которая собиралась, по необходимости,

тайно. У нас есть отделение нашего Общества в каждой провинции. Наши встречи лидеров проводились в разных домах, место встречи постоянно менялось. У нас было от тридцати до сорока центров в районах города, члены которых были готовы в любой момент прибыть в количестве не менее тысячи человек в каждом центре, чтобы взять под контроль общественные дела округа. Связь с каждым из этих округов осуществлялась с помощью курьеров. Наши сообщения передавались из уст в уста. В наши намерения не входило нападать на отдельных людей.

"Нет ни правительства, ни организации, ни правовой системы, ни какой-либо формы официального контроля, кроме влиятельных граждан, которые, пользуясь благосклонностью магистрата или губернатора провинции, узурпируют использование имперских комиссаров и солдат для осуществления своей варварской тирании. У нас не было никакого руководящего органа, чиновников или должностных лиц, как такие институты понимаются европейцами, чтобы их захватывать. У нас были избранные органы из наших последователей, которых обучили системе конституционного правления для каждого округа, все они были готовы вступить в должность по данному сигналу и применить систему на практике. Солдаты были готовы присоединиться к нам. Ибо солдаты так же сильно страдают от тирании, как и бедные массы.

Итак, в этом заключается наша главная трудность. Совершить революцию в Китае было бы легко, если бы не одно обстоятельство — огромная трудность в контроле над гражданами. Люди, никогда не знавшие законов, никогда не привыкшие к какой-либо надлежащей дисциплине, совершенно деморализованы. Жизнь и имущество масс окажутся в опасности в тот момент, когда они придут в возбуждение. От солдат, которые принадлежат к самому деградировавшему классу, мы ожидали неприятностей. Они, несомненно, занялись бы мародерством в тот момент, когда обнаружили бы изменение в порядке вещей.

"Единственная проблема, которую нам нужно было решить, чтобы добиться полного успеха, заключалась в том, как контролировать людей, чтобы обеспечить определенный порядок одновременно с установлением формы правления, и как сдерживать волнение и возмущение жителей, пока их учили осознавать тот факт, что долгожданная тирания была преодолена. В течение нескольких месяцев мы усердно работали, завершая наши планы с этой целью, и дело дошло до того, что у каждого из тридцати с лишним лидеров была вооруженная охрана из ста человек. Это дало нам три тысячи вооруженных людей на месте. В определенный день к нам должны были присоединиться еще три тысячи человек из другой провинции. С этим отрядом вооруженных людей, не для того, чтобы нападать на каких-либо чиновников, а для того, чтобы контролировать массы людей и заставлять их подчиняться нашим конституционным законам, мы бы за несколько часов достигли династии бессилия.

К несчастью, нам приходилось бороться с возможностью нелояльности среди наших собственных последователей. Так велик страх перед камерой пыток. Во множество притоков вливается основной поток коррупции. Однако все было подготовлено. Была назначена дата - один из дней октября 1895 года. Мы, лидеры, встретились, чтобы получить телеграмму от нашего агента в Гонконге, который должен был сообщить нам, что все было в порядке в тот момент, когда он узнал, что три тысячи человек выступили нам на помощь. В то же время он должен был отправить зафрахтованный пароход вверх по реке Кантон, груженный оружием для трех тысяч человек, которые должны были управлять народом и поддерживать порядок, и взять с собой семьсот кули для сбора и переноски - работы рабочих, необходимой для осуществления

плана создания нашего правительства. Мы встретились на randevу в Кантоне, бегуны и все, кто был под рукой. Пришло сообщение, что все в порядке. Мы разослали наших связных, чтобы все были готовы во всех центрах, сожгли наши бумаги, и начали разделяться на подразделения, каждое для выполнения своей части революции. За мгновение до того, как мы распустились, пришло второе сообщение, в котором говорилось: "Что-то случилось, три тысячи человек не могут прийти". Наши гонцы отсутствовали, их нельзя было догнать и отозвать. Мы должны были положиться на благоразумие центров в ожидании людей. Единственное, что мы могли сделать на данный момент, чтобы отвести подозрения, - это телеграфировать нашему агенту в Гонконге, чтобы он не пускал кули. Он неправильно понял. Прибыли кули. Их никто не принял. Они бродили по округе, не зная, зачем они в Кантоне.

Итак, заговор был сорван. Гонцы обвинили народ и распустили языки. Вице-королю сказали: "Что-то должно произойти". Он не поверил своему информатору, и все могло бы успокоиться, но прибытие кули подтвердило эту информацию. Правительство так и не приступило к работе. Имперский комиссар и его сотрудники устроили охоту на несчастных кули, и многие из них были обезглавлены. Наши лидеры рассеялись; многие бежали в глубь страны. Комиссар и имперская гвардия искали лидеров. Они схватили и обезглавили шестнадцать человек, только семеро из которых имели какое-либо отношение к движению. Остальные были жильцами домов, где, как предполагалось, некоторые из нас встречались. Все лидеры сбежали. Я сел на свой собственный паровой катер и поплыл в Гонконг, где пробыл неделю. Имперские офицеры искали меня, и я несколько раз проходил мимо них на улице, но они меня не узнавали. В конце недели, в течение которой я принимал меры к тому, чтобы моя семья, моя жена, дети и моя мать, последовали за мной, я ступил на борт парохода на глазах у моих глупых преследователей, и они меня не заметили. Когда я прибыл в Лондон, меня впервые схватили после того, как я целый год преследовался по всему миру. Но в этом не было вины английского народа. Действительно, благородство, с которым английский народ пришел мне на помощь и спас меня от смерти, на которую я, несомненно, был обречен, заставляет нас проливать слезы благодарности.

"Спасая мою жизнь, английский народ заслужил любовь каждого из миллионов наших людей, с которыми жестоко обращались, и укрепил нашу надежду на то, что в скором времени мы насладимся благословением справедливого правительства, подобного тому, которое сделало вашу могущественную нацию такой великой и такой доброй".

Английские друзья по этому поводу предупредили его держаться подальше от Китайской миссии, поскольку там он технически окажется на китайской земле и может быть арестован, но эти друзья либо забыли сообщить доктору Суну, где находится Миссия, либо он забыл указания, которые они ему дали. Как бы то ни было, однажды, когда он шел по одной улице, к нему подошли два китайца. Они попросили его пройти с ними в их квартиру, где они могли бы обсудить революцию у себя дома. Когда он возразил, они схватили его и втолкнули в дверь ближайшего дома. Это была китайская дипломатическая миссия.

Белый человек, которым оказался сэр Холлидей Макартни, английский секретарь Дипломатической миссии, сообщил Sun, что он арестован и что его тайно вывезут из Лондона обратно в Кантон. Заключенный был заперт в комнате на верхнем этаже Посольства до тех пор, пока не будут приняты меры для официального похищения. Доктор Сан попытался выбросить из окна послания, утяжеленные монетами, но одно из них было подобрано одним из служащих Посольства и показано министру, а окна были заколочены.

В своем отчаянии Сун сумел подкупить слугу-англичанина, чтобы тот передал сообщение о его бедственном положении доктору Кантли, одному из его друзей. Доктор Кэнтли передал дело правительству, которое немедленно приняло меры. Здание было окружено детективами и полицейскими так плотно, что заключенного невозможно было переправить на пароход. Наконец, видя, что удерживать его дольше бесполезно, китайский министр отпустил Сана.

Нервный маленький доктор вернулся на Дальний Восток и начал вынашивать новую Революцию против своих врагов.

На этот раз он оперировал из Японии. Но из-за того, что он не был до конца разбирающимся в некоторых вопросах японской деловой политики, некто Накимура обманом лишил его всех средств, которые он собрал на покупку оружия.

Он покинул Японию и уехал жить в Сингапур. Он снова проскользнул в Китай и поднял новое восстание. Это тоже было несвоевременным, и многие патриоты лишились голов под тяжелым клинком палача.

Доктору Сану удалось проскользнуть через нижнюю границу в Аннам, переодевшись слепым нищим. Едва он пересек границу, как начал все сначала, кочуя из одной китайской колонии в другую в Аннаме, в Тонгкине, в поселениях Пролива, на Филиппинах — всегда проповедуя революцию.

В 1898 году Кан Юйвэй, один из реформаторов, с которыми Сун был в союзе, слишком быстро продвинулся в своих попытках завоевать расположение марионеточного императора, был, как говорили, предан Юань Шихкаем и вынужден был бежать, чтобы спасти свою голову. Затем вдовствующая императрица наложила тяжелую руку на всех реформаторов в пределах досягаемости. Солнце снова скрылось. После боксерского восстания, которое вовсе не было делом рук Суна и полностью не сочувствовало его планам, вдовствующая императрица, казалось, поддалась общему настроению в отношении реформ, и она пообещала Китаю многое, что вселило надежды в новые элементы. Но, как и на большинство маньчжурских обещаний, на них нельзя было положиться.

БУРЕНИЕ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

Вернувшись в Америку, Сан добавил новую деталь к своей пропаганде. Он нашел молодого выпускника Стэнфордского университета Лиланда Гомера Ли, помешанного на военном деле и, кстати, энтузиаста идеи свободы для Китая. Ли был произведен в генералы кадетов-реформаторов, которые были китайской молодежью из Сан-Франциско, их обмундировали и вооружили, и их ночь за ночью учили ходить с сеном и соломой в арендованных залах.

Идея распространилась на другие города Соединенных Штатов и в Манилу. Кадеты-реформаторы стали широко распространенной организацией. Для их обучения были наняты американские бурильщики; они практиковались в стрельбе по мишеням и проводили показательные тренировки.

В Сан-Франциско агенты китайского правительства однажды попытались убедить власти города и штата распустить организацию, потому что технически это была вооруженная банда иностранцев на американской земле. Попытка не увенчалась успехом.

Таков был человек, который, возможно, еще станет величайшим человеком среди китайцев в своей собственной стране, каким он был за ее пределами. В свое время доктор Сунь Ятсен был провозглашен президентом, а в Нанкине было сформировано временное правительство.

Сунь Ятсен, революционер в самой консервативной стране под небесами, пятнадцать лет скрывавшийся от самых пронизательных и безжалостных преследователей, скрытый дух странных тайных обществ, разветвления которых проложили кротовые следы по всем землям, где есть китайцы, - этот человек теперь президент Китайской Республики по указу Временного военного собрания в Нанкине.

Из подземных ходов заговора и интриги, природу которых ни один житель Запада не мог надеяться понять, и через которые этот жилистый маленький человечек пробирался более дюжины лет, внезапно выскакивает новая национальная фигура, привлекающая внимание всего мира. В прошедшие годы мир время от времени видел круглую черную голову и узкие, аскетичные черты этого доктора Сан, то в Сингапуре, то в Лондоне, то в Сан-Франциско.

В мировых новостях были небольшие заметки об агитаторе, радикале, который, казалось, бросал соломинки в неприступной цитадели маньчжурского клана в Пекине. Революция началась в Китае, и даже тогда, когда с ней было связано имя Сунь Ятсена, люди за пределами Китая отпускали шутки о мошеннике, шарлатане, который пытался извлечь выгоду из беспорядков дома для своей собственной выгоды.

Затем в течение ночи в Китае произошли события. На следующее утро за завтраком мир узнал, что из сумятицы и шума революции в старом Китае восстал лидер, чтобы опоясать древнюю страну новыми доспехами правления. И также стало очевидно, что Революция, начавшаяся согласованными движениями в сердце Китая и распространившаяся со скоростью порохового погреба, и маленький человечек, который столько лет увивал и изворачивался в мире, были тесно связаны - необычайно тесно.

Сунь Ятсен начал много революций. Каждая из них была сильнее предыдущей; каждая достигла немного большего. Последний, к которому стремились и который был спланирован по еще неизвестным каналам, увенчался успехом. Сунь Ятсен был человеком часа в Китае.

Станным обстоятельством, придающим дополнительный оттенок романтики истории его жизни, является то, что, хотя он и является президентом объединенного Китая, за его голову по-прежнему назначена награда в размере около 700 000 таэлей. Награды за его голову, предложенные правительствами провинций и центральными властями Пекина в течение последних пятнадцати лет, не были отозваны, хотя выплата по факту доставки может быть сомнительной.

Однако тот факт, что его голова стоила сотни серебряных "башмаков" в течение всех последних лет его деятельности, был одним из самых легких испытаний, выпавших на долю доктора. Солнце всегда было на его узких плечах. Он сильно рисковал, очевидно, он много раз был на волосок от смерти, но он выстоял.

Я полагаю, что в молодости он изучал медицину под присмотром английского врача в Гонконге. Оттуда он отправился в Англию и после учебы в подготовительной школе окончил медицинский колледж и вернулся в Китай. Он практиковал новую медицину, против которой у китайцев в Макао, Кантоне и Гонконге существовало сильное предубеждение.

Доктору Сану сейчас сорок три, ему было едва ли больше двадцати пяти, когда он начал бороться за распространение революционного духа в сердцах своих соотечественников. С чего именно он начинал и с какого материала, не знает никто, кроме самых близких его сотрудников.

Похоже, что его первой идеей была реформа мирными средствами, если бы китайский народ мог преодолеть ревнивый консерватизм маньчжурских хозяев. С этой целью маленький доктор начал организовывать клубы передовых мыслителей среди молодых китайцев юга.

В течение некоторого времени в начале 1912 года все, казалось, шло довольно гладко, и президенту Сунь, казалось, удалось завоевать доверие Юань Шихкая, когда, подобно гром среди ясного неба, мировая пресса (особенно лондонская *Times*) осудила одно из посланий Сунь Юаня. Это укрепило имперское дело. Отречение Двора, которое было определено зафиксировано, не состоялось. Несколько маньчжурских принцев отказались убраться восвояси, и в течение многих дней сложная ситуация в Пекине, Шанхае, Нанкине и Учане не позволяла предвидеть, чем все закончится.

Суд, однако, отрекся от престола и оставил все как есть. В течение следующих трех месяцев в Пекине царила непрерывная суматоха, а в марте 1912 года в столице царил большой переполох — солдаты вырвались на свободу, было много грабежей, Юань Шихкай, казалось, полностью проиграл ситуацию, и вся страна, казалось, была потеряна. Юань Шихкай тем временем был провозглашен президентом, доктор Сунь изящно отказался от участия в его пользу. Состоялась большая дискуссия по поводу места для столицы, и как раз в тот момент, когда Юань собирался приехать в Нанкин, чтобы уладить дела, вспышка в Пекине положила конец всему делу. Но это была лишь одна из политических проблем. Одни приспособились, другие нет. Денег не хватало. Солдаты, которым не платили, взяли закон в свои руки и мародерствовали в огромных масштабах. Бандиты восстали с огромной силой. Чиновничество подвергалось злоупотреблениям. Обезглавливания были повсеместны. До конца марта внутренние районы Китая были лишены всякого закона и порядка. В прибрежных районах и крупных городах, где порядок было довольно легко поддерживать, чиновники были заняты разработкой законов и реформ. Но пока в одних местах проводились реформы, в других царил абсолютный хаос. Старый порядок был разрушен, и на его месте не было ничего лучшего.

Но дать правильную всеобъемлющую оценку того, что делалось, безнадежно. Все, что мы знали, это то, что Китай менялся — в одних местах к худшему, в других к лучшему, но менялся безвозвратно, и только при окончательном балансировании можно было увидеть, как все должно было "получиться".

10 марта 1912 года Юань Шихкай принес присягу, которая гласила следующее:—

"С тех пор, как была создана Республика, теперь предстоит выполнить много работ. Я буду добросовестно стремиться развивать Республику, устранить недостатки, присущие абсолютной монархии, соблюдать законы Конституции, повышать благосостояние страны, спланировать сильную нацию, которая охватит все пять рас. Когда Национальное собрание изберет постоянного президента, я уйду в отставку. В этом я клянусь перед Китайской Республикой".

Ниже приводится подробное изложение условий Временной республиканской конституции в переводе с китайского:

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ ПРОВИНЦИИ.

Глава 1. Общие положения.

Статья 1. Китайская Республика учреждена народом Китая.

Статья 2. Суверенитет Китайской Республики принадлежит всему народу.

Статья 3. Территория Китайской Республики состоит из двадцати двух провинций, Внутренней и Внешней Монголии, Тибета и Коконора.

Статья 4. Китайская Республика осуществляет свои права на управление через Национальное собрание, Временного президента, государственных министров и суды.

Глава II. Люди.

Статья 5. К народу Китайской Республики будет равное отношение без какого—либо различия расы, класса или религии.

Статья 6. Народ будет пользоваться следующими свободами:—

1. Ни один гражданин не может быть арестован, заключен под стражу, привлечен к суду или наказан иначе, как в соответствии с законом.
2. В жилище любого лица можно войти или произвести обыск только в соответствии с законом.
3. Люди имеют свободу владения собственностью и торговли.
4. Люди имеют свободу обсуждения, авторства, публикаций, собраний и создания обществ.
5. Люди имеют право хранить письма в тайне.
6. Люди имеют свободу передвижения.
7. Люди имеют свободу вероисповедания.

Статья 7. Люди имеют право обращаться с петициями к Собранию.

Статья 8. Люди имеют право обращаться с петициями в административные органы.

Статья 9. Люди имеют право на судебное разбирательство в законных судах.

Статья 10. Граждане имеют право обжаловать в Суде по административным спорам любые действия должностных лиц, которые незаконно нарушили их права.

Статья 11. Люди имеют право пройти проверку, чтобы стать должностными лицами.

Статья 12. Люди имеют право избирать и быть избранными в представительные собрания.

Статья 13. Люди обязаны платить налоги в соответствии с законом.

Статья 14. Люди обязаны служить в армии в соответствии с законом.

Статья 15. Права людей, перечисленные в настоящей главе, могут быть ограничены в соответствии с надлежащей правовой процедурой в общественных интересах, или для поддержания порядка и мира, или по другой неотложной необходимости.

Глава III. Национальное собрание.

(Цанъюань.)

Статья 16. Законодательные функции Китайской Республики осуществляются Национальным собранием или Цанъюань.

Статья 17.—Национальное собрание формируется из членов Цанъюаня, избираемых по различным округам, как предусмотрено в статье 18.

Статья 18.— Будут избраны пять членов от каждой провинции, Внутренней Монголии, Внешней Монголии и Тибета и один член от Коконора. Порядок проведения выборов будет определен каждым округом. Во время заседания Национального собрания каждый депутат имеет один голос.

Статья 19. Официальные права Национального собрания заключаются в следующем:—

1. Устанавливать все законы.
2. Определять бюджеты и сводить счета Временного правительства.
3. Определять меры налогообложения, денежную систему и единые меры веса.
4. Определять сумму государственного займа и соглашения, влекущие за собой какие-либо обязательства Государственной казны.
5. Утвердить положения, упомянутые в статьях 34, 35 и 40.
6. Отвечать на любые вопросы, переданные на решение Временному правительству.
7. Принимать обращения народа.
8. Выражать мнения и представлять их Правительству относительно законов и других вопросов.

9. Задавать вопросы государственным министрам и требовать их присутствия на Собрании для ответа.

10. Потребовать от Временного правительства расследования случаев получения взяток или других незаконных действий должностных лиц Правительства.

11. Национальное собрание может объявить импичмент Временному президенту, если он признан виновным в предательстве, голосованием трех четвертей присутствующих членов при кворуме в четыре пятых от общего числа членов.

12. Национальное собрание может объявить импичмент любому из государственных министров, если будет признано, что они не выполняли свои официальные обязанности или действовали незаконно, по решению двух третей присутствующих членов при кворуме в три четверти от общего числа членов.

Статья 20. Национальное собрание может проводить свои заседания по собственной инициативе и может определять даты их открытия и закрытия.

Статья 21. Заседания Национального собрания будут открыты для публики, но по требованию любого государственного министра или в случае решения большинства заседание может проводиться при закрытых дверях.

Статья 22. Вопросы, принятые Национальным собранием, обнародуются и осуществляются Временным президентом.

Статья 23. Когда Временный президент использует свое право вето против решения Национального собрания, его причины должны быть объявлены в течение десяти дней, и вопрос должен быть передан Национальному собранию для дальнейшего обсуждения. Если две трети присутствующих членов повторно подтверждают прежнее решение, то это решение приводится в исполнение в соответствии со статьей 22.

Статья 24. Спикер Национального собрания избирается открытым голосованием членов, и если голосование наберет половину от общего числа голосов, он объявляется избранным.

Статья 25. Члены Национального собрания не несут ответственности перед посторонними за выступления и решения, принятые на Собрании.

Статья 26.—За исключением грубых правонарушений или во время внутренних беспорядков или иностранного вторжения, члены Ассамблеи не могут быть арестованы во время сессии без согласия Ассамблеи.

Статья 27. Регламент Национальной ассамблеи определяется самой Национальной ассамблеей.

Статья 28. Национальное собрание распускается с созданием Национального собрания, которое унаследует все права Национального собрания.

Глава IV. Временный президент и вице—президент.

Статья 29. Временные президент и вице—президент избираются Национальной ассамблеей путем голосования двух третей присутствующих членов при кворуме в три четверти от общего числа.

Статья 30. Временный президент представляет Временное правительство, контролирует политические дела и промульгирует законы.

Статья 31. Временный президент исполняет законы и издает распоряжения, санкционированные законом, и обнародует такие распоряжения.

Статья 32. Временный президент контролирует Военно—морской флот и армию всей страны и командует ими.

Статья 33.—Решение об официальной организации и дисциплине принимает Временный президент, но оно должно быть одобрено Национальным собранием.

Статья 34. Временный президент уполномочен назначать и увольнять гражданских и военных чиновников. Однако государственные министры, послы и министры, аккредитованные при иностранных державах, должны быть утверждены Национальным собранием.

Статья 35. Временный президент объявляет войну, ведет переговоры о мире и заключает международные договоры с одобрения Национальной ассамблеи.

Статья 36. Временный президент объявляет военное положение в соответствии с законом.

Статья 37. Временный президент представляет всю страну на приеме послов и министров иностранных государств.

Статья 38. Временный президент представляет законопроекты Национальному собранию.

Статья 39. Временный президент присуждает награды и другие почетные звания.

Статья 40. Временный президент объявляет всеобщую амнистию, специальную амнистию, смягчение наказания и реабилитацию; всеобщая амнистия требует одобрения Национальной ассамблеи.

Статья 41.—В случае, если Национальное собрание объявит импичмент временному президенту, судьи высшей судебной палаты изберут девять судей для организации специального трибунала для рассмотрения дела.

Статья 42. Временный вице—президент исполняет обязанности временного президента в случае смерти Временного президента или неспособности выполнять свои обязанности.

Глава V. Государственные министры.

Статья 43. Премьер—министр и министры департаментов называются государственными министрами.

Статья 44. Государственные министры помогают временному президенту и разделяют ответственность.

Статья 45. Государственные министры подписывают предложенные законопроекты, предложенные законы, промульгированные законы и распоряжения Временного президента.

Статья 46. Государственные министры и их заместители присутствуют в Национальном собрании и выступают в нем.

Статья 47. Когда Национальное собрание объявляет импичмент какому—либо государственному министру, Временный президент должен отправить его в отставку, но дело может быть повторно рассмотрено Национальным собранием по просьбе Временного президента.

Глава VI. Суды общей юрисдикции.

Статья 48. Суды состоят из судей, назначаемых временным президентом и министром юстиции. Организация судов и квалификация судей будут определяться законом.

Статья 49. Суды будут рассматривать и разрешать дела гражданского и уголовного судопроизводства в соответствии с законом. Однако административные судебные разбирательства и другие специальные судебные разбирательства будут предусмотрены специальными законами.

Статья 50. Судебные процессы и постановления Судов будут открыты для публики, но дела, которые считаются противоречащими миру и порядку, могут рассматриваться *при закрытых дверях*.

Статья 51. Вышестоящие должностные лица никогда не будут допускать вмешательства в работу судей ни во время судебного разбирательства, ни при вынесении решения, поскольку судьи независимы.

Статья 52.—Пока судья занимает свой пост, его заработная плата не может быть уменьшена, а его функции не могут быть переданы другому лицу. За исключением случаев, предусмотренных законом, он не может быть наказан, уволен или отправлен на пенсию. Порядок отстранения судей от должности будет установлен специальным законом.

Глава VII. Приложение.

Статья 53. В течение десяти месяцев с даты вступления в силу настоящего закона Временный президент должен созвать Национальный съезд. Организация и меры по избранию такого Национального собрания будут определены Национальным собранием.

Статья 54. Конституция Китайской Республики будет принята указанным Национальным собранием, и до вступления указанной Конституции в силу этот закон будет иметь ту же силу, что и Конституция.

Статья 55. Настоящий закон будет дополнен или пересмотрен тремя четвертями членов Национального собрания, присутствующих при кворуме в две трети от общего числа, или тремя четвертями членов, присутствующих при кворуме в четыре пятых от общего числа, когда то же самое предложит Временный президент.

Статья 56.—Настоящий закон вступает в силу с момента его опубликования, и действующие в настоящее время правила временного правительства будут отменены с вступлением в силу настоящего закона.

Признание Властей происходило медленно. Фанатики-республиканцы громко кричали, а якобы субсидируемая пресса все еще приводила аргументы "за" и "против" национальной аргументации. Однако со временем, с приходом Юаня на пост президента, правительство продолжило попытки раздобыть деньги. Читатель, вероятно, знает реальные последствия, поскольку они затронули Запад на международном уровне. Однако по-прежнему было две партии, одну возглавлял Сунь, другую - Юань. Юань Шихкай был человеком, отлитым по образцу, совершенно отличающемуся от Сунь. Прежде чем мы перейдем к его общему биографическому очерку, представленному в следующей главе, интересно отметить, насколько он был интересен людям самим по себе. Следующее из частного письма, опубликованного в Нью—Йорке, взято из американской ежедневной газеты: -

"В 1884 году, когда я отправился в Китай, Юань как раз сменил маньчжурского генерала, командовавшего китайскими войсками, направленными в Сеул после смуты 1882 года. Он изгнал японцев из Кореи после войны 1884 года, а 3 октября 1885 года, после визита к своему покровителю Ли Хунг-Чангу, он вернулся в Сеул в качестве полноправного представителя Китая, присвоив себе титул "Резидент" в том смысле, в каком этот титул используется британцами в Индии, подразумевая сюзеренитет Китая.

"Юань был необразован даже для китайца. Он вообще не знал английского. Корея - это самое далекое место, на которое он когда-либо отваживался за границей, но десять лет, проведенные там, были для него очень ценной школой.

"В мое время он был просто большим, brutальным, чувственным, бесшабашным китайцем. Обладая огромной властью, он часто отрубал головы китайским игрокам и другим людям, и я был невольным свидетелем некоторых из этих его уличных развлечений. Он заключал в тюрьму корейских джентльменов, которые возражали против расставания со своими родовыми поместьями, чтобы их можно было использовать для расширения дворцовой миссии Юаня. Он не позволил врачу спасти жизнь одному из его солдат в бою, ампутировав ему руку, сказав: "Какая польза от однорукого солдата?" Тем не менее, он оставил на пенсии другого солдата, чья

жизнь была спасена, но который был бесполезен как солдат. Он был чрезвычайно быстр, совершенно бесстрашен, очень опрометчив, но при этом склонен консультироваться с Таном и другими и поэтому склонен быть разумным. Он был совершенно беспринципен, но абсолютно верен и предан своему покровителю и в значительной степени своим друзьям. Он пожертвовал бы врагом или тем, кто встал бы у него на пути, но в то же время с готовностью пожертвовал бы собой ради своего покровителя.

"Никто не понимает значения термина "высокомерие", кто не знал Юаня в те 1884-94 годы. Он был олицетворением высокомерия. Он не стал бы встречаться или общаться с министрами других держав, если бы ему не было позволено занять что-то вроде трона и "принимать" их, как если бы они были посланниками вассалов. На корейских государственных обедах он всегда занимал изножье (один конец) стола, которое затем становилось главой".

[1] *China Press*, Шанхай, 8 декабря 1911г.

ГЛАВА XV

ОТСТАВКА ЮАНЬ Шихкая

Возможно, единственным человеком в Китае, на которого больше всего произвела впечатление полная неспособность четырехсот миллионов китайцев противостоять сорока миллионам японцев, был китаец, проживающий в Сеуле. Ранее командовавший китайскими войсками в Корее, он был назначен представителем Китая при Дворе того, кто так скоро должен был скончаться. Это столкновение нового и старого, этот полный крах слабого сопротивления, оказанного гордыми имперскими войсками дисциплинированной современной армии Японии, убедили Резидента в том, что Китай на грани падения, если он, подобно Японии, не сможет усвоить знания и цивилизацию Запада. Этот урок был— выражаясь китайским языком, "выгравирован в его сердце". Этим Резидентом был Юань Шихкай.

YUAN SHI-K'AI.

Prime Minister of the Manchu Government and subsequently First President of the Provisional
Military Government of the United Republic of China.

ЮАНЬ Ши-Кай.

Премьер-министр Маньчжурского правительства, впоследствии первый президент Временного военного правительства Объединенной Китайской Республики.

С этого времени он взялся за плуг реформ. И он пропахал такую прямую борозду, ни разу не отступив от своей цели, что о нем повсюду говорили как о Юане-реформаторе. Дискредитированный японцами, забытый китайским правительством, некоторое время прозябавший в этом захолустном порту Вэньчжоу, Юань начал приходить в себя только в 1898 году. В результате личной беседы с императором Кван Сю он получил свое первое военное командование в рамках движения за реформы, став будущим вице-президентом Совета, контролирующего армейский корпус. В своем новом окружении у Юаня появилась лучшая в его жизни возможность; он доказал свое истинное величие, оказавшись на высоте положения. Начав с управления несколькими обученными по-современному солдатами, он настолько углубился в развитие идеи в своем мозгу, что результатом стала Образцовая армия Китая, и их доказанное превосходство над Современной армией Учана в боях под Ханькоу стало доказательством того, что отныне должным образом обученный, вооруженный и дисциплинированный китайский солдат является силой, с которой нужно считаться. На этом этапе своей карьеры Юань сочетал честность намерений с целеустремленностью. Он занял позицию старых "морских волков" британского военно—морского флота - он был честен со своими людьми и работал с ними. Сам честный, он следил за тем, чтобы его офицеры были честными людьми. Иностранцы аплодировали ему, и когда в 1900 году он стал губернатором Шаньдуна, весь цивилизованный мир признал, что прибыл человек, который сменит Ли Хун-чана. На этом этапе пути Юань Шихкая разошлись, и он показал миру, что даже великодушный, сильный, целеустремленный китайский государственный деятель, страстно желающий реформ в стране, все еще остается китайцем. Юань помогал молодому императору в его стремлении к реформам, но пришло время, когда военному реформатору пришлось выбирать, кому он будет служить — партии реформ и императору Кван-Су или Консервативной партии и их лидеру вдовствующей императрице.

Для достижения цели Реформы было необходимо, чтобы император получил контроль над новой Северной армией, находившейся в то время под командованием Чжун Лу, генерал-губернатора Чихли, и для получения этого контроля Чжун Лу нужно было убрать с дороги. Во время секретной беседы с императором 5-го числа 8-й луны 1898 года Юань, выслушав все детали плана императора, который включал обезглавливание Чжун Лу и захват вдовствующей императрицы с помощью армии, пообещал безоговорочное повиновение. (Он уже заверил императора в своей лояльности, если его поставят командовать войсками. "Ваш слуга, - сказал он, - постарается вознаградить императорскую милость, даже если его заслуги будут подобны капле воды в океане или песчинке в пустыне; он будет верно служить собаке или лошади, пока в его теле остается дыхание").[1]

И с горячими клятвами на устах — сразу же пошел и предал своего государя. Он был китайцем и, казалось, выбрал сторону, которая наилучшим образом послужила бы его собственным целям. Результат - дело истории. Но никогда нельзя забывать, что Юань Шихкай нанес смертельный удар, который парализовал реформаторское движение и подготовил великое унижение Китая в 1900 году.

Среди китайцев Юань стал рассматриваться как человек, имеющий сомнительные преимущества на своей стороне. Они помнят, что его произвольное ведение дел во время пребывания в Корее имело большое отношение к развязыванию этого катастрофического конфликта с Японией, они говорят о его действиях по предательству дела Реформ и указывают на тот факт, что все его великие планы рано или поздно привели к катастрофе и ввергли его страну в позор. Юань мог быть виновен в этих вещах, а мог и не быть. Стороннему наблюдателю трудно понять игру придворных интриг, в которую играли китайские дипломаты. Он не видит тех вещей, которые имеют значение, а если и видит, то считает их всего лишь второстепенными и видит их не в их истинных пропорциях. Тем не менее, когда Империю постигло бедствие, Юань держал ее сильной рукой, которая не давала стране развалиться окончательно. Со времени возвращения к власти вдовствующей императрицы и ее коррумпированного двора, контролируемого евнухами, звезда Юаня была на подъеме. Юань Шихкай, особо отмеченный в Императорском указе, который объявил всему Китаю об урегулировании боксерских проблем, получивший звание вице-короля с голубой лентой — вице—короля Чихли и Хранителя столицы Империи, награжденный орденом Желтого мундира и множеством других знаков отличия, — стал первым человеком Империи.

За ту роль, которую он сыграл в сдерживании боксерского прилива и в спасении жизней многих иностранцев, Юань пользовался уважением и восхищением дипломатических миссий в Пекине, а через них и всего цивилизованного мира.

Затем наступила осень. Автор статьи в *National Review* излагает этот вопрос кратко, но емко: "В 1908 году его превосходительство Юань отпраздновал свое пятидесятилетие. Он устроил прием и получил множество подарков, в том числе от вдовствующей императрицы и императора. Высокопоставленные чиновники Пекина соперничали друг с другом в дороговизне и редком выборе подарков, которые они делали, но некоторые из них заметно воздерживались от этих любезностей. Принц Чунь попросил отпуск на несколько дней, и, следовательно, поскольку официально его не существовало, он был избавлен от необходимости делать подарок. Инциденты, которые привели к увольнению его превосходительства Юаня, заслуживают пристального внимания. Вскоре после празднования дня рождения состоялось специальное заседание Большого Совета, на котором обсуждался вопрос о назначении преемника Его Превосходительства Кван Су. Председательствовала императрица-Ду вейджер, и, объявив, что пришло время назначить наследника престола, она заявила, что уже сделала выбор по своему усмотрению, но хотела бы посоветоваться со своими советниками. Затем принц Цзин и Юань Шихкай предложили имя принца Пу Луна или, в противном случае, принца Кунга. Вдовствующая императрица, однако, объявила, что она давным-давно по своему разумению намеревалась сделать наследником престола старшего сына принца Чуна, которого она выдала замуж за дочь Чжон Лу, в знак признания пожизненной преданности Чжон Лу ее персоне. Она выслушала мнения Совета по этому предложению, и поскольку было достигнуто общее согласие, она сделала этот свой окончательный выбор. Хотя это соглашение было общим, оно не было единодушным; его превосходительство Юань придерживался своей точки зрения на превосходящие притязания принца Пу Луна, и, если судить по прецеденту, он был прав в этих взглядах. Однако его взгляды были отвергнуты, в результате чего его Превосходительство Сюань Дун теперь правит Китаем.

Вскоре после этого скончался его превосходительство Кван Су, в чем прощальном Указе говорилось, что за страдания последних десяти лет ответственен Юань Шихкай, и еще один

человек.... "Когда придет время, я желаю, чтобы Юань был немедленно обезглавлен". Это благочестивое желание не было исполнено, но едва нынешний регент пришел к власти, как он умиловил тень своего брата, без промедления отправив в отставку своего самого способного государственного деятеля".

Юань удалился на родину, в Хэнань, и все попытки иностранных потенциальных друзей вернуть его обратно были напрасны. У Юаня, казалось, наступило время вечерних сумерек.

[1] "Китай при вдовствующей императрице", стр. 203.

ГЛАВА XVI

ОТОЗВАНА , ЧТОБЫ СПАСТИ МОНАРХИЮ

"Юань Шихкай назначен вице-королем провинций Ху Куан и будет руководить там операциями по подавлению и умиротворению. Цзэнь Чуньсуань назначен вице-королем Сычуэ и руководит мерами по подавлению и умиротворению в этой провинции. Им обоим приказано поспешить на свои посты и не возвращаться в Пекин для аудиенции".

Это голое заявление в Императорском указе, опубликованном 14 октября 1911 года — через три дня после того, как в Учане вспыхнула Революция, — поведало миру, что Суд в Пекине был *на пределе*, но всегда остер. Был один человек, который мог справиться с ситуацией, один человек, которому Северная армия могла бы помочь в конфликте с армией Юга; этим человеком был забытый Юань Шихкай. Сначала Юань отказался от предложенной чести, но впоследствии генерал Инь Чан, командовавший войсками, побеседовал с ним, и 18-го Юань официально принял назначение и двинулся на юг. Это было время, чреватое серьезными проблемами: реформатор Юань находился в тесном контакте с революционером Ли. В битве умов (а также пуль) кто окажется сильнее? Этот период жизни Юаня уже упоминался в одной из предыдущих глав книги.

10 ноября Юань Шихкай был отозван в Пекин, а пять дней спустя принял должность премьер-министра, которая несла с собой трудную задачу по умиротворению нации и созданию реформаторского правительства, которое устраивало бы большинство обеих фракций. В записи под этой датой писатель из Пекина сказал:

"Согласно информации, полученной от исключительно высокого органа власти, Юань принял определенный план действий.

Сначала он попытается выяснить настроения в стране по важнейшему вопросу, будет ли Маньчжурская династия продолжать править или будет свергнута в пользу другой формы правления. С этой целью он немедленно соберет большое количество видных и представительных людей со всех частей страны, в дополнение к тем, которые будут отобраны в соответствии с изданными вчера указами, для формирования национальной конференции. Эта конференция жителей провинций определит, действительно ли народ желает Республики или Конституционной монархии.

"Лично Юань Шихкай вполне удовлетворен Конституционной монархией со строгими ограничениями полномочий и реквизитов трона и будет использовать свое влияние для достижения этой цели. Однако он подчинится решению народа, принятому в соответствии с этим упорядоченным планом.

"Юань напряженно работал с момента своего прибытия, формируя свои силы и организуя своих сторонников. Нет никаких сомнений в том, что он чувствует себя абсолютно уверенным в поддержке всей Северной армии и ее командиров. Он также ведет переговоры с генералом Ли Юань Хунгом, с которым сейчас консультируются два специальных эmissара.

"Вчера вечером Юань достиг полного взаимопонимания с Национальным собранием. Вероятно, это было одной из причин его принятия, потому что он не хотел рисковать вызвать антагонизм в этой части. Теперь он пользуется полной и абсолютной поддержкой Ассамблеи без опасности вмешательства, если будут выполнены обещания. Каким бы ни был конечный результат его усилий, представляется несомненным, что впереди длительный период переговоров. Можно с уверенностью заявить, что правительство решило отказаться от всех агрессивных мер со стороны Пекина в ходе переговоров. Однако имперские войска, естественно, будут сражаться, если революционеры нападут на них".

С этого времени политика Юань Шихкая оставалась загадкой даже для тех, кто следил за ней наиболее пристально. Его самые ярые поклонники были озадачены. За те короткие месяцы, которые прошли с тех пор, как он снова вышел на арену, его превосходительство получил множество титулов. Поскольку он, казалось, формировал свою политику, его называли Юань-Диктатором, Юань-Исполнителем, Юань-создателем королей - китайским графом Уориком. Вполне возможно, что все это время он был верен своему идеалу, играл в единую игру, стремился только к наилучшим интересам народа и страны в целом. Во всяком случае, во всем мире было признано, что единственным человеком с сильным характером и общими лидерскими качествами в Пекине был Юань Шихкай.

Первый шаг Юаня в Пекине был проницательным, но он провалился. Его кабинет, который должен был примирить все партии, практически ушел в отставку еще до того, как был сформирован. Даже Национальное собрание оказалось бессильным что-либо делать, кроме как принимать резолюции. Первым большим триумфом премьер-министра над маньчжурами стала отставка принца-регента, который несколько лет назад так бесцеремонно отправил Юаня в отставку. История "отставки" хорошо описана в китайской прессе от 8 декабря:—

"Необъявленный эдикт вдовствующей императрицы, принимающий "отставку" принца-регента, представляет собой одно из самых драматичных событий в этом великом политическом

перевороте и показывает огромную степень, до которой элемент Реформы дошел в своей программе низложения маньчжуров. Помимо его фактической, конкретной важности, это событие представляет дополнительный интерес в связи с отношениями между Юань Ши Каем, который привел к отставке регента, и принцем-регентом. Если в облике премьер-министра есть что-то от духа мести, то сейчас он, должно быть, злорадствует, поскольку полностью победил человека, который три коротких года назад был ответственен за его увольнение с должности и унижительную отставку.

"Никто не знает — по крайней мере, никто не скажет, — как именно произошло это великое событие. Однако, похоже, что Юань Шихкай работал над этим в течение нескольких недель. Принц Чинг решительно поддержал его, и эти двое сказали как самому регенту, так и вдовствующей императрице, что отставка регента необходима для урегулирования нынешнего беспокойного состояния Империи. Принц-регент неохотно, но в конце концов уступил требованию, и отныне он полностью отойдет от общественной жизни. Юань Шихкай и его последователи и помощники надеялись, что этот шаг принесет огромную пользу правительству и сделает возможным урегулирование с повстанцами. Они говорят, что думают, что так и будет. Другие, однако, особенно некоторые иностранцы, считают, что этот шаг, как и многие другие, возможно, был сделан слишком поздно, и что мятежные элементы на юге сочтут это признаком слабости со стороны правительства, и что таким образом они будут поощрены к продолжению борьбы. Китайцы говорят, что этого не будет. Китайская психология, как представляется, в значительной степени затрагивает этот вопрос, и кажущийся разумным взгляд иностранца на логический результат этого шага и его воздействие на мятежные умы, согласно китайской аргументации, не оправдан.

"Указ об отставке принца-регента делает Юань Шихкая более могущественным, чем когда-либо, и если мы хотим спасти ситуацию, он должен быть тем человеком, который сделает это. Это не так ясно, как могло бы быть, и среди иностранцев ходит много предположений относительно того, куда это приведет вдовствующую императрицу. По-видимому, все сходится во мнении, что вдовствующая императрица остается лишь номинальной фигурой. В указе в какой-то момент говорится, что отныне "вся ответственность" за назначение должностных лиц и руководство правительством будет лежать на премьер-министре и государственных министрах. Таким образом, Юань Шихкай становится верховным, поскольку он является премьер-министром и кабинетом министров в одном лице, поскольку Кабинет состоит из людей, выбранных им самим. Вдовствующая императрица не будет иметь ничего общего с исполнительной или законодательной ветвями власти новой формы правления. Она, по-видимому, ограничена этими словами, которые следуют за процитированными выше: "Когда будут изданы указы, премьер-министр попросит использовать Императорскую печать, и церемониальные аудиенции будем проводить мы и Император вместе". Это, казалось бы, оставляет вдовствующую императрицу и Императора символами суверенитета Китая, но без каких-либо функций законотворчества или управления. Именно вдовствующая императрица сядет на трон, чтобы получить верительные грамоты от министров иностранных дел, когда они прибудут в столицу, и она будет олицетворять главу государства для всего мира; но более чем этим она не будет".

Следующей проблемой Юань Шихкая было устроить дело так, чтобы Маньчжурский двор счел нужным "отречься от престола" и в то же время договориться с Республиканской партией посредством знаменитой, но бессмысленной Мирной конференции. Здесь проявилась умелая

рука. Какое-то время казалось, что Юаню доверяют, но в равной степени сомневаются обе стороны. Ему удалось положить конец фактическим военным действиям — и это, возможно, было его целью.

Под датой 21 января 1912 года пекинский корреспондент писал:—

"Время от времени с начала нынешних потрясений в Китае ситуация казалась чрезвычайно сложной и выходящей за рамки всякого понимания, и сегодня это кажется более чем когда-либо. Мало того, что спор между революционерами и здешним правительством все еще продолжается и очень ожесточенный, но в маньчжурском лагере царят смута из-за решительного расхождения во мнениях среди принцев по важному вопросу об отречении. Известно, что прошлая пятница, 19 января, была назначена днем издания указа об отречении от престола. Трон был полностью подготовлен к освобождению; Юань Шихкай получил полное одобрение вдовствующей императрицы и ведущих принцев на этот шаг, и немедленный отъезд Двора в Дзехол казался неизбежным. Однако возникли осложнения, и сегодня нет никакой уверенности в том, что отречение произойдет сразу. В воздухе витают разговоры о борьбе, и никто не знает, что произойдет. Юань Шихкай остается уединенным в своем кабинете, в отпуске, окруженный большим количеством солдат, чем когда-либо прежде, и, очевидно, опасаясь дальнейших попыток покушения. Есть маньчжуры королевской крови и другие представители красной крови, которые выступают против отречения и желают бороться с ним. Многие из них называют Юань Шихкай предателем, и, если верить косвенным слухам, хотя бы отчасти, Юань Шихкай находится в такой же опасности от определенных маньчжурских элементов, как и от революционных бомб.

"Сегодня это огромная ситуация, которую трудно понять и невозможно на самом деле узнать, поскольку те, кто действительно знает, что произошло, не расскажут, в то время как те, кто притворяется знающим, распространяют различные и сенсационные сообщения. За всем этим что-то стоит, что-то такое, чего, насколько я могу судить, не знает ни один иностранец. По всеобщему мнению, Юань Шихкай ведет хитрую игру, и некоторые говорят, что он намеревается, чтобы финалом его непонятного режима на посту премьер-министра стало возведение на пост президента Юаня Шихкай. Премьер, вне всякого сомнения, в последнее время сильно утратил позиции в глазах иностранцев, которые были о нем столь высокого мнения, и его открыто обвиняют в игре. Возможно, это несправедливо по отношению к нему, но, если это так, ему следует винить самого себя, поскольку, вне всякого сомнения, он не использовал по максимуму свои возможности".

Яркая личность Юаня, его военный гений, его характер, магнетическая привлекательность, которую он испытывает к окружающим его иностранцам, должно быть, во многом повлияли на исход недавних событий. Но насколько это так, и вся правда о роли, которую он сыграл в этой Революции, еще предстоит рассказать в книге, которая раскроет внутренние мотивы, амбиции и достижения его превосходительства Юань Шихкай, возможно, величайшего человека в Китайской империи наших дней. Как разгадать загадку его недавних дипломатических шагов, находится за пределами возможностей Запада. Когда адмирал Са произвел несколько результативных выстрелов на Десятом километре и отступил вниз по реке вместо того, чтобы уничтожить разбитых республиканцев, действовал ли он по прямому приказу Юань Шихкай? Когда позже Ханькоу был взят, и адмирал Сах решил бомбардировать Учан и, таким образом,

завершить кампанию, кто помешал ему осуществить свои эффективные предложения? Был ли это Юань? А затем, 27 ноября, когда Ханьян пал и Учан, казалось, оказался во власти империалистов, кто же остановил продвижение вперед и дал генералу Ли Юань Хуну возможность пересмотреть свой план кампании? Неужели Юань уже тогда все плотнее опутывал своими сетями своих маньчжурских врагов? И не он ли тоже вызвал эвакуацию центра Уханя, предоставив революционерам вновь занять с трудом завоеванные позиции без единого выстрела или потери хоть одной жизни? Решение этих загадок все еще находится в будущем. Однако есть те, кто видит во всех этих действиях руку государственного деятеля, стремящегося и способного сохранить единство своей страны и в то же время отомстить своим врагам из коррумпированного маньчжурского двора.

ГЛАВА XVII

ВОССТАНИЕ В СЫЧУАНИ

Задолго до начала революции Сычуань находился в агонии восстания, которое рано или поздно грозило распространиться до самых опасных пределов со всех сторон. Причиной беспорядков стало строительство железных дорог. Сычуань потребовал исключения из схемы национализации железных дорог. Литераторы и студенты взяли дело в свои руки, решительно заявили, что провинция должна построить свои собственные железные дороги, и в очень короткое время провинция была охвачена волнениями. У нас мало места для рассмотрения истории беспорядков, но, учитывая, что в худшие времена там царил серьезный антииностранный дух, будет полезно дать краткий обзор этого дела.

В течение нескольких лет все привыкли к поразительным заявлениям из Пекина относительно того, что правительство Китая намерено предпринять в отношении строительства железных дорог по всей длине и ширине страны и каким будет последующее открытие страны. Однако в течение последних нескольких лет предполагаемого пробуждения Китая мы напрасно ждали столь обсуждаемых новых линий. На каждом провинциальном собрании одним из главных вопросов повестки дня всегда была железная дорога, которая не приближалась, и публика привыкла к разговорам и инстинктивно пришла к тому, что они не ожидают какого-либо конкретного результата в виде реальных событий на железной дороге.

Однако заявление, сделанное весной 1911 года, по-видимому, указывало на то, что это время прошло с приходом на государственную должность его превосходительства Туан Фана в качестве генерального директора железных дорог. Пока он занимал государственную должность, Туань Фан был человеком, который, возможно, после Юань Шихкая, считался принцем чиновников, был известен тактом и способностями, с которыми он подходил ко всем вопросам, имеющим отношение к иностранцу, пользовался большим уважением народа, был

проницательным, дальновидным, прогрессивным в самом прямом смысле этого слова и в целом уважался как общественная опора в становлении Нового Китая. Но однажды, когда происходили похороны покойной императрицы, ему не повезло, как будет видно из сноски, напечатанной ниже, совершить одно из величайших нарушений императорского этикета. Гнев трона обрушился на него. Туан Фана безапелляционно уволили, он положил свои бумаги в карман и был уволен со службы с явным позором. Это, однако, было в старые времена. С тех пор Китай быстро претерпевал процесс значительных перемен, и Туан менялся вместе со временем. Теперь он вступил в должность в правительстве, и среди прочего, что находилось непосредственно под его контролем, было управление железными дорогами, которые предлагалось создать, и теми, которые уже строились. Так что теперь разумно ожидалось, что будет достигнут некоторый прогресс — возможно, не такой быстрый, как указано в программе, — но несомненно было то, что ни один человек в то время на всей правительственной арене не был более способен справиться с таким особенно необходимым дополнением национального прогресса, каким, по общему признанию, является современная железная дорога в Китае. В Китае железнодорожный вопрос является одним из самых важных. Считалось, что только из-за размера Китай должен обратиться за помощью к каждой стране-строителю железных дорог в мире, если он хочет завершить предложенные им проекты. Проблемы железных дорог здесь, в Китае, касаются только трудностей строительства и первоначальных затрат. Стадия, на которой отношение железных дорог к обществу и коммерции становится все более и более сложным, еще не наступила. Китай по большей части невинно свободен от таких неприятных вопросов, как конкуренция тарифов, объединение железнодорожных систем, объединение перевозок и государственная или частная собственность. Условия, преобладающие в Китае, скорее являются результатом исторической эволюции и никоим образом не могут рассматриваться как результат какой-либо политики. Если у железной дороги есть рельсы, то в Китае ее вполне можно назвать железной дорогой — и Китай показал нам, что она была удовлетворена, а китайское правительство всегда было жертвой обстоятельств, руководствуясь исключительно золотым веком в прошлом, а не разумным взглядом на золотой век будущего. Железные дороги, которыми обладает Китай, всегда были и остаются самыми вопиющими примерами того, как не следует эксплуатировать железные дороги. Они были позором для нации, которая заявила, что предпринимает попытки вырваться из тисков допотопного христианства. Они потеряли деньги, им позволили прийти в самое плачевное состояние, какое только можно себе представить, и в целом они были белыми слонами. Но дух железнодорожного строительства за последние несколько лет овладел правительством. В просвещенных провинциях северного и восточного Китая люди говорили о железных дорогах, они думали о железных дорогах, они мечтали о железных дорогах, и с приходом Туан Фана на пост генерального директора железных дорог они, казалось, твердо решили строить железные дороги. Необходимость открытия этой замечательной Империи — это часто повторяемая история, которую не нужно повторять. Известно, что в каждой провинции на западе Империи есть богатства земли, которые со временем позволят Китаю соперничать с Соединенными Штатами по природным ресурсам. Для ее собственного взаимодействия и обмена продуктами Китаю в первую очередь нужна железная дорога. Для того чтобы его экспорт увеличивался пропорционально возможностям естественного развития, Китай должен иметь сеть железных дорог, позволяющих ему быстро доставлять свою продукцию к побережью. Потребность существует, и с помощью Великого займа Четырех стран Китай (так казалось в начале 1911 года) сможет двигаться огромными шагами. Теперь у нее были деньги, и она выбрала этого мужчину. Оставалось только надеяться, что его превосходительство Туан Фан, приступая к выполнению своей важной миссии в Новом

Китае, не обнаружит, что его руки связаны той неподвижной стихией Старого Китая, которая все еще жестко придерживалась позиции близорукой независимости.

На раннем этапе реализации плана национализации железных дорог было видно, что Сычуань не потянет за собой другие провинции — Хунань была еще одной. Одним из необъяснимых явлений того времени в нескольких центральных провинциях Китая было то, что на дворянство *илитераторов* производило впечатление, обратное удовлетворительному, предоставление денег Китаю Державами. Несколько мест были на грани восстания в результате решения правительства, а в некоторых местах ощущалась явная неприязнь к имперским методам открытия страны. Первое, что впечатляет современного наблюдателя социальных условий в Китае, — это масштабы промышленных сил, которые повсюду задействованы в работе: человек, который не работает, находит мало еды. На семи восьмых территории этой огромной Империи основная часть работы в стране выполняется силами людей и вьючных животных. Китай, то есть простые люди страны, не усвоили урок запрягания в колесницу промышленного прогресса одной из великих природных сил, и их с пеленок учат верить, что, когда однажды будет внедрена трудосберегающая машина, это точное количество людей, чью совместную работу выполняет машина, начнет умирать с голоду. Обычный китаец смотрит своими миндалевидными глазами, но не видит, в чем заключаются богатства страны. То, что Соединенные Штаты Америки увеличили свою механическую мощность с двух миллионов лошадиных сил в 1870 году примерно до двенадцати миллионов в 1900 году и с ее увеличением стали еще богаче — и то, что его собственная страна могла бы сделать то же самое, не имело значения для обычного китайца. Он рассуждает очень элементарно. У него так много ртов, которые нужно накормить; так много работы, которую нужно сделать; когда вся работа, которую нужно сделать, выполняется ручным трудом, даже тогда остаются тысячи ртов, которые невозможно заполнить, и если будет введено трудосберегающее оборудование, что станет с миллионами, которые будут выброшены с работы? Так рассуждает рядовой китаец, и, опасаясь усугубить положение, он решительно голосует против внедрения иностранной техники. Таков был настрой пролетариата на открытие страны железнодорожными путями. Но перемены были неизбежны, и хотя жители Сычуэня ясно показали, что они намерены зубами и ногтями бороться с тем, что они плохо понимали, правительство, казалось, самым решительным образом продемонстрировало, что оно намерено ускорить строительство линий. Этот вопрос, конечно, представлял огромный интерес для Китая как нации и имел жизненно важное значение для всего Востока и Запада. В прежние времена у самих людей была возможность строить свои собственные железные дороги, точно так же, как это делали частные компании в Европе и Америке. Они флегматично отказались, они считали, что такое дьявольское изобретение прямо направлено против благосостояния страны. Веками китайское правительство думало так же, но когда частично пробудившийся Китай ухватился за свой последний шанс встать в коммерческом отношении в один ряд с другими великими нациями мира, колебаний быть не могло. В Китае должны быть железные дороги. Она не могла построить их сама — у нее не было денег. Европа и Америка могли бы их построить; у Европы и Америки были деньги, и они делали то, что любая другая здравомыслящая нация охарактеризовала бы как акт милосердия (хотя и не совсем свободный от элемента хлеба и рыбы), и долгом китайского правительства было железной рукой бороться с любыми истеричными хулиганами, чья имперская близорукость делала их опасным элементом в стране.

Во время первых волнений в течение нескольких месяцев не было никакого антииностранного движения. Было сформировано Общество под названием "Общество единой цели",

единственной целью которого было аннулирование железнодорожного займа, лидерами которого были многие известные ученые, которые гордились тем, что проводили свою кампанию вполне цивилизованно, а не старым способом разрушения общественных зданий и так далее. Там, где существовала агитация против миссионеров и иностранцев, лидеры вмешивались, агитировали за и впоследствии добились обезглавливания многих главарей-простолюдинов. На протяжении многих сотен квадратных миль сельская местность была расклеена брошюра о том, что "нельзя трогать ни травинки, принадлежащей иностранцу", далее автор заявляет, что "если мы сделаем это, мы только повредим нашему собственному делу и дадим иностранным нациям предлог вмешаться и разделить нашу страну.... Это не имеет никакого отношения к миссионерам какой-либо страны. Если у иностранных государств есть деньги для ссуды, и Китай желает занять, они имеют полное право предоставить ссуду на самых выгодных условиях, которые они могут получить. Поэтому мы не можем винить иностранцев, а только наше собственное правительство".

Хотя, однако, такова была авторитетная позиция организаторов агитации, было много "головорезов" страны — той партии, которая вечно агитировала как против правительства, так и против иностранцев, — которые надеялись воспользоваться ситуацией для продвижения своих собственных целей. С этой целью, как сообщалось, произошли некоторые любопытные события. Пресса стала неугомонной, карикатуры на иностранцев были отвратительными — такие вещи, как привязывание китайских солдат к ветвям деревьев и расстрел иностранными солдатами, с печатным текстом, сообщаящим людям, что именно так британцы обошлись с китайскими солдатами в Пьенме; русские солдаты загоняют евреев в море острием штыка; фотография англичанина, разлучающего мужа и жену, с ярким объяснением, что именно так британцы обошлись с народом Индии, и так далее *ad libitum*. Этот дух приходил постепенно. В начале восстания люди, вероятно, думали, что защита иностранца спасет их репутацию в связи с их варварским поведением по всей провинции, но когда они достаточно ясно увидели, что рука Империи оказалась сильнее, чем они думали, они обратили свое внимание на то, что могло оказаться очень опасным духом антииностранничества - но, к счастью, иностранцы покинули провинцию до того, как о какой-либо резне заговорили в целом. На момент написания статьи неизвестно, было ли разрешено оставлять собственность иностранцев нетронутой или нет.

После вспышки в Учане дела в Сычуэ приняли решительный оборот к худшему. Преступность распространилась повсюду. Продолжалась резня гигантского масштаба; столица Ченгту была осаждена на несколько недель; иностранцам было приказано покинуть провинцию, и во многих случаях им лишь с большим трудом удавалось уйти; Чао Эр Фан (вице-король) был убит; из конца в конец провинции царили только анархия и беззаконие. Когда смута была в самом разгаре, Туан Фану было приказано отправиться в Сычуань для подавления восстания. Он отправился, но, каким бы хорошим человеком он ни был, так и не вернулся. Когда убийство маньчжуров было в разгаре, он был убит своими же людьми, а его голова доставлена в Учан.

На момент написания статьи провинция Сычуань находится в состоянии такого волнения и полной дезорганизации, что совершенно невозможно сказать, что произойдет в течение года, то есть, есть ли тогда какая-либо перспектива реального мира. Несомненно, что еще много месяцев миссионеры не смогут вернуться на свои места, и, вероятно, потребуется много лет, даже при тех чудесных способностях к восстановлению, которыми обладают китайцы, прежде чем провинция восстановит свои нормальные условия. Сычуань отличается от многих провинций Китая. Трудности здесь другие. Народ — особенно племенной элемент — является

занозой в теле китайского чиновничества, и на данном этапе этой книги, вероятно, будет интересно поразмыслить над этим элементом национальной жизни. Действительно, правильно прочесть знамения времени в Китае никогда не было труднее, чем сегодня.

Революция с надеждой на Республику или какую-то чудесно измененную систему правления изменила весь фронт, который Китай представлял миру, и независимо от того, как можно рассматривать поворот текущих событий и вероятное влияние всех этих изменений на национальную жизнь и характер китайцев, мудр тот, кто умеряет свое восторженное изучение революции и реформаторского движения справедливой оценкой возможностей угроз, с которыми сталкиваются доктор Сунь Ятсен и его Республиканская партия или Юань Шин Кай и его Монархическая партия при проведении их соответствующей политики. Некоторые угрозы исходят извне. Большинство, однако, приходит изнутри, и в настоящее время тем, кто лучше всего знает свой Китай, совершенно ясно, что величайшая надежда Нового Китая - это бегство от самого себя.

Эта революция, казалось, привела к появлению Китая, который будет совершенно отличаться от любого другого Китая, существовавшего до этого. По правде говоря, это Новый Китай, и никто, кто с мягко понимающим сердцем наблюдает за сегодняшним Китаем, не может не заметить во всех частях Империи, известных цивилизации, многого такого, что служит хорошим предзнаменованием Революции, подлинности общего импульса, импульса, связанного с упорным стремлением выбраться с отмелей прошлого в глубины будущего - заглянуть за пределы садов и монастырей китайской древности в чудесный золотой век, если революционная партия будет благословлена.

Но этой партии Молодого Китая придется пережить серьезный внутренний и внешний политический кризис, эксцентричность национальной программы которого может, при умелом руководстве Республиканской партией, превратить Старый Китай в могущественного участника мировых дел. Теперь весь мир должен признать, что реформаторский дух в Китае - это, прежде всего, самая реальная вещь в Китае, а сам Китай — в силу Революции — самая яркая черта современной мировой политики. Но каков итог всего этого? Есть много аспектов. Мы должны помнить, что Китай, пользующийся всеми преимуществами, которые достались ему естественным образом, стар, как вся история. Мы видим, как древняя легенда повторяется снова и снова в суровых испытаниях времени, и в равной степени в великом конфликте, который держал Китай в тисках в течение многих месяцев. Каждый символ общей жизни, каждое действие простых людей, все на земле имеет огромное значение для фундаментальных непреходящих вещей. Китай в течение последних нескольких лет предоставлял нам большинство вещей, которыми он баловался — сама Революция является одним из самых ярких продуктов, свидетельствующих о том, что он поднимется до того положения, которое подобает такой расе. Мы можем живо проследить среди кажущихся неизменными обыденностей жизни историю великой всепоглощающей реформы. Во многих областях эта реформа затрагивает все - от мельчайших деталей обычной жизни до самых верхних ступеней политической и социальной лестницы; в других областях, по которым я путешествовал в течение последних двух лет, общая тенденция жизни людей ни на минуту не позволит поверить, что шанс Китая, даже через революцию, когда-либо представится.

Но, вообще говоря, следует признать, что одним ужасающим ударом этот средневековый народ влился в поток мировой политики, от которой он отставал на протяжении веков. В

водовороте нынешнего революционного возбуждения, в стремительном коммерческом потоке, который пронесется по стране, сила которого, вероятно, затмит даже раннюю активность Японии в мировой торговле, мы видим свет на поверхности национальной жизни этого странного народа, предвещающий рассвет великого дня. Даже мы, живущие в Китае, теряемся в догадках; те, кто находится на расстоянии, не могут справедливо оценить его ценность. И так обширна Империя, и так многочислен народ, так велики все еще несоответствия и абсурдности в повседневной жизни в большинстве регионов, что нам, проводящим свою жизнь бок о бок с китайцами, трудно составить конкретное мнение по любому данному вопросу. Единственное, что сдерживает Китай, - это Дракон. Мы, иностранцы, не в состоянии эффективно понять Китай, потому что мы не понимаем Дракона. В Китае Дракон правил веками. Тесно связанный с частной и национальной жизнью китайцев, этот Дракон безраздельно властвовал над притворством, показухой, врожденной неискренностью и пустотой, не имеющей аналогов нигде среди цивилизованных народов. Из-за Дракона китаец на протяжении всей истории принимал странные формы, и мир не знал, что с ним делать, настолько чужеродным был его облик. Но теперь Революция говорит нам, что Китай и сотни миллионов его жителей изменились безвозвратно — поэтому многое следует принимать как должное. Перемены, вероятно, были бы быстрее и лучше, если бы не Дракон, чьи клыки, глубоко вонзившиеся в национальную жизнь, служат ей отличным противовесом молодой революционной партии. Другим противовесом этой реформе, которую партия Нового Китая хотела бы провести немедленно, является прискорбный факт, что на очень значительной части территории Империи, в изолированных частях, удаленных от сфер, более подверженных влиянию реформаторского движения, не существует ни единого свидетельства того, что Китай все еще не пребывает в вековом оцепенении. Здесь мы обнаруживаем дезорганизованное состояние общества и видим, сколько сил работает вслепую, расточительно и дегенеративно. Я не говорю, что до революции ничего не изменилось, поскольку от определенных этапов реформ никуда не деться даже в самых отдаленных уголках Китая. Но если мы не будем принимать во внимание армию, опиум и определенный вид народного образования, мы обнаружили, что на самом деле мало что соответствует оттенку реформы, которая, как предполагалось, имела место, чтобы побудить тех, кто не знает, что вся Империя находилась в отчаянном стремлении продвигаться вперед, поверить, что Молодой Китай уничтожил Старый Китай.

И в те времена, через которые мы только что прошли, иностранцам, за исключением тех, кто серьезно отнесся к настоящему изучению Китая, простительно полагать, что Китай все больше и больше любит иностранцев. Я верю, что это так, но любовь приходит медленно, действительно медленно.

Мое личное мнение таково, что сегодня, возможно, не меньше, чем в 1900 году, в Китае есть много мест, где исконное чувство китайцев к иностранцам не изменилось. Но с этим в настоящее время я ничего не могу поделать, и я надеюсь, что эта Революция не откроет нам новых историй — таких, какие были рассказаны в Сианфу в Шэньси прошлой зимой, — которые заставят задуматься. Китай приобрел и продолжает быстро набирать силу в военно-морском флоте и военной стратегии, знания в образовании, искусстве, науке, торговле, во всем, к чему он приложил свое сердце извне. Но из-за политики консерватизма, этой политики "Китай для китайцев", подавляющее большинство еелитераторов ослабляют ее изнутри — и до такой степени, что ей, возможно, все еще придется есть простой хлеб. Ибо, как убедительно показали миру беспорядки в Сычуэне, Китаю никоим образом не удалось навести порядок в своем собственном доме, и Революция открыла нам еще одну ошеломляющую истину.

Если читатель обратится к карте Китая, он обнаружит, что, возможно, треть, а то и четверть территорий провинций Западного Китая и значительная территория дальше на север помечены как "необследованные", занятые по большей части непокоренными, независимыми и полунезависимыми племенами людей. И здесь находится опасная зона того, что я бы охарактеризовал как величайшую из скрытых угроз Китая. Злейший враг Сунь Ятсена, злейший враг Юань Шихкая — или "злейших врагов" любой конкретной фракции правительства, которая станет первостепенной, — об особенностях которых не знает и дюжина человек, это угроза, о которой сам Китай знает мало. Я полностью осознаю, что мое утверждение откроет совершенно новую почву. Насколько мне не изменяет память, вопрос о возможности того, что китайское правительство столкнулось с такими неприятностями, каким оно подверглось в Сычуэ из-за аборигенов внутренних провинций, никогда не поднимался ни в одной литературе, посвященной китайским реформам за последнее десятилетие. Я отдаю себе отчет в том, что я поставлю перед обычным исследователем китайских дел проблему, от которой он может отвернуться, заклеив ее как несущественную, поскольку мировая манера вести дела с Китаем основана на тех вещах, которые видны только на политической поверхности. Действительно, это величайшая ошибка в литературе о Китае. Но я говорю не без знания из первых рук. Проехав около семи тысяч миль по Китаю, часто в таких местах, куда никогда не ступала нога иностранца, и прожив несколько месяцев в глуши, где никто, кроме миссионера, не мог иметь контакта — так что никто, кроме миссионера, не смог бы написать об этом, что делается очень редко, — можно признать, что мнение в какой-то определенной форме, по крайней мере, оправданно. Моей целью было сделать предмет специального исследования. На большей части территории страны, где проживают эти племена, обычным иностранным путешественникам въезд запрещен. Должностные лица ФУ или сянь, где предоставляются сопровождающие, отказываются разрешить вам стартовать, если вы достаточно глупы, чтобы сообщить им о своем намерении стартовать. Но точное представление о существующих условиях можно составить, только действительно путешествуя по этим районам. То, что человек проехал из конца в конец Китая по главной дороге, не дает ему права высказывать свое мнение по этому вопросу; довольно легко путешествовать по главным дорогам где угодно, но здесь можно увидеть сравнительно мало племенного элемента. Некоторые могут говорить о патриотизме, который вырос в Китае за последние годы, и спрашивать, возможно ли, чтобы любая подобная угроза сохранялась, пока этот дух патриотизма процветает. Я признаю, что среди народа Китая, безусловно, возник своеобразный патриотизм, но в тех местах, которые я имею в виду, в продуваемой всеми ветрами дикой стране Китая на Дальнем Западе, патриотизм неизвестен. Те, кто наблюдал за беспорядками в Сычуэ, начавшимися задолго до начала Революции, смогли увидеть, какой патриотизм существовал. Это просто обычный дух хулиганства среди обычных людей и дух пугающего всемогущества среди ученых — чуть меньше, чуть больше. Это существует среди китайцев в этих регионах, но я говорю здесь более конкретно о племенных расах, среди которых эта ненависть к правительству бесконечно более ожесточенна. Эти коренные народы, или большинство из них, почти без исключения когда-то занимали обширные королевства, и их первая идея состоит в том, что китайское правительство было создано чередой чрезвычайно злых и беспринципных людей, великих нарушителей заповедей, особенно опасного типа человечества, к которому, к несчастью, приходится принадлежать. Они ничего не смыслят в революциях или реформах. Они сильно болеют за китайцев и кипят духом мести. Именно с этими людьми Китаю придется иметь дело в течение следующего десятилетия. Если бы Китай был вовлечен в конфликт с какой-либо другой державой, эта племенная опасность была бы огромной; если все станет мирным, когда Революция продолжится, задача

поставить всех людей и вещи в Китае под контроль правительства не будет выполнена без усилий.

При нынешнем положении дел перед Китаем вырисовывается проблема, которая не найдет решения, если ее постоянно откладывать в долгий ящик. Покоряя племена в своей собственной стране, Китай сталкивается с опасностью более серьезной, чем он думает, и большей, чем когда-либо мечтал западный мир.

Было бы слишком долгим рассказывать здесь о племенах и особенностях каждой семьи — достаточно сказать, что каждое племя в западном Китае (а об их количестве можно судить по тому факту, что только в Юньнани насчитывается не менее двадцати) ненавидит китайцев и маньчжуров. В случае каких-либо беспорядков, возникающих на тибетской границе, границе Бирмы, границе Тонкинга, границе Монголии, эта связанная с этим проблема ее соплеменников и способов борьбы с ними настолько расстроила бы расчеты Китая, что он мог бы потерять территорию на Крайнем Западе Китая, и истории, возможно, пришлось бы зафиксировать еще одно восстание, возможно, столь же ужасное, как мусульманское восстание в Юньнани 1855 года и далее. Затем Юньнань может отойти Франции, Тибет - Великобритании, Монголия - России. Это было бы апогеем осложнений, но именно этого Китай всегда боялся, и у него всегда будут причины для страха, пока этот вопрос игнорируется. В настоящий момент, когда большинство отдаленных зависимых стран заявляют о своей независимости, эти опасения приобретают большее значение. Неспособность официальных лиц контролировать ситуацию в этих отдаленных уголках Китайской империи и обладать тем знанием местных дел, которое приходит только с местным опытом, - вот где Китай почувствовал бы себя ущемленным в противостоянии с непокоренными расами в пределах своих собственных владений. Это чувство раздора росло годами, задолго до того, как Китай начал авантюрную политику в Тибете, но каким бы опытным ни был Китай в введении Европы в заблуждение относительно своих намерений в Тибете и поддержании спокойствия в этой стране, несомненно, что Пекин не признавал или не хотел признавать присутствие зла на Дальнем Западе Китая, не говоря уже о Тибете на данный момент, о том, что многие тысячи его номинально управляемых рас находятся в состоянии беззакония и социальной дикости. Осложнения в Тибете, как и в течение многих лет, могут возникнуть в любое время, точно так же, как в Кансу, Синкинге, Сычуэне или Юньнани — мы, конечно, видели их в Сычуэне. Китай всегда был плохо подготовлен к серьезным осложнениям в любой из этих провинций. Было крайне сомнительно, что ее войска останутся лояльными даже после того, как она доставила их на место боевых действий после мучительного марша по непостижимо трудной местности. В Западном Китае нет железных дорог, о которых можно было бы говорить, — их абсолютно нет в районах, которые мы рассматриваем в этой статье, — и единственная западнокитайская железная дорога из Тонкинга в сердце провинции Юньнань не даст никаких преимуществ.

Основные магистрали Китая, какими бы они ни были, проходят через страну, удаленную многодневным тяжелым переходом по суше от районов, которые, вероятно, пострадают в первую очередь. Предположим на мгновение, что Китай решил дать отпор британцам при Пьенме или что в Юньнани вспыхнет гражданская война (и ни то, ни другое не столь маловероятно, если знать агрессивный дух юньнаньцев), вероятность такова, что, если бы потребовалась военная помощь, были бы мобилизованы армии Сычуаня или Хунани. Но до столицы провинции Юньнань из Чэнтун (столицы Сычуэня) потребуется не менее тридцати трех дней, а чтобы добраться до Юньнань-фу из Чаншу (столицы Хунани), потребуется не менее

пятидесяти дней. Все расстояние в любом случае пришлось бы преодолевать пешком и на местной лодке, причем по местности, простирающейся от уровня моря, скажем, до 12 000 футов над уровнем моря, и если бы осложнения с какой-либо другой Державой возникли в Китае Далеко на Западе, с Сычуэ в ее страшном брожении, можно догадаться о продолжении.

Вообще говоря, проблема далекого Запада Китая с племенами сродни той, которая сейчас привлекает внимание всего мира между Китаем и Тибетом. Мы все знаем, что, если бы непальцы связали свою судьбу с Далай-ламой, империалистическая политика Китая там была бы резко прервана. С пробуждением Китая в Тибете и отправкой туда войск для поддержания китайского превосходства, мы увидели, как Великобритания справедливо направляет свои войска немного дальше к индийской границе, показывая, что она намерена сохранить свой собственный *статус-кво*. Китаю нужно следить за Великобританией. И мы, кажется, видим в деятельности Китая в Тибете угрозу миру соседних государств между Тибетом и Индией. В то время как Британия наблюдает за Китаем с индийской стороны, Франция, как мы уже говорили, наблюдает за Китаем на южной границе Юньнани. Следует помнить, что мечтой французов во времена их непреодолимого стремления к колониальной экспансии на Дальнем Западе было присоединить Юньнань к Индокитаю, и, какими бы многочисленными ни были ее ошибки, ее вера пережила разочарование. Отказавшись от своей мечты о территории, она теперь изо всех сил стремится к торговле, и теперь, когда у нее есть собственная железная дорога, у нее есть многотысячные войска для защиты своих интересов на границе с Тонкингом. По всей Юньнани среди китайцев существует сильное чувство неприязни к французам — французов не любят, и они уже много лет являются яблоком раздора. Принимая во внимание эти факты, можно усомниться в том, действительно ли Китай способен ввести в Тибете такое правительство, которое сохранит страну свободной от внутренних раздоров. До сих пор, надо признать, она преуспевала, но после революции с ней столкнется так много опасностей, что это кажется труднейшей политической задачей. Неприятности кажутся неизбежными, если рука реформатора слишком сильно коснется тибетцев.

К этому добавляется племенная опасность. Возможно, не всем известно, что многие племена этого великого этнологического сада, простирающегося от Бирмы сразу до севера Китайской империи и на юг до Тонкинга и Квангтунга, имеют тибето-бирманское происхождение. Группа Си-фан, группа Ноу-су (это моя собственная теория, поскольку известно несколько других теорий, и группа Ноу-су широко известна под лоло, что само по себе является порицательным термином) и многие другие племена этих великих семей. В целом можно с уверенностью сказать, что все эти племена связаны расовыми или религиозными узами. Хорошо известно, что на всех этапах их цивилизации ни одно племя не могло сказать доброго слова в адрес китайцев, а в западных провинциях эти племена преобладают, вероятно, в семи случаях из десяти. Нельзя изображать из себя политического пророка. Китайская революция показала миру, что предсказание политических возможностей в Китае сопряжено с экстраординарным элементом случайности, и, конечно, можно заявить, что никто не во власти сказать, что эти некитайские народы не могли быть перетянуты на сторону британцев. Мое личное мнение таково, что это можно было бы легко сделать.

И можно представить, что в ходе политической революции в Восточной Азии, которую неизбежно вызовет эта великая Революция, и если бы было признано необходимым, чтобы

регулярная армия Китая *единым блоком* двинулась на восток империи, племена запада смогли бы создать ситуацию путем гражданской войны и открытого восстания против правительства настолько серьезного характера, что потребовались бы годы, прежде чем Китай смог бы полностью покорить народ и заручиться его моральной поддержкой.

Это Новое китайское правительство — республиканское или монархическое, или и то, и другое вместе, в зависимости от обстоятельств, — должно само найти свои слабые места. Ни один вдумчивый человек, побывавший в этих диких регионах, не может усомниться в том, что племенная опасность — одна из величайших слабостей Китая, более серьезная по мере того, как человек лучше понимает ее, ставя перед новым правительством проблему более серьезную, чем было готово признать маньчжурское правительство.

A PRE-REVOLUTION GROUP.

Tuan Fang, the "friend of the foreigner," is seated. He was decapitated by his own men in Szechuen. General Chang Piao, Commander in Chief of the Hupeh Army, is standing on his right, in military uniform. After being routed by the Revolutionaries, he fled the country.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ГРУППА.

Туан Фан, "друг иностранца", сидит.

Он был обезглавлен своими же людьми в Сычуэ. Генерал Чан Пяо, главнокомандующий армией Хупе, стоит справа от него в военной форме. После разгрома революционерами он бежал из страны.

В обзоре восстания в Сычуани автор чувствует, что он значительно отклонился в своей хронике. Но информация, содержащаяся в том, что только что было написано, имеет самое важное значение для поддержания мира в Западном Китае.[1]

[1] В 1898 году Туан Фан был секретарем Совета по строительству; его быстрое продвижение по службе после этой даты было в основном связано с покровительством его друга Чжун Лу. Для маньчжура он удивительно прогрессивен и либерален в своих взглядах.

В 1900 году он был исполняющим обязанности губернатора Шэньси. По мере распространения боксерского движения и усиления насилия, а также по мере того, как опасения Чжун Лу заставляли его предпринимать все более решительные действия против них, Туан Фан, действуя по его совету, последовал его примеру. Несмотря на то, что во время *государственного переворота* он ловко избежал явного отождествления себя с реформаторами и написал классическое сочинение, восхваляющее сыновнюю почтительность, которое обычно рассматривалось как завуалированный упрек императору в том, что он не подчинился безоговорочно Старому Будде, он никогда не пользовался никакими особыми знаками благосклонности со стороны последнего и не был принят с тем доверительным дружелюбием, с которым она часто удостоивала своих фаворитов.

В своей личной жизни, как и в своей администрации, Туан Фан всегда осознавал меняющиеся условия в своей стране и старался приспособиться к потребностям времени; он был одним из первых среди маньчжуров, отправивших своих сыновей за границу для получения образования. Поначалу его симпатии были безошибочно на стороне Кан Ювэя и его товарищей-реформаторов, но он отошел от них из-за антидинастического характера их движения, которое он, естественно, не одобрял.

Будучи исполняющим обязанности губернатора Шэньси в июле 1900 года, он ясно осознал серьезность ситуации и опасности, которые могут возникнуть в связи с успехом боксерского движения, и поэтому он направил в провинцию две прокламации, в которых серьезно предупреждал людей воздерживаться от актов насилия. Эти документы, несомненно, были средством спасения жизней многих миссионеров и других иностранцев, изолированных во внутренних районах страны. В первом отрывке встречается любопытный отрывок, в котором после осуждения Боксеров он сказал: —

"Кредо боксеров не ново: во времена правления Чиа-Цина последователи того же культа были массово обезглавлены. Но современный Боксер вышел на поле боя якобы для защиты своей страны от иностранца, так что нам нет необходимости обращаться к прошлому. Принимая их благие намерения, я хотел бы просто спросить, разумно ли с нашей стороны приписывать этим людям сверхъестественные способности к неуязвимости? Должны ли мы верить, что все трупы, которые сейчас усеивают страну между Пекином и морем, принадлежат фальшивым Боксерам и что только выжившие представляют истинную веру?"

Предсказав им ту же участь, которая постигла мусульманских повстанцев и участников восстания тайпинов, он сам дал народу совет, который, хотя и был рассчитан на предотвращение резни иностранцев, сохранил бы его репутацию патриота. Хорошо, что теперь, когда для Туан Фана настали тяжелые дни, вспомнить о хорошей работе, которую он проделал в очень трудном положении. Его воззвание гласило следующее: —

"Я ни на минуту не сомневался в том, что вы, люди Шенси, храбры и патриотичны и что, если представится случай, вы будете благородно сражаться за свою страну. Я знаю, что если вы присоединитесь к этим Боксерам, то это будет сделано из патриотических побуждений. Однако я хотел бы, чтобы вы обратили внимание на то, что наши враги - это иностранные войска,

вторгшиеся в столичную провинцию, а не иностранные миссионеры, проживающие во внутренних районах страны. Если трон прикажет вам взяться за оружие для защиты вашей страны, то я, как губернатор этой провинции, несомненно, разделю эту славу. Но если вы ради себя самого решите убить горстку безобидных и беззащитных миссионеров, вами, несомненно, будет руководить жажда грабежа, в вашем поступке не будет ничего благородного, и ваши соседи будут презирать вас так же, как закон накажет вас.

"В этот самый момент наши войска вливаются в столицу из всех провинций Империи. Небесный меч возмездия направлен против захватчика. Учитывая это, абсурдно предполагать, что может быть какая-либо потребность в таких услугах, которые вы, люди, могли бы оказать в такое время. Ваша очевидная и простая обязанность - спокойно оставаться в своих домах, занимаясь своими обычными делами. Защищать людей - дело чиновника, и вы можете положиться на меня в этом. Что касается Указа Их Величеств, который в прошлом году предписывал организацию обученных отрядов, идея заключалась просто в том, чтобы поощрять самооборону для местных целей, по принципу, изложенному Мэн-цзы, при этом стража должна находиться в каждом округе".

Чуть позже губернатор сослался на этот указ вдовствующей императрицы (ее первая попытка подстраховаться), который начинался с цитаты из "Классики весны и осени" о священной природе иностранных посланников и использовал его как текст, подчеркивающий тот факт, что члены нескольких миссионерских обществ в Шэньси всегда были в наилучших отношениях с народом. Он упомянул еще один факт, что многие беженцы из охваченных голодом районов Шаньси и большое количество расформированных солдат пересекли границы провинции, и, опасаясь, как бы эти незаконные люди не организовали нападение на иностранцев, он еще раз призвал свой народ не допускать нарушения священных законов гостеприимства. Провинция уже начала ощущать последствия продолжительной засухи, вызвавшей такие страдания в Шаньси, и суеверные низшие классы были склонны приписывать это бедствие гневу Небес, обрушившемуся на них из-за того, что они не присоединились к Боксерам. Туан Фан продолжал разубеждать их в этой идее.

"Если дождь не пролился на ваши бесплодные поля, - сказал он, - если демон засухи угрожает преследовать вас, будьте уверены, что это потому, что вы сбились с пути, ведомые ложными слухами, и совершили акты насилия. Покайтесь сейчас и вернитесь к своим мирным путям, и дожди обязательно прольются. Взгляните на разорение, обрушившееся на провинции Чихли и Шантунг; именно для того, чтобы спасти вас от их участи, я сейчас предупреждаю вас. Разве мы все не одинаковы, подданные великой Маньчжурской династии, и разве мы не должны вести себя как мужчины на службе государству? Если бы существовала хоть малейшая вероятность того, что эта провинция будет захвачена врагом, вы, естественно, пожертвовали бы своими жизнями и имуществом, чтобы отразить их, из простого патриотизма. Но если во внезапном приступе безумия вы отправитесь убивать нескольких беспомощных иностранцев, вы никоим образом не принесете пользы Империи, а лишь создадите новые трудности для трона. На какое-то время ваша собственная совесть обвинит вас в неблагородных поступках, и позже вы наверняка поплатитесь за это своими жизнями и разрушением своих семей. Конечно, вы, люди Шенси, просвещенные и принципиальные, не падете так низко, как это. Я знаю, что среди вас есть злые люди, которые, исповедуя патриотическую вражду к иностранцам и христианам, наживаются на иностранной добыче. Но несколько миссионерских часовен в этой провинции предлагают лишь скудную добычу, и можно с уверенностью предсказать, что те, кто начнет с их

разграбления, несомненно, продолжат грабить дома ваших более богатых граждан, от поджога домов иностранцев пожар перекинется на ваши собственные, и многие невинные люди разделят судьбу убитых христиан. Грабители убегут со своей добычей, а глупые зеваки поплатятся за эти преступления. Разве это не общеизвестный факт, что каждая вспышка антихристианства неизменно приносит страдания глупым, невинным людям соответствующего района? Разве это не прискорбно? Что касается меня, то меня не волнуют ни похвалы, ни порицания; моя единственная цель проповеди мира в Шэньси - спасти вас, мой народ, от страшного разорения".

Туан Фан был членом Миссии в зарубежных странах в 1905 году и получил награды из рук нескольких европейских монархов. В личной жизни он отличается полным отсутствием формальностей, добродушный, гостеприимный человек, склонный к хорошей жизни, восхищающийся новыми механическими изобретениями и любящий пошутить. Именно он, как вице-король Нанкина, организовал Международную выставку. Как вице-король Чихли, он отвечал за организацию похорон вдовствующей императрицы, и через неделю после этой впечатляющей церемонии, якобы из-за отсутствия уважения и приличий, против него было выдвинуто обвинение в том, что он разрешил подчиненным чиновникам фотографировать кортеж и что он даже осмелился использовать определенные деревья в Священной ограде Мавзолея в качестве телеграфных столбов, за что был в срочном порядке уволен; с тех пор он живет на пенсии. Обвинения, возможно, были справедливы, но общеизвестно, что настоящей причиной его опалы был вопрос дворцовой политики, а не похоронного этикета, поскольку он был протеже регента, и его смещение стало триумфом клана Ехонала в то время, когда его престиж требовал какой-либо демонстрации против растущей власти и влияния братьев императора Кван-Су.

[Примечание переписчика: эта страница была полностью занята частью сноски 1, которая теперь целиком находится на странице 252.]

[Примечание переписчика: эта страница была полностью занята частью сноски 1, которая теперь целиком находится на странице 252.]

[Примечание переписчика: эта страница была полностью занята частью сноски 1, которая теперь целиком находится на странице 252.]

ГЛАВА XVIII

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ РЕВОЛЮЦИИ

Революция является эндемичным явлением в этой стране великих движений. Особый дух, который воздействует на чувства чувственного населения, проявляется сейчас в спорадических беспорядках, которые, кажется, происходят везде и всюду и без какой-либо мыслимой причины; снова в более широкомасштабном перевороте, которому мы даем название "восстание" — неудавшаяся революция; но время от времени, набирая обороты от различных мелких потрясений, вызванный поток страстей прорывает все сдерживающие границы, и страну из конца в конец захлестывает стремительный поток. Всей былой власти пришел конец; огонь и меч — единственные "сильные мира сего"; земля жадно пьет живительную кровь своих сыновей и дочерей; а затем, когда поток ярости истратил свою силу, Природа переодевается в новое одеяние, возникают новые усадьбы и многолюдные деревни, и новая власть прибирает к рукам могущество и достигает величия. Проходят десятилетия и столетия; и эта Династия также, как и изнеженное правительство, которое она сместила, проходит долгий период седого ребячества до своего ужасного падения.

Даже случайный наблюдатель понимает, что на наших глазах разыгрывается последняя сцена последнего акта. Скоро занавес упадет, и династия Та Цин останется только в истории. Ее "чаша беззакония", похоже, давно переполнена.

Пятьсот лет назад сложилась несколько аналогичная ситуация. Император того времени, по имени Хвэй-ти, был всего лишь подростком и совершенно неспособен вести государственный корабль по бурным морям придворных интриг. Его дядя, принц Йен, Юань Шихкай его возраста, в течение многих лет обучал своих солдат, накапливал военные припасы и всячески готовился захватить бразды правления. В 1400 году нашей эры, казалось, настало время, и в августе того же года Йен привел сорок тысяч отборных воинов в Шангтун. Не менее трехсот тысяч лоялистов были посланы ему навстречу; но лучше обученные и более искусно руководимые повстанцы, хотя и уступали численно, наголову разгромили плохо расположенную орду во главе с генералом Пинвэнем. Это было лишь началом четырехлетней беспощадной войны, которая велась в основном в северных и восточных провинциях — Шаньдуне, Чихли, Аньхвэе и Цзянсу, — приведшей к бегству Хвэй—ти в Сычуань (где он стал буддийским священником) и провозглашению принца Йена императором под титулом Ченг Цу.

Эта революция никоим образом не затронула династию, которая, несмотря на внутренние восстания и внешние грабежи со стороны монголов и японцев, просуществовала еще 250 лет в непрерывной последовательности. Тем не менее, в течение всего этого периода история Китая представляет собой одну длинную главу внутренних проблем, коррупции и упадка как правителей, так и управляемых, в то время как на всю придворную жизнь смертельно опасное древо евнухизма отбрасывает свою разрушительную тень. Всегда были восстания, всегда спор с обнаженным мечом при разрешении разногласий — и всегда выход из одного облака проблем, чтобы попасть в другое, более темное. Затем наступил конец.

Восстание, которое потрясло империю до самого ее центра и привело к падению династии Мин, вспыхнуло в Шэньси и быстро распространилось по соседним провинциям, пока в нем не оказались замешаны не только Шэньси, но и Шанси, Хонань и Хупэ. Как и Революция, которая

угрожает стать концом нынешней династии и уже предвещает грядущие великие и судьбоносные перемены, это восстание было задумано и осуществлено "генералом Ли" — по имени Ли Цичэн. В течение каких-то нескольких лет правительству удавалось удерживать превосходство — действительно, в 1634 году казалось, что генералиссимус повстанческих сил безнадежно увяз в горном тупике и что его уничтожение было лишь вопросом времени. Не зная силы повстанческой армии, командующий имперскими войсками согласился на условия капитуляции. Ли довел свои силы до тридцати шести тысяч человек, потеряв только оружие, к большому огорчению императорского лидера.

Это была великая ошибка империалистов. Почти сразу же маньчжуры, к которым присоединились монгольские войска, атаковали северные границы империи. Династия Мин потеряла доверие нации; чиновничество было наиболее слабым из-за долгих лет коррупции и неправильного правления; генерал Ли воспользовался своей возможностью, другие лидеры присоединились к армии повстанцев, и Китай на десять лет превратился в одно большое поле битвы.^[1] Приведу лишь единственный пример последовавшей резни: ранее в том же году Ли безуспешно осадил Кайфэнфу, но, захватив Наньян, он повел свои победоносные войска к бывшему городу в конце 1641 года, но был отбит, потеряв при попытке глаз, пронзенный стрелой. В следующем году Ли снова осадил это, казалось бы, неприступное место; и, наконец, взбешенный девятимесячным сопротивлением отважного Кайфэна, направил воды Желтой реки в обреченный город. Человеческие жертвы были ужасающими — говорят, несколько миллионов душ погибло в грязном потоке высотой в двадцать футов, который пронесся по равнине. Сам Ли был вынужден поспешно отступить, потеряв в бегстве десять тысяч человек. По сравнению с такой ужасной резней и человеческими жертвами потери в войне нынешней Революции кажутся ничтожными.

В начале 1644 года Ли добился такого успеха, что провозгласил себя императором, назвал свою династию "Тай Шунь", назначил различные Советы для управления делами страны, выдал дворянские патенты и другие награды всем, кто верно служил ему, и в целом верил, что Империя с ее тронem принадлежит ему. Вождь повстанцев прошел через реки крови до Пекина, захватил город и обнаружил, что император (Чван Ли-ти) повесился на собственном поясе. Революция казалась завершенной, и приз в виде жизни был у него в руках.

Один враг остался непокоренным, но этим врагом был некто У Сань-квэй, комендант крепости Нин Юэнь. Его силы были невелики, а припасы ограничены. Сокрушить его наголову казалось делом нескольких дней тому, кто за один победоносный поход добрался до Пекина. Ли Цичэн сам возглавлял армию — сильную саму по себе, вдвойне сильную из-за чувства уверенности, порожденного победой. Любовь сильна; любовь, безжалостно лишенная своего объекта, порождает ненависть, которая десятикратно сильнее своей жажды мести. Прекрасная любовница У Сань-квэя, которую он страстно обожал, была изнасилована одним из повстанцев. Сам слабый, он призвал могущественную силу на помощь в свершении мести. Примерно в 270 милях от них находилось маньчжурское войско, с нетерпением ожидавшее возможности нанести удар, который они так долго готовили. Ну, должно быть, предвидел последствия. Это было преднамеренное предательство его страны по отношению к ее злейшим врагам. Ненависть взяла свое и использовала свой единственный эффективный инструмент.

В последовавшем за этим сражении китайская армия была полностью застигнута врасплох и разгромлена, Ли был одним из первых, кто обратился в бегство. Его власть была сломлена, его армия ушла, и правил последний из китайских императоров. Пришли маньчжуры.

Завоевание Империи Ли завершилось взятием Пекина; в Пекине началось покорение Китая маньчжурами. Тридцать семь лет продолжалась работа по завоеванию и умиротворению. Затем Империя на какое-то время отдохнула.

Мы цитируем следующее из интересной статьи, появившейся в "Сентрал Чайна пост" от 2 декабря 1911 года: "С этой даты в Китае не было серьезных внутренних беспорядков в течение ста семидесяти лет. В течение большей части времени администрация была одновременно сильной, способной и просвещенной, поскольку два из первых четырех маньчжурских императоров были великими и властными личностями, в то время как время, в течение которого они по отдельности занимали трон, во многом способствовало укреплению позиций династии. Второй маньчжурский государь, великий Канги, провозглашенный императором в возрасте восьми лет в 1661 году, занимал трон в течение шестидесяти одного года, и его долгое правление было чрезвычайно блестящим и энергичным. Непосредственный преемник Канги, Юнг Чинг, был далеко не слабым человеком; но поскольку его короткое тринадцатилетнее правление не характеризовалось каким-либо новым уходом и какими-либо поразительными событиями, он гораздо менее заметен, чем его отец или сменивший его сын. Четвертый маньчжурский правитель правил бы даже дольше, чем его дед, если бы он не пошел необычным путем - не отрекся от престола, просидев на нем шестьдесят лет. В этой связи можно отметить, что случаи отречения от престола в китайской истории столь же редки, как и в европейской, в то время как в Японии за последнее тысячелетие смерть монарха, фактически занимавшего трон, была совершенно исключительным случаем. Второй маньчжурский император Канги (1661-1722) был одним из величайших и наиболее успешных правителей, когда-либо правивших в Китае. Но его внук, четвертый маньчжурский император Кин-лун (1735-1796), был еще более великим и еще более успешным. Кин-луну было двадцать пять лет, когда он взошел на трон в 1735 году; таким образом, когда он отрекся от престола в 1796 году, он был патриархом восемьдесят шесть лет. Однако даже до этого момента он сохранял активные привычки, характерные для его юности. Большая часть его официальной работы выполнялась ранним утром; и европейцы, имевшие аудиенцию у него незадолго до его отречения, были очень удивлены, обнаружив, что патриарх так увлечен делами на этих ранних конференциях. Кин-лун не упустил возможности подготовить или, по крайней мере, попытаться подготовить преемника. Он отрекся от престола в 1796 году, как только что было написано; но в течение трех лет после этой даты он пристально наблюдал за своим сыном и преемником Киа-кингом, прилагая все усилия, чтобы привить ему правильные принципы разумного правления. Но, в конце концов, похвастаться результатами было особо нечем. Спустя полвека после смерти Кин-лунга отчет о состоянии Китая, приведенный авторами, заведомо дружественными к маньчжурам, действительно зловещ. Нам говорят, что коррупция на государственной службе постепенно отбила симпатии у людей. Совесть и честность на какое-то время были изгнаны из нее. Пример нескольких людей с заслуженными способностями послужил лишь для того, чтобы еще ярче показать недостатки административного класса в целом. Справедливости нигде не было видно; приговор был продан тому, кто больше заплатит. Для богатых преступников, приговоренных к смертной казни, стало далеко не редкостью добывать для них заменители. Офисы продавались людям, которые никогда не сдавали экзаменов и были совершенно неграмотны, а единственная ценность офиса заключалась в том, что он был инструментом вымогательства. Вымогательство и

злоупотребления достигли невероятных масштабов. В первые годы правления Киа кинга, когда министр Хокван был осужден и казнен за казнокрадство, выяснилось, что состояние, которое он накопил, составляло восемьдесят миллионов таэлей - более двадцати шести миллионов фунтов стерлингов. Чиновники разбогатели на нечестно нажитом богатстве, и некоторые из них накопили огромные состояния. Но администрация продолжала опускаться все ниже и ниже в глазах людей, в то время как, конечно, ее эффективность неуклонно снижалась. Итак, своеобразная государственная служба Китая - это одновременно сила и слабость Империи. Строгий, честный и всегда бдительный имперский мастер должен заставить ее очень строго придерживаться линии. Кин-лунг сам знал свои слабые места и не раз подумывал о том, чтобы найти радикальные средства для их устранения. Но когда его спросили по этому поводу, один из самых способных и честных его министров заявил, что выхода нет. "Это невозможно; сам император не может этого сделать — зло слишком широко распространено. Он, без сомнения, пошлет на место беспорядков и жалоб мандаринов, облеченных всей его властью; но они будут лишь усиливать требования, и нижестоящие чиновники, чтобы их не беспокоили, будут предлагать им подарки. Тогда императору скажут, что все хорошо, в то время как на самом деле все плохо, и бедные люди подвергаются угнетению".

Следовательно, Кин-лунгу приходилось почти полностью полагаться на других в качестве своих "ушей и глаз". Очень хорошо говорить о том, что он все делал и видел сам, но в такой Империи, как его, об этом действительно не могло быть и речи. Однако его неутомимая и неослабевающая энергия во многом способствовала тому, что его подчиненные стали честными и внимательными к своим обязанностям, вопреки им самим. Но его преемник, Киа-кинг (1796-1821), не был ни сильным человеком, ни великим работником, и при нем начался разгром. При слабом, но исполненном благих намерений Тау-кване (1821-50) она быстро развивалась, в результате чего в течение полувека после кончины великого Кин-луна маньчжурской династии пришлось столкнуться с национальным восстанием, которое поставило ее существование под серьезную угрозу".

Крутым был спуск и быстрым был темп. Какой была династия Мин пять веков назад, такой стала их многообещающая последующая раса. "Кого боги хотят уничтожить, они сначала сводят с ума". Были эти раздражающие контакты с внешним миром и война, катастрофическая для Китая, ставшая следствием попытки гордой Империи относиться ко всем иностранным народам как к вассалам Сына Неба. Но была надежда, что с подписанием Нанкинского мирного договора возобладают более мудрые советы и что китайцы научатся уважать иностранцев или, по крайней мере, грохот их пушек. Но "таково было вопиющее невежество образованных и ведущих людей Китая в отношении иностранных наций, что считалось, что они были совершенно недостойны презрения Китая". Война не преподала им никакого урока. Официальные лица Китая были такими же высокомерными, как и всегда. Гражданская администрация была в равной степени неспособна заниматься государственными делами и направлять их.

Фактически, существовала параллель между Империей в рассматриваемое время и условиями, сложившимися, когда буря Революции разразилась в Учане десятого октября прошлого года, как будет показано в предыдущих частях этого тома.

Повсюду существовали тайные общества или группы людей, объединившихся клятвой уничтожить "маньчжурских узурпаторов", и время от времени тот или иной недовольный

поднимал знамя восстания, и к нему стекались все недовольные и бандиты по соседству. Это возможность мужчин из тайного общества. Раздается клич "Китай для китайцев", вызывают к патриотическим чувствам, и, если не считать того факта, что секрет всегда раскрывается в штаб-квартире задолго до того, как потенциальные революционеры будут готовы, в любой год прошедшего столетия могли повториться сцены, которые кратко упомянуты здесь. Через десять лет после заключения Нанкинского мирного договора пришло известие, что некто Хунг Сю-Чуэн среди горных крепостей юга с небольшой группой людей, известной как Общество почитателей Бога, встал во главе недовольного народа, доведенного до восстания официальными преследованиями, и повсюду разгромил императорские войска. Он претендовал на трон, называл себя Тянь-ваном ("небесный царь") и назвал свою новую династию Тайпинами ("Великий мир"). Открытие Золотого века было работой, которой он посвятил себя. Его стремление к свободе было тройственным. Люди стонали под тиранией чуждой власти и так жаждали гражданской свободы; они были прокляты суевериями и идолопоклонством, которым сами себя предали, и так жаждали религиозной свободы; они видели, как тяга к опиуму разрушает жизни их лучших людей, и поэтому боролись за моральную свободу для нации. Все маньчжуры были безжалостно преданы мечу, все храмы и идолы были полностью разрушены, а любая торговля опиумом или курение его были строго запрещены. На ранних стадиях движения моральные силы христианства, религиозные мнения, которые, казалось, господствовали в умах тайпинов, и высокие цели лидеров движения заставляли миссионеров и христиан у себя дома думать, что Китай должен восстать из пепла своего уничтоженного язычества, облаченный в прекрасные одежды христианства. Отчеты на Драконий Трон информировали императора, что мятежники обратились в бегство. Фактически, они уносили все, что было перед ними. Они с триумфом пронесли по провинциям Кванси и Хунань, затем направились к оживленному рынку Ханькоу в Хупэ; там, погрузив на свои трофеи тысячу джонок, они пронесли вниз по Янцзы к древней столице династии Мин - Нанкину. Этот город пал после непродолжительной осады, и с его падением началась начальная работа по подготовке пути для нового царства. Если- и в "если", возможно, кроется причина краха движения, — если бы новоиспеченный король знал, как строить после того, как он выполнил работу разрушения, произошла бы длительная революция вместо почти забытого восстания. Один авторитетный человек, находившийся в то время в Китае, говорит, что сам успех движения, по-видимому, не только повлиял в худшую сторону на принципы его лидеров и мораль тайпинов, но и привлек к нему огромное количество представителей низшего сорта. Доктор Мартин в своем "Цикле Китая" говорит: "Он, Тянь-ван, санкционировал грабеж и насилие и сам подал пример полигамии, примеру, которому охотно следовали его подчиненные, которые без зазрения совести наполняли свои гаремы женами и дочерьми тайпинов". об их врагах. Мнение внешних сил о повстанцах не улучшилось из-за зверств орды членов тайного общества, которые принадлежали к Обществу Триады и которых иногда называли Рыжеволосыми. Они считались частью Тайпинской армии, хотя на самом деле не имели никакого отношения к ней или к целям ее лидеров. Их ужасная жестокость и кровопролитие при захвате Шанхая не только побудили французов изгнать их, но и отвратили симпатии иностранных держав от самих тайпинов. Следует упомянуть еще один факт. Иностранные купцы также были предубеждены против повстанцев. Это легко понять. Торговля остановилась на трети территории Империи, причем в той части, которая была наиболее легкодоступна; и в то же время строгие законы, запрещающие употребление опиума, вызвали симпатии некоторых к этому движению. Сначала американец, генерал Уорд, организовал силы из иностранцев и туземцев и показал китайскому правительству, на что способны обученные солдаты. Затем британское правительство

предоставило империалистам генерала Гордона. Один за другим города отвоевывались, пока, наконец, с падением Нанкина, после длительной осады и самоубийства Тянь-вана, восстанию не пришел конец.

На данном этапе нынешней революции, когда так много людей призывают к иностранному вмешательству и когда отдельные иностранцы берут на себя смелость обратиться к лидерам партий в интересах скорейшего установления мира, хорошо бы сделать паузу и должным образом взвесить аргументы другой стороны. С самого начала этой борьбы иностранные державы твердо, но уважительно просили держаться подальше. Это внутреннее дело. Китайцы хотят, чтобы им позволили бороться с этим. Преждевременное урегулирование столь масштабных потрясений было бы гораздо более катастрофичным, чем отсрочка заключения мира. Движение - это народное движение. Нация знает свое собственное мнение по этому вопросу и намерена добиться приведения своей воли в исполнение. Эту волю можно направить в правильное и безопасное русло; но помешать ей вмешательством извне было бы все равно что пытаться перекрыть Янцзы плотиной — операция, чреватая страшной катастрофой для всех заинтересованных сторон.

Подавление революции *ab extra* всегда поворачивает колеса прогресса вспять, и в данном случае кто может сказать, на сколько столетий это отложило принятие христианства китайцами? ... Оглядываясь назад на этот отрезок времени, со всем освещением событий последующей истории, мы все еще склонны задаться вопросом, не могла ли другая политика быть лучше для Китая. Если бы иностранные державы сразу же признали вождя тайпинов в начале второй войны, разве это не сократило бы главу ужасов, которая тянулась еще пятнадцать лет, закончившись восстаниями Нянь-фэй и мусульман и унесшими пятьдесят миллионов человеческих жизней?... Не раз, когда боевики были в шаге от успеха, ущерб недальновидно дипломаты решили против них, и возможность была упущена например, не происходят раз в тысячу лет".[2] другие свидетели событий того времени говорят в аналогичных деформации. С другой стороны, следует помнить, что со стороны тайпинского вана была немалая неудача в осознании необходимости восстановления нового королевства и кажущееся отсутствие способности использовать плоды своих побед. Подавление тайпинов заняло четырнадцать лет (1850-64). Внешний мир забыл, если когда-либо знал, масштабы и ужасы того ужасного времени. Не таков китайский народ. Неудивительно, что, когда армия Ли Юань Хуна начала свою ужасную резню маньчжуров в Учане, молодые и старые, богатые и бедные, взяв только ту одежду, которая была на них, или те товары, которые они могли унести, тихо и в каком-то неорганизованном порядке восемьсот тысяч человек отправились в бегство из обреченного Ханькоу. Ибо были многие, кто все еще помнил приход ужасных тайпинов, и все еще содрогался при мысли о той "могиле семидесяти тысяч" за пределами города Учан, и все еще помнил подобное бегство пятьдесят лет назад. Они также знали о восстании тайпинов, о том, что оно опустошило девять провинций. От городов остались лишь груды руин (как в настоящее время от Ханькоу), и в них были логова диких зверей, в то время как около двадцати миллионов человек были принесены в жертву в этой ужасной борьбе нации, воюющей сама с собой.

Почти одновременно с движением тайпинов произошло великое мусульманское восстание под руководством Якуб Бека. Примерно в это же время со стороны ислама была предпринята не одна попытка отомстить за оскорбления высокомерных китайцев, и отнюдь не незначительное восстание произошло в Юньнани, где пантаи, воспользовавшись смутами тайпинов, захватили западную половину Юньнани и сделали Талифу своей столицей при султане Сулеймане. Но,

безусловно, самым большим восстанием, как по продолжительности, так и по эффекту, было северо-западное, которое зародилось в восточном Туркестане, перекинулось через горы Тянь-Шаня, в Или, далее через Кансу, в провинцию Шэньси.

Если когда-либо время казалось благоприятным для революционного дела, то, несомненно, это было именно то время. Восстание тайпинов еще не было подавлено, Китай был втянут в войну с Англией, и вождь повстанцев смог без серьезного сопротивления продолжить свой триумфальный путь. Якуб Бег добился столь блестящего успеха в своей "священной войне", что в мусульманском мире его прозвали "Отцом-чемпионом". Наконец-то появился человек, который, с благословения Аллаха, смоет пятно оскорбления с герба "Правоверных". Действительно, казалось, что в этой северо-западной части Цветущей Страны было основано постоянное королевство и что новый лидер должен был стать первым в длинной череде мусульманских королей. Затем произошло одно из таких непредвиденных изменений — то есть непредвиденное для случайного наблюдателя китайских событий. Немногим более чем через десять лет после первого поднятия знамени восстания Якуб Бег умер, сломленный и избитый человек, далеко-далеко в Корле. Ибо армия, прошедшая суровую школу борьбы с тайпинами, была под превосходным руководством генерала Цо практически непобедима, когда на нее обрушились недисциплинированные орды фанатиков. Город за городом отвоевывался, пока в 1878 году восстание не закончилось, и те времена остались лишь ужасным кошмаром в воспоминаниях тех, кто терпел, страдал и, к счастью, остался жив.

Последнее из этих великих политических движений, о котором следует здесь кратко упомянуть, было широко известно как Боксерское восстание. Это, как и восстание тайпинов, имело своим источником тот дух вражды, который когда-либо проявлялся между севером и югом. Никогда эта борьба не была столь очевидной, как во время этого великого движения, которое все еще происходит в Китае. Сами названия "Северная армия" и "Южная армия", используемые населением Ханькоу в повседневной речи при упоминании противоборствующих сил под командованием Юань Шихкая и Ли Юань Хуна соответственно, подтверждают правдивость этого утверждения. В этом ценном вкладе в историю внутреннего боксерского движения "Китай при вдовствующей императрице"[3] эта вечная ссора между севером и югом хорошо проработана. Нам не нужно ничего иного, кроме как мимоходом отсылать читателя к нему. Фактически, причиной реформаторского движения 1898 года было то, что разносторонние ученые юга пленили ум молодого императора и побудили его издать свой знаменитый Реформаторский эдикт. С другой стороны, завидуя своим южным противникам, коварные люди севера использовали свое влияние на Чжун-Лу и вдовствующую императрицу, чтобы осуществить *государственный переворот*, который практически сверг императора с престола и был первым из серии регрессивных шагов, кульминацией которых стало привлечение оркестров Патриотической гармонии (Boxers), чтобы избавить Китай от Проклятого присутствия иностранцев.

Со времен тайпинов в государственную политику вкрался новый элемент раздора - иностранец. Будь то миссионер или торговец, финансист или дипломат, "иностранец" теперь был силой, с которой приходилось считаться, и после этого краткого обзора мы отметим, как все эти факторы проложили путь к, возможно, величайшему движению из всех - революции 1911-12 годов. Далеко в районе Кван в Шаньдуне существовало тайное общество, носившее эвфемистическое название "Кулаки цветущей сливы". Покойный Туань Фан, издавая свое знаменитое воззвание о том, что все миссионеры должны быть защищены в его провинции, сравнил этих боксеров с

Обществом Белой лилии[4], которое так много сделало для того, чтобы привести к падению династии Юань в четырнадцатом веке.

Но в этих Кулаках Цвета Сливы было нечто большее, чем обычный дух, одушевляющий мужчин тайного общества. Это был недавно пробудившийся "патриотизм" — слово и идея, которые только что овладели студентами по всей стране. Полное поражение Китая в его коротком, остром конфликте с японцами, которые до сих пор презирали "нацию карликов", вызвало волну негодования по всей Империи. "Что ты собираешься теперь делать?" Я спросил молодого студента, только что окончившего курс обучения в колледже. Ответ пришел сам собой. "Я еду в Японию, чтобы изучать военную тактику и таким образом помочь *спасти мою страну*", - многозначительный ответ. Но "Цветущим кулакам сливы" предстояло многому научиться, прежде чем они смогут поддаться очарованию идеи этого молодого студента. *Они* были теми, кто спас Китай. Они сами неуязвимы, их миссия ниспослана самим Небом, их дело праведно, для них может быть только победа и спасение их страны!

Дух, который воодушевлял этих фанатичных приверженцев с их слепой верой в заклинания и чары[5], также действовал в более просвещенном Кван-су. Китай расчленился. Германия практически оккупировала Шаньдун. Россия овладела Ляотуном. Япония удерживала Формозу по праву договора. И державы хладнокровно обсуждали "сферы влияния". Они понимали характер китайцев так же мало, как китайцы понимали характер иностранцев. Молодой император и его советники кое-что поняли о силе знания. И в результате этого Реформаторского указа взоры Молодого Китая были обращены от созерцания мертвого прошлого к ускоренному изучению всего лучшего и живого в колледжах мира. *Государственный переворот*, произошедший 22 сентября 1898 года, на время перевел стрелки часов прогресса назад, и вдовствующая императрица начала свою реакционную карьеру. Боксеры, все до единого, преследовали цель изгнания Татарской династии и восшествия на трон китайского императора. Хитроумная императрица ухватилась за их "патриотические" устремления и превратила махинации тайных обществ против правительства в заговор с целью полного уничтожения иностранцев в Китае. На какое-то время возобладали более мудрые советы, и в начале боксеризма имперские войска в Шаньдуне поддерживали порядок среди "патриотов", силой оружия одолев отряд, возглавляемый аббатом. Хотя несколько из этих фанатиков были расстреляны, а другие казнены военным командованием, доказав тем самым их "уязвимость", правительство не было расположено делать ничего иного, кроме как принять таких, казалось бы, могущественных союзников. "Они могут быть бесполезны как боевая сила, но их притязания на магию приведут врага в уныние, в то время как их энтузиазм вдохновит солдат регулярной армии". Таково было тонкое рассуждение проницательной императрицы. Жребий был брошен, и она связала свою судьбу с теми, кто всего несколько коротких месяцев назад жаждал ее собственной крови.

Такие герои, как Чжун-Лу, Юань-Чан и Сюй-Цзин-Чэн, тщетно пытались отвлечь влюбленную правительницу от ее пагубной политики. Двое последних спасли жизни многих иностранцев, в том числе писателя, заменив иероглиф, означающий "Защищать", на иероглиф, означающий "Убивать", в Императорском указе, разосланном по всей Империи, но сами понесли суровое наказание, когда императрица узнала, что они натворили. "Их конечности должны быть разорваны на части, - кричала она, - колесницами, разъезжающимися в противоположных направлениях. Пусть они будут немедленно обезглавлены".

Итак, Боксеры напустились как на китайских христиан, так и на иностранных миссионеров. Убийства, мародерство, поджоги продолжались быстрыми темпами; но, возможно, самой трагической сценой того ужасного времени была сцена, разыгравшаяся в Тайюэньфу, в ямэне Юй Сяня, Нерона Шаньси, который сам помог убить пятьдесят пять миссионеров - мужчин, женщин и детей — 9 июля 1900 года.

В Северном Китае и Маньчжурии, не говоря уже об отдельных случаях к югу от Янцзы, были убиты более двухсот миссионеров, протестантов и католиков, в то время как несколько тысяч китайских христиан последовали за своими иностранными пасторами до самой смерти.

События, приведшие к краху движения, нуждаются лишь в беглом упоминании. Они вошли в историю, но недавно стали известны всем. Форты Таку капитулировали перед маленькими иностранными канонерскими лодками, армия союзников захватила Тяньцзинь, и сводные силы численностью в пятнадцать тысяч человек двинулись на Пекин. Менее чем за две недели работа была успешно завершена, и 14 августа иностранцы со своими дипломатическими миссиями, которые с 20 июня были осаждены свирепой ордой боксеров и имперскими войсками, были освобождены. Пекин был взят штурмом, и императорский двор Китая бежал через ворота "Победы" на трех обычных повозках для мулов в Сианфу, в далекой Шанси. Движение закончилось провалом, столь же прискорбным, поскольку его начало было ошибкой. Оно было задумано не в духе простой жажды крови. Народ и Двор верили, что иностранные державы "поглощают" Китай, и в момент безумного исступления поверили, что единственный путь к спасению для них самих и для их страны лежит по линии полного истребления иностранца и всего, что ему принадлежит.

Этот краткий обзор, затрагивающий характерные черты каждого из этих великих волнений нации, показывает нам основные факторы, способствовавшие Народной революции 1911-12 годов.

THE CHILD-EMPEROR OF CHINA.
Last of the Manchu Dynasty, that was overthrown by the Revolution.

РЕБЕНОК-ИМПЕРАТОР КИТАЯ.

Последний из династии Маньчжуров, свергнутый революцией.

События, приведшие к восстанию тайпинов, показали, что нация созрела для перемен. Плод, прогнивший в сердцевине, падал с дерева; как была династия Мин при ее падении, так стала и пришедшая ей на смену династия Цин. Успешная революция под руководством генерала Ли Ци-чана была сведена на нет приходом внешней силы, которая присвоила плоды победы себе и, подавив Революцию, свергла также Династию и захватила всю страну. Восстание при Тянь-Ване было подавлено таким же образом, но на этот раз упомянутая "иностранная держава" не была проникнута жаждой завоеваний. И все же это принесло китайской политике новую силу, с которой приходилось считаться, — иностранца с его законом экстерриториальности.

Пробуждение Китая началось с полного разгрома имперских сил войсками Японии, и жажда узнать причину всего этого овладела разумом нации. "Давайте ходить в школу с иностранцем, давайте изучать его книги" стало национальным лозунгом. Затем в Китае начала зарождаться мысль о том, что слишком много национального богатства, власти и престижа было передано иностранному контролю. Возникли тревога, подозрение, ожесточенная вражда — и боксерское движение. С подавлением этого движения и великодушным отношением — несмотря на всю критику в адрес обратного — к Китаю со стороны иностранных держав пришло осознание его реальных потребностей. С этого времени Китай отдавал свою молодежь в школу к "иностранцам". Студенты тысячами уезжали за границу, Япония принимала гораздо большее число. Уже тогда существовало убеждение, что правительство коррумпировано, неэффективно и неизлечимо. Дух патриотизма не только пробудился в сердце нации, но и овладел душой каждого из ее учеников, и даже деревенские мужланы были полны идеей об этом. Из контактов с внешним миром и сравнительного изучения империй, одной с другой и каждой с Китаем, возник третий необходимый фактор Китая — пробужденный и тренированный ум.

Общепринято мнение, что школы и колледжи, которыми в Китае руководят иностранцы, внесли немалый вклад в это Революционное движение. Отмечается, что миссионерская пропаганда также сыграла свою роль в создании в сознании китайцев желания покончить с притворством и неискренностью. Обвинение справедливо. Все эти новые силы, вошедшие в жизнь молодого студента, должно быть, вызвали сильную неудовлетворенность тем, что было на самом деле. Покойная вдовствующая императрица, по-видимому, ни в коем случае не забывала об этой тенденции миссионерских и образовательных усилий. К этому можно отнести, по крайней мере частично, ее попытку уничтожить миссионеров и все, за что они выступали.

Целью и намерением огромного сообщества педагогов по всей Империи должно быть прийти на помощь Молодому Китаю во время его величайшей нужды. Так много зависит от конструктивных способностей студенчества в течение следующих нескольких лет, что доброжелатели Китая будут приветствовать каждую честную попытку помочь студенческой жизни достичь ее идеалов; и не только это — следовать в своей дальнейшей жизни политике, продиктованной им многообразным чувством долга и их просвещенной совестью. Также по этой причине Китай, несомненно, будет приветствовать усилия Запада направить ее на пути получения высшего образования, такого, которое можно получить в новом Гонконгском университете и Университете, который должен быть расположен в центре Ву-хань.

"Сегодняшние ученики - мастера завтрашнего дня". Нигде это не является более верным, чем в Китае, и государственные деятели-миссионеры всегда выступали за образование как за самое надежное средство достучаться до сердца нации; поскольку другие классы обращаются к студенческому классу за руководством, и если удастся завоевать сердце студента, то завоевывается и внимание народа. Влияние студентов в Китае всегда было велико, но, вероятно, в будущем оно будет еще больше. Что порождает еще одну проблему. Студенты правят людьми — кто правит студентами? Ибо, за исключением немногих, кто учится за границей, уровень, превышающий уровень английского шестого класса, редко достигается, в то время как возможностей для продолжения образования в тот критический момент, когда ученик впервые начинает любить свою учебу, очень мало. Китаю нужна огромная армия студентов, но ему нужны инициативные люди, способные руководить, люди, чье высшее образование дало им более широкий кругозор.

Именно для удовлетворения этой потребности и была организована Схема Объединенных университетов. Пространство препятствует чему угодно, кроме самых общих черт этой схемы. Предлагается, однако, основать в центре Уханя, в этом сердце Китая, университет, который будет сочетать высшее образование, как западное, так и китайское, с теми силами и влияниями, которые способствуют формированию сильного христианского характера. Университеты Великобритании и Америки будут предоставлять университетский персонал, в то время как различные миссионерские общества разместят общежития на территории Университета, и в этих общежитиях должны проживать студенты. В результате, пока они получают образование, равное образованию западного университета, они в то же время соприкоснутся с людьми христианского характера, в то время как та часть их существа, о которой китайские студенты слишком склонны забывать, будет укреплена. Должно быть ясно, что только из-за финансовых затрат для одной миссионерской организации попытаться сделать это было бы невозможно. Но Университетская схема, не изолируя студента от влияния миссионерской школы, позволит ему завершить свое образование. Здесь у него будет возможность подготовиться к делу своей жизни, поскольку будут организованы курсы как по философским, так и по техническим предметам. Действительно, университет будет стремиться дать студенту такое же основательное образование, какое он получил бы, если бы учился за границей, в сочетании, как уже было сказано, с облагораживающим христианским влиянием.

Китай не может вечно зависеть от иностранца. Действительно, Молодая Поднебесная часто показывает, что она предпочла бы править сама. В течение нескольких лет наше влияние будет ощущаться. И как мы можем лучше ощутить наше влияние, чем воспитывая людей, которые, когда в нас больше не будут нуждаться, смогут продолжать то влияние, которое мы стремимся оказывать? Это вопрос, с которым стоит столкнуться.

Этот урок был в какой-то мере усвоен. С самого начала этой Народной революции суровые меры генерала Ли Юань Хуна по защите личности и собственности как местных жителей, так и иностранцев, а также справедливый и беспристрастный дух, проявленный революционерами при осуществлении этих мер, поразили мир и завоевали положительные отзывы самого генерала Ли. Знаменитый указ, впервые изданный лидером республиканцев, звучал следующим образом: —

"Я должен свергнуть маньчжурское правительство и возродить права народа Хань. Пусть все соблюдают порядок и не нарушают военную дисциплину. Награды за заслуги и наказания за преступления заключаются в следующем:—

"Те, кто укрывает каких-либо правительственных чиновников, должны быть обезглавлены.

"Те, кто наносит увечья иностранцам, должны быть обезглавлены.

"Те, кто поступает несправедливо с торговцами, должны быть обезглавлены.

"Те, кто мешает торговле, должны быть обезглавлены.

"Те, кто допускает резню, сожжение, прелюбодеяние, должны быть обезглавлены.

"Те, кто пытается закрыть рынки, должны быть обезглавлены.

"Те, кто снабжает войска продовольствием, будут вознаграждены.

"Те, кто поставляет боеприпасы, должны быть вознаграждены.

"Те, кто может обеспечить защиту иностранных концессий, должны быть высоко вознаграждены.

"Те, кто охраняет церкви, должны быть высоко вознаграждены.

"Те, кто может привести народ к покорности, должны быть высоко вознаграждены.

"Те, кто сможет побудить жителей страны присоединиться, будут вознаграждены.

"Те, кто дает информацию о передвижениях врага, должны быть вознаграждены.

"Те, кто поддерживает процветание торговли, должны быть вознаграждены.

"Восьмая луна 4609-го года правления династии Хуан".

Те, кто наиболее внимательно следил за последующим поведением революционных войск, смогут засвидетельствовать беспристрастность выполнения условий Эдикта. Ни смягчающие обстоятельства, ни должностной ранг не спасали преступника. Ли Юань Хун имел в виду то, что говорил, и на протяжении всего революционного движения его слово было его залогом. Из одного примера узнаете все. Когда Ханьян перешел на сторону революционеров, они назначили в Ханьяне магистрата "фу", некоего Ли Пина, который был обвинен покойным правительством в сговоре с Кан Ю Взем, известным реформатором, и был приговорен к десяти годам тюремного заключения. Находясь в тюрьме, он познакомился с преступником по имени Чео, и вскоре между этими двумя завязалась дружба. После освобождения революционерами Ли был назначен на должность и устроил Чео своим секретарем. Чео был в состоянии получать поступающие деньги на Революционное дело. Было подписано тридцать тысяч таэлей единовременно, из которых Чео передал только двадцать тысяч, оставив остаток себе. Впоследствии это просочилось наружу. Чео был немедленно обезглавлен, и его голова была

вывешена за западными воротами города. Чео вышел из тюрьмы всего два с половиной дня назад.

[1] См. "Имперскую историю Китая".

[2] "Цикл Китая" доктора У. А. П. Мартина.

[3] "Китай при вдовствующей императрице" Дж. О. П. Блэнда и Э. Бэкхауса. London: William Heinemann, 1911.

[4] "Очевидной целью, ради которой записывались номера, было поклонение идолам, и особенно богине милосердия. Реальная цель, однако, была политической. Взволнованное состояние страны казалось Хай-Шаню (видному члену секты Белой лилии) достаточной причиной, по которой следовало поднять знамя восстания. На большом собрании посвященных он объявил, что богиня вот-вот придет на землю в человеческом обличье, чтобы избавить их от угнетателей, и что сейчас самое время заявить о себе против монголов. Это предложение было воспринято с величайшим энтузиазмом. Белая лошадь и черная корова были принесены в жертву Небесам, чтобы обеспечить их вмешательство от их имени, и, приняв красный шарф для ношения на голове в качестве отличительного знака, они подняли восстание против правительства" ("Имперская история Китая" Макгоуэна).

[5] Каждый боксер носил при себе свой талисман - лист желтой бумаги, на котором красными чернилами была напечатана фигура Будды без ступней, но с четырьмя нимбами. На этой бумаге были иероглифы, которые должны были повторяться через определенные промежутки времени в качестве талисмана. Говорят, что покойная вдовствующая императрица повторяла это заклинание семьдесят раз в день, и при каждом повторении главный евнух кричал: "Вон идет еще один чужеземный дьявол!"

ГЛАВА XIX

УКАЗ ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ ПРЕСТОЛА

ХАНЬКОУ, провинция ХУПЭ, КИТАЙ, 13 февраля 1912 года.

Полчаса назад мне вручили факсимиле величайшего указа, который когда-либо издавался в Китайской империи. Он станет известен как эдикт об отречении от престола.

Ниже приводится полный текст Указа, который стал известен как Указ об отречении от престола. Как указывалось в недавних депешах, касающихся согласованных условий, стало очевидно, что полного отречения не будет. Император должен был просто отказаться от всякой политической власти, к власти должно было прийти новое временное правительство, которое, в свою очередь, должно было сменить регулярное правительство, назначаемое Национальным собранием. Указ гласит:—

"После восстания в Учане трон выполнил просьбу народа и обнародовал девятнадцать статей конституции, наделив государственных министров всеми административными полномочиями, в которых могут принимать участие подданные, и что члены императорской семьи не должны вмешиваться в политические дела. Впоследствии был издан указ о созыве национального собрания для публичного принятия решения о системе правления, чтобы таким образом продемонстрировать Наше намерение не относиться к трону эгоистично. Дворянство и простой народ в разных провинциях, однако, считают, что ситуация острая и что, если проведение национального съезда будет отложено, есть опасения, что военные бедствия могут затянуться и ситуацию уже не спасти. Кроме того, нарастают проблемы из-за рубежа, ежедневно возникают новые опасности, и в нынешних обстоятельствах девятнадцать статей конституции не совсем соответствуют условиям.

"Особенно полномочий премьер-министра недостаточно для управления всей страной изнутри или для контроля за внешними отношениями извне, и для того, чтобы приспособить правительство к чрезвычайным ситуациям, в которых необходимо ожидать незначительных изменений, настоящим упраздняется должность премьер-министра и назначается президент. Вся политическая власть должна быть передана под контроль президента, который должен быть избран народом. Но за исключением сложения всех политических полномочий, величие Императора не должно сильно отличаться от того, что изложено в девятнадцати статьях, принятых ранее. Мы спросили об этом у принцев, дворян, чиновников и мелкопоместного дворянства в провинциях, которые согласны со своими взглядами. И подобает выполнить их просьбу и позволить ей быть выполненной в соответствии с ней.

"Но слухи широко распространены, и во время нашей отставки из политического правительства, если не будет единого органа для контроля за делами, есть опасения, что надлежащий порядок может быть нарушен. Настоящим мы специально приказываем Юань Шихкаю действовать совместно с официальными лицами и дворянством севера и юга и временно сформировать временное и объединенное правительство, чтобы уничтожить семена смуты. Как только национальный конвент соберется и официально изберет президента, временное правительство будет распущено, чтобы соответствовать общественному мнению и проявить полную справедливость. Все наши солдаты и народ должны знать, что, предпринимая этот шаг, мы преследуем исключительно цель на благо государства, благословения народа и восстановления надлежащего порядка. Все дела останутся по-старому, и они не должны прислушиваться к слухам и создавать путаницу и беспорядки. Таким образом, это будет к счастью для страны, а также для общего положения".

Согласившись отречься от престола в пользу Республики, вдовствующая императрица издала секретный указ, повелевающий Юань Шихкаю готовиться к формированию временного

правительства и разработке предварительного плана его осуществления. В течение января Юань Шихкай провел несколько конференций, в результате которых была организована следующая схема:—

В СТАТЬЕ 1 говорится о необходимости создания временного и единого правительства после отставки императора для принятия на себя всех полномочий по сохранению статус-кво и контролю за иностранными делами, и оно будет распущено после того, как национальное собрание изберет президента.

2. После отречения от власти император останется во Дворце, чтобы сохранить мир на севере.

3. Резиденция президента должна быть построена в Пекине, или недавно построенный Регентский дворец может быть преобразован в президентский дом.

4. В связи с истощением казны нынешнего, а также Нанкинского правительства после революции, в то время как для южных провинций должны быть изысканы средства, должны быть предусмотрены ассигнования на покрытие административных расходов в северных провинциях после формирования временного правительства.

5. Северные и южные провинции должны устранить предрассудки и оказать помощь центральному объединенному правительству, а также перечислить ему разумные суммы денег для поддержания ситуации. Взносы из провинций, которые сильно пострадали, могут быть отложены.

6. Все официальные административные служащие в Пекине останутся на своих должностях, но из-за нехватки средств для временного правительства выплата всех окладов будет приостановлена на шесть месяцев.

7. В течение нескольких месяцев северным и южным войскам будет выплачиваться денежное довольствие, а офицеры останутся на своих должностях.

8. Когда временное объединенное правительство будет признано иностранными державами, международными отношениями будет непосредственно заниматься это правительство.

9. После определения государственной системы все иностранные займы и компенсации должны быть выплачены в срок, и провинции должны продолжать отправлять свои обычные взносы.

10. Указ, которым император передает правительство, должен быть напечатан, а копии обнародованы по всей стране. Также будет издан указ для солдат, чтобы ознакомить их и предотвратить мятеж.

И прежде чем я начну эту заключительную главу, необходимо будет объяснить, что дата написания помещена в начале из-за скорости, с которой изменения происходят в стране и среди людей. В сноске будет показан Указ, о котором идет речь. Он стоит особняком среди всех указов, которые когда-либо издавались в Китае. Из всех политических документов этот можно

рассматривать как тот, который потрясет самый центр мира, если он будет претворен в жизнь на практике. Это настолько важно, что для человека, находящегося в таком положении, в каком находится автор, в центре этой Империи, было бы бесполезно пытаться проанализировать, что именно это может означать. Во что разовьется эта Китайская Имперская Республика — ибо это то, что сейчас наступило, — может показать только будущее. Ни один живой человек не в силах предсказать это сегодня. Когда человек пишет, его перо путешествует с трепетом, опасаясь, что сообщение о том, что сегодня кажется незыблемым фактом, еще до публикации этого тома окажется в этой стране политической гибкости не чем иным, как абсурдом. Но, полностью отбросив личину пророка и делая свои повседневные выводы из повседневного опыта на протяжении китайской революции, теперь можно с уверенностью заявить без колебаний, что эта страна добьется международного прогресса, как никогда прежде.

Китайская Республика сейчас входит в число мировых держав.

У республиканцев Китая, только что родившихся для жизни, полной высочайших обещаний человечеству, теперь есть свободный путь. В них, если они мудры и добры, настолько мудры и добродетельны, насколько, по нашему мнению, они стремятся быть, мы вскоре увидим на горизонте Востока нацию, могущество которой в конечном счете будет преобладающим на земле, от целостности которой, несомненно, будет зависеть мир во всем мире. И в то же время, если республиканцы проявят все лучшее внутри себя, если им будет оказана иностранная поддержка, которой заслуживает их беспрецедентное политическое поведение, если они преуспеют в том, чтобы не допустить в свои ряды опасного духа стремления к власти и мелочной зависти - короче говоря, если они достигнут зенита могущества, которого от них ожидает Запад, они создадут свою страну, какой бы огромной она ни была, возможно, за меньшее время, чем потребовалось на смену эпохи в Японии, величайшей империи на Дальнем Востоке. Пока я пишу, Державы, как всегда, с рысьими глазами, наблюдают за Китаем. За последние четыре месяца за Китаем наблюдали так, как никогда не наблюдали ни за одной другой страной, и она разыграла свою великую национальную драму с ужасающей скоростью. У нее перехватило дыхание. Нервно, с удивительной уверенностью, исходящей от ее недавно завоеванной эмансипации, Китай вопросительно смотрит на Запад. Она знает, что все Державы внимательно следят за каждым ее движением через политические очки. Сделав решительный шаг, она знает, что все они ожидают, что она наконец вырвется из борозд веков — она почти выбралась из своих национальных глубин и с недоверием смотрит только на Власть Имущих, чтобы не выбраться из своих глубин. Она знает, что, хотя не все проявляют к ней искреннее дружеское отношение — ибо некоторые быстро набросились бы на нее, если бы оставили в покое, — ее долг перед самой собой - следить за своим политическим горизонтом как можно дальше. Протест китайцев против династии, правившей ими на протяжении двух с половиной столетий, прозвучал во всех частях Китая. Он не ограничивается одним или несколькими густонаселенными городами или провинциями, как предполагалось вначале, но этот протест против господства маньчжуров получил одобрение везде, где проживают китайцы. Никогда в истории ни одной революции народ не был так сплочен в своих чувствах и установленная власть так быстро не признавала справедливость этих чувств, как сейчас, когда Китай содрогнулся от центра до периферии. Карл I. защищал свою корону на поле боя и уступил только гению Кромвеля. Louis XVI. думал умиротворить своих политических врагов уступками столь унижительного характера, что лишился национального уважения. Оба этих короля лишились голов на эшафоте, один из-за своего лицемерия, другой - из-за своей слабости. До сих пор революционеры по всей стране не проявляли варварской жажды крови. Было

совершенно несколько отвратительных актов жестокости в связи с казнью их врагов. Часто они вырезали сердца и печень своих врагов и, пожирая эти человеческие органы и часто выпивая человеческую кровь, думали, что прибавили себе храбрости. Но такого рода вещи происходили лишь в очень сравнительно небольших масштабах. В целом, их поведение было хорошим. В высшей степени они заслуживали похвалы за их уважение к личной безопасности и собственности, а заявления их лидеров — генерала Ли, У Тинфана, Сунь Ятсена и других единомышленников - были достойны великой цели, которую они, по их словам, преследовали. Соединенные Штаты объявили войну Испании из-за жестокости по отношению к жителям Кубы, но сожжение Ханькоу и сообщения о массовых убийствах в Нанкине и других местах принижают бесчеловечные преступления, совершенные испанскими солдатами против кубинцев. Но все это было предшественниками Китайской Республики, и теперь эта Республика завоевана. Лидеры сейчас более чем когда-либо уверены в наступлении хороших дней.

Однако, чтобы никто не осудил доверие, проявленное ее лидерами и создателями Республики, мы должны помнить, что в самой густонаселенной стране мира за четыре месяца произошли реформы, которые пришли в другие страны, сражавшиеся за свою свободу только после многих лет ужасной войны. Возможно, мы, ожидающие от китайцев большего, чем, возможно, мы сами способны, склонны высмеивать усилия этой Республиканской партии и полагать, что все происходящее вокруг нас - всего лишь политическая выдумка. Мы склонны, возможно, почти полностью сбрасывать со счетов способности членов Республиканской партии, людей, которые по большей части выросли из посредственности нации. И я признаюсь, что сам был в эти месяцы активной войны среди тех, кто пессимистично взирал на меняющийся Китай. Но теперь, когда критические дни Революции пройдены, даже самый осторожный европеец в Китае — я имею в виду осторожность в отношении того, чтобы хвататься за политические соломинки, которые плывут по течению китайской национальной жизни, — даже он должен, если он беспристрастен, признать, что история не может показать нам параллели с тем, что ежедневно происходит вокруг нас.

Я прекрасно осознаю, что многие амбиции Республиканской партии в том виде, в каком она есть сейчас, в настоящее время нереализуемы. Я знаю, что многие из старых обычаев и коррупции, против которых так яростно выступали их лидеры, по самой природе вещей будут признаны необходимыми для продолжения. Я не могу, однако, сбрасывать со счетов чрезвычайную искренность главных лидеров, людей, которые, не имея никаких других мотивов, кроме стремления принести пользу своим согражданам, готовы усердно и ненавязчиво трудиться на постоянное благо своей страны. Это настоящие реформаторы. Многие из них на протяжении многих лет были настоящими реформаторами Китая, но их заслуга была ниже национальной. О них мало что было известно, и чаще всего их презирали как опасную группировку в стране. В прессе их поносили. Маньчжурское правительство охотилось за ними, чтобы довести их до смерти — во всяком случае, за лидерами. Однако были тысячи людей помельче, отправленных за границу, чтобы поджечь фитиль; но все они получили свои огоньки за счет национального бюджета. Это произошло, в основном, на марше образования, и сегодня утром, оглядываясь назад на прошедшие годы, я понимаю, что замечательно иметь возможность иметь в этом документе результат многолетнего труда просвещенных сынов Китая.

Со времени Указа о реформе 1898 года как в английской, так и в китайской прессе в Китае появилось больше статей на тему образования, чем на любую другую. Восхвалять образование вошло в моду — в Китае было зажжено бесчисленное количество палочек благовоний для

образования. Образование, однако, было средством победы Революции, и теперь образованные люди должны иметь полную власть. Для них, как никогда прежде, страна ищет правильного руководства: Китай всегда обращался за руководством к своим ученым, но это ученые нового типа, с новым типом знаний.

А образование, как было указано автором, посвященным китайским делам, - это своего рода дерево, приносящее плоды двоякого рода — добрые и злые. Это своего рода бензин, который может с бешеной скоростью вести человека или государство по пути прогресса, или же он может взорваться с катастрофическими последствиями для автомобиля и всех, кто находится на борту. Общее недовольство, преобладающее во многих ведущих странах, может быть непосредственно связано с более широким распространением образования. Промышленные классы в наши дни получают более высокую зарплату, их лучше кормят, они лучше одеты, у них лучшее жилье, и они работают более короткий рабочий день, чем когда-либо прежде, но благодаря образованию их стремление к еще более благоприятным условиям увеличилось в десять раз, и их усилия по их получению становятся все более и более решительными.

"На днях мы спросили ведущего революционера, - сказал цитируемый автор, - откуда взялись новые люди, которых направляют во все внутренние города в качестве мировых судей. Мы предположили, что в основном это были люди из старого класса магистратов, которых назначали повторно, но он сказал "нет". В основном это были молодые люди, получившие современное образование и на экзаменах показавшие себя наиболее пригодными. Если бы не они, по его словам, революции бы не было. Некоторые получили образование за счет Центрального правительства, некоторые - за счет провинций, многие - за свой счет, но все с целью последующего получения официальной работы. Этого им получить не удалось, поскольку офисы были открыты только для тех, кто мог позволить себе их приобрести, поэтому они решили воспользоваться ими, и они это сделали. Не то чтобы они жаждали служебных трофеев, но, подобно Наполеону, они чувствовали, что инструменты должны достаться рабочим и что они могли бы служить своей стране лучше, чем маньчжуры и денежные мешки, которых они хотели вытеснить".

Таким образом, образование в Китае доказало, что это другое название революции, а революция означает реформу. Теперь шанс реформаторов настал: мы должны дождаться их реформ. Сейчас не время говорить друг другу, увидим ли мы все, что можем ожидать, — это время придет в свое время. Но мы знаем, что, несмотря на то, что они добились успеха в этом национальном кризисе, настоящим реформаторам удалось донести слово "реформа" до уст каждого в Китае. Это утверждение сделано в широком смысле. В течение последних полутора десятилетий каждый призывал кого-то другого к реформированию, и каждый, казалось, указывал истинный путь. Это было результатом работы реформаторов, которые трудились в самых трудных условиях и с некоторым риском для собственной жизни, но теперь обладают всей полнотой власти в стране. Но в чем гениальность любой реформы и каковы элементы, обеспечивающие ее успех? Знаменитый немецкий философ, лауреат Нобелевской премии профессор Эйкен пишет: "Ядро реформы обычно заключается в создании существенного, оригинального и естественного фундамента, влекущего за собой устранение сети искусственности, излишеств и осложнений". Это верно, если мы взглянем на реформаторов древности, которые, в свою очередь, вернулись к более простому состоянию, когда элементарные принципы выделялись более отчетливо. Конфуций и Менций, как известно всем китайским студентам, постоянно ссылались на трех великих царей, когда правители желали

только блага народу. Американский народ, восставая против гнета Великобритании, стремился восстановить статус гражданства, каким он должен был быть в Метрополии. Они боролись за старую саксонскую свободу. Затем последовали их реформы.

То же самое и сейчас с китайцами. Во-первых, они должны усвоить существенные, оригинальные и естественные основы — свободы и справедливости. Однако насаждение в Китае идей, манер, обычаев и прочего, что веками сохранялось на Западе, не приведет к лучшему в Китае, на что способны люди. Они будут чужими. Давать китайцам образование только в соответствии с принципами, установленными на Западе как наилучшие для мужчин на Западе, не гарантировало бы, что из китайцев извлекут лучшее. Должно быть сочетание лучшего, что может предложить Запад, с тем, что было доказано как лучшее для Китая, бесспорно, на протяжении веков его замечательной истории. Ошибкой современных педагогов может быть, а может и не быть то, что при обучении китайцев они ограничиваются только западными предметами, не только не обращая никакого внимания на сохранение хорошего в китайском образовании, но и открыто препятствуя его продолжению. Это я считаю одним из слабых мест республиканской пропаганды — чрезмерное увлечение западным образованием за счет всего, что действительно имеет значение в жизни китайской нации. Республиканское мировоззрение повсюду наполнено всем иностранным. Каждый революционер показал, что у него должно быть мировоззрение иностранца — и это, возможно, со временем может превратиться в мировоззрение, совершенно неподходящее для миллионов китайцев.

Однако пока лидеры не совершили серьезных ошибок. Во всяком случае, реформаторам сейчас предоставляется шанс показать, на что они способны. Если они серьезно относятся к декларации в пользу Республики, то Соединенные Штаты кажутся подходящей моделью, *с соответствующими изменениями* подлежащей копированию. Поскольку император оказался бессилен держать в подчинении провинции Империи, между ними есть сходство с американскими колониями, когда последние отделились от британского правительства, чтобы основать свое собственное.

Но какова бы ни была их схема, практически провести немедленные реформы в этой стране будет нелегко — однако то, что они смогут придерживаться какого-либо одного плана, представляется едва ли возможным.

ГЛАВА XX

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМ

И в политическом водовороте в настоящее время невозможно предсказать, какой будет цель Республиканской партии.

Однако в нынешнем виде их целью является не просто свержение презируемой династии Маньчжуров и восстановление былой славы Китая. Одним словом, можно сказать, что республиканский идеал Китая - это право нации на мировое гражданство. Доктор У Тин Фан в своем мастерском обращении к иностранцам сказал: "Мы боремся за то, чтобы быть мужчинами в мире; мы боремся за то, чтобы свергнуть деспотичное, назойливое и тираническое правление, которое разорило и опозорило Китай, препятствовало иностранным нациям и бросало им вызов, и перевело стрелки мировых часов вспять".

В этом томе будет показано — и, действительно, никому, изучающему китайские дела, не нужно будет объяснять, — что характер и масштабы приготовлений, которые прогрессивные китайцы вели в течение последних двадцати лет, просто поразительны. Они, несомненно, есть. Китай, в равной степени остававшийся неподвижным на протяжении стольких веков, показал нам, что сейчас вопрос не столько в том, чтобы заставить его двигаться, сколько в том, чтобы удержать его от слишком быстрых движений.

Но, с другой стороны, я был в некоторых частях внутреннего Китая, где не заметно ни единого признака реформ в обычной жизни. Однако в деревне неизменно находилось один или двое из ученых людей, которые впитали в себя определенный дух реформ, несмотря на то, что они не могли постичь утопическую эпоху, провозглашенную в революционной литературе, которую они читали и которой страна была наводнена в течение многих лет. Теперь пришло время, когда эти шлюзы могут быть открыты. Во время значительных поездок по различным частям Китая я часто сталкивался с этими революционерами, которые при господствовавших тогда условиях правления казались заблудшими фанатиками. Именно из-за ограничений, наложенных на них маньчжурскими чиновниками, они не спешили открыто проводить свою революционную тактику и разрабатывать реформы, за которые постоянно агитировала их партия. В другой работе о Китае, опубликованной всего за шесть дней до начала революции, [1] автор в заключительном примечании написал следующее: "Я пришел посмотреть, как далеко современный дух проник в недра Китайской империи.... Человек должен начать снова, независимо от того, насколько смутно, воспринимать что-то из действующих причин. С приходом европейцев во внутренний Китай происходит трансформация, не естественное развитие постепенной эволюции, само по себе являющееся результатом подталкивания изнутри, но произведенное, напротив, искусственными средствами, в ожесточенном конфликте с врожденными инстинктами, унаследованными традициями, врожденными тенденциями, характеристиками и гениальностью, расовой и индивидуальной. В глазах китайцев старой школы эти изменения в бесконечно старых жизненных привычках ничего не улучшают и многое разрушают — все пусто, пресно, бесполезно для Бога и человека. Безвкусная оболочка, бесполезная шелуха древней китайской жизни все еще здесь, остается нетронутой во многих местах; но душа внутри неуклонно и верно, хотя и медленно, претерпевает процесс окончательной атрофии. Но, тем не менее, надлежащее открытие страны путем внутренних реформ, а не под внешним давлением, еще только началось на огромных территориях Империи, удаленных от Имперского города Пекин.... Я не могу не признать, что, хотя на большей части моего путешествия видны отчетливые следы реформ — я говорю, конечно, о отдаленных частях Китая — и некоторые очень яркие следы, а также реальное стремление дальновидных чиновников избежать унижительного международного положения, совершенно очевидно, что во всем, что касается Европы и Западного мира, люди и чиновники в целом единодушны в методах затягивания сроков, которые так дороги сердцу Небожителей, и в том особом

противостоянии европеизму, которым с самого начала был отмечен настоящий Восток. из современной истории".

В значительной степени, если бы я побывал в тех местах, где у меня сложилось вышеупомянутое мнение, я, вероятно, был бы склонен написать сегодня то же самое мнение - возможно, с одним отличием: это отличие было бы усилено заметным присутствием сегодняшнего вездесущего революционера. Он был там и раньше, работая молча; сегодня он работает открыто и без страха быть обезглавленным. И если, стоя издалека, мы сможем окинуть взглядом Китай, если мы сможем увидеть маяк революционизма (что означает реформы) и сможем правильно оценить огромную разницу в национальных мнениях, которую они в своем учении постоянно вызывают, и если мы также сможем заглянуть в будущее и представить Китай сосредоточенным на достижении одной конечной цели результирующего прогресса, несомненно, мы обнаружим нацию, обладающую такой же силой, какой она является сейчас по численности.

Но должны ли мы? Читатель сам должен ответить на этот вопрос. Если бы я мог без колебаний заявить, что мы должны. Я надеюсь, что так и будет; но никогда для достижения этой цели ни одна нация не нуждалась в более тщательном управлении.

Однако нельзя завершить этот том, не выразив надежду, что китайцы не проявят себя их злейшим врагом. Восхищаясь многими замечательными чертами их национального характера, готовые многим пожертвовать, чтобы возвысить их в самом прямом смысле этого слова, сегодня в Китае есть много людей, которые не могут не видеть, что властное отношение молодого поколения представляет большую опасность для общего блага. Китаю нужны сильные мужчины: ее сильные мужчины, многие из которых молоды, полны энтузиазма, неопытны в великих делах, которые у них сейчас в руках, должны оставаться сильными, им нужно прежде всего признать Правду. Ответственность за изменение национального характера четверти человечества остается на них. Они могут сделать это, только придерживаясь Истины и правильных принципов. Если они это сделают, они будут подниматься с высоты на высоту в национальных реформах и прогрессе величайшего блага. Без этого они падут и будут потеряны. Тогда конец Китая будет ближе.[2]

[1] "Пешком по Китаю: жизнь во внутренних районах и движение за реформы". J. W. Эрроусмит, Ltd. 16s. net.

[2] Ниже приводится газетное интервью с миссис Т. К. Уайт, принцессой Дер Линг:—

"Каковы причины падения маньчжурской династии?"

"Это долгая история. Этого ждали давно. Конечно, многие люди в Пекине ничего об этом не знали, но мы знали — наша семья. Мой отец верил, по крайней мере, со времен китайско-японской войны. Он сказал: "В течение десяти или пятнадцати лет в Китае произойдет революция, и это будет концом маньчжуров. В случае, если они реформируют страну прямо сейчас, все может быть в порядке. Но в противном случае они закончат к тому времени ". В то время они этого не хотели. Мы изо всех сил старались реформировать Двор во многих вещах. Вдовствующая императрица - в то время она правила — ненавидела реформы. Она была очень консервативна. Пока она жива, у нее не будет реформ, но, конечно, мы надеялись, что в случае

ее смерти воцарится император Кван Су. Он был бы за реформу; но мы знали, что он, вероятно, не доживет до конца; он умрет раньше нее. Этот Суд такой загадочный во всех отношениях — рассказывать слишком долго.

"Китай столько лет был старой, консервативной страной. Они придерживались старого стиля, и, конечно, старшим поколениям это нравится, потому что это в их интересах. Именно сейчас молодые люди, которые побывали за границей и получили образование, хотят западной цивилизации и свободы. Если бы они не видели ничего лучшего, они бы ничего не знали. Но они начинают понимать, как хорошо в Америке и как тяжела жизнь в их стране, и я не виню их за то, что они вызвали Революцию. Я бы сам так сделал. Я ненавижу старые обычаи. Но наша семья была одной из первых прогрессивных семей. На самом деле, я должен сказать, что, вероятно, среди маньчжурских семей таких, как мы, очень мало.

"Мой отец хотел реформ. Я помню, как он говорил об этом с тех пор, как мне было четыре или пять лет. Первое, что он хотел, чтобы мы изучали, был английский. Мы жили в Шаси на реке Янцзы, а потом в Ханькоу, и он отправил нас в миссионерскую школу. Все его друзья протестовали против этого и говорили, что он прогрессивен и хочет продать свою страну иностранцам, вот почему он хотел, чтобы его дети получили иностранное образование. В то время люди называли его "бунтарем". Он был очень прогрессивным. Его это несколько не беспокоило. Он хотел, чтобы мы учились, и мы учились.

"Правительство было несправедливым. Оно работало только для себя. У него не было хороших министров. Главы различных советов директоров в Пекине были коррумпированы. Сначала вдовствующая императрица, когда она была жива — точно так же, как она это делала, делали все. Они выжимали. Каждая должность в Китае была куплена, каждая официальная должность — все вице-короли и таотай. Это было так. Если вы премьер-министр, я прихожу к вам с кучей денег и хочу эту работу. Вы говорите "Хорошо". Ты берешь у меня деньги, а другой человек дает немного больше, и ты все равно принимаешь мои деньги, и его тоже. Они оставили хороших людей без работы и поставили на их место нечестных людей. В этом причина Революции. Они хотели, чтобы с ними обращались справедливо. У каждого есть возможность или должна быть, но пока правит маньчжур, правит регент — фактически, ни у кого не может быть шанса, кроме тех, кто платит свои деньги".

"Почему маньчжурские принцы и высшие чиновники так неэффективны?"

"Маньчжуры не хотят учиться. Они такие великие, что теряют головы — во всяком случае, они так думают. Старые маньчжуры не были такими - то есть маньчжуры стали плохими около восьмидесяти лет назад. До этого все они были способными людьми и справедливыми в своих суждениях. Сейчас они вообще ничего не хотят знать; они такие тщеславные, и с ними невозможно разговаривать".

"В чем главный источник их неэффективности — в их характерах, обучении или привычках?"

- Тренировки, конечно. Видите ли, все их хвалят. Все, чего они хотят, - это удовольствия. Молодые принцы в королевской семье думают только об удовольствиях. Регент не хотел учиться, когда был мальчиком, как и его братья. Его отец бывал в ярости, но, конечно, мать встала на его сторону и вместо того, чтобы отправить его в школу, отправила играть. Другое

дело, конечно, что сам регент слабоумный. У него вообще нет характера. Я говорю это по личному опыту. Я много раз разговаривал с ним".

- Как они воспитываются во дворце и как это влияет на их взгляды на правительство?

"Это великая ошибка в Китае - так воспитывают императора. Покойный император Кван Су заслуживал большого уважения. Он вырос в Запретном городе настолько замкнуто, что не мог видеть никого, кто имел бы вообще какое-либо образование, и целыми днями играл с евнухами. Евнухи - самые обычные люди в Китае. Таким образом, у императора не было возможности поговорить с людьми с опытом, чтобы он мог стать хорошим губернатором. Но император Кван Су был воспитан именно так, и у него все еще была идея реформ, и я думаю, что он заслуживал большого уважения. Маньчжурский закон очень строг в том, что дети должны быть вежливы со слугами своих родителей, поэтому маленький император должен быть вежлив с евнухами; в противном случае они могли бы доложить вдовствующей императрице. Это очень плохой обычай. Если этот маленький император будет воспитан таким образом, он ничего не добьется. Нынешняя вдовствующая императрица - очень милая женщина. У нее, конечно, есть некоторое китайское образование. Несколько лет назад все было бы в порядке, но сейчас мы хотим чего-то нового, чего-то другого. Нет смысла придерживаться старых книг, написанных тысячи лет назад. Мы хотим новой цивилизации сейчас. Конечно, в то время у них была идея закрыть дверь и не пускать всех иностранцев, чтобы они не могли беспокоить нас. Сейчас они не могут этого сделать; у нас должно быть что-то новое".

- "Не будете ли вы так любезны проследить и описать влияние вдовствующей императрицы при Дворе и объяснить, почему этот персонаж является такой важной фигурой".

"Таков закон маньчжурии. Если император молод и она правит за него, у нее вся власть. Он всего лишь номинальный глава. Даже если она уйдет в отставку, как это сделала старая вдовствующая императрица, император должен будет пойти к ней и посоветоваться относительно своих дел. Внешний мир думал, что Указы исходили от императора, но на самом деле они были от нее. В случае чего-то важного он должен был пойти в Летний дворец и задать ей вопросы. Покойная вдовствующая императрица хотела власти. Она единственная известная вдовствующая императрица в истории Маньчжурской династии. Нынешней все равно. Она знает, что не может управлять этими вещами, и ей все равно.

- Что за женщина нынешняя вдовствующая императрица?

"Она мягкий, тихий, ненавязчивый человек, довольно равнодушный. Она очень хорошо знает, что не может сравниться со своей тетей, покойной вдовствующей императрицей.

"Какую роль она, вероятно, сыграет, если малолетний император останется на троне при конституционном правительстве и китайском регентстве?

"Если говорить с личной точки зрения, она предпочла бы уединиться и вести себя тихо. Кое-что произошло, пока я был во дворце, и мы спрашивали ее мнение. Она говорила: "Я не хочу ничего говорить, потому что не думаю, что это правильно". Она говорила: "Я не способна рассказать тебе и вообще ничего не могу сказать". Она вообще не хочет управлять правительством. В этом я уверен. Единственное, чего она хочет, - это мира. Она, безусловно, страдала всю свою жизнь. Хотя она была ее племянницей, старая императрица обращалась с ней очень подло.

-У нее есть какая-нибудь реальная власть?

"Нет. Но она ничего не хочет. Однажды мы говорили о разных вещах. Во время одной из аудиенций старая вдовствующая императрица велела ей пригласить иностранных дам на угощение. После окончания аудиенции я спросил ее, как бы она хотела действовать на месте вдовствующей императрицы после смерти вдовствующей императрицы. И она ответила мне: "Это зависит от обстоятельств. Если бы я была императрицей Китая, я бы это сделала, но не как вдовствующая императрица ". То есть, если бы ее муж был императором, а она императрицей. "Если бы у меня был сын, мне пришлось бы зависеть от него. У меня нет сына, и если бы это было так, мне пришлось бы усыновить его, и это было бы то же самое, что вдовствующая императрица и Кван Су."

- Не могли бы вы, пожалуйста, описать личность и характер бывшего регента и его братьев?

"Бывший регент Цай Фэн; он очень глупый человек, слабоумный человек, очень консервативный. Никто не может обсуждать с ним реформы. Кто-то однажды попробовал это просто ради забавы, и он сказал: "Наши предки так не поступали, и я не понимаю, почему мы должны это делать". Конечно, он поддерживает Консервативную партию. Два его брата не такие. Они оба были за границей, в Европе и Америке тоже. Но, конечно, у них тоже не так перегружены мозги. Это те трое, о которых я упоминал некоторое время назад как о очень бедных. Все, чего они хотят, эти два брата, - удовольствия. Есть одна вещь, которую я хочу сказать; когда я был за границей, молодой принц, Цай Чен, приехал на коронацию короля Эдуарда. Проезжая через Париж, он заехал к нам. Я был очень удивлен. В то время прогрессивных людей было очень мало. Четыре месяца спустя я вернулся в Пекин и застал его совсем в другом месте и за тем же делом с двумя братьями бывшего регента. Когда они были за границей, их головы были полны реформ для Китая и стремления сделать Китай похожим на Европу и Америку, и как только они вернулись в Китай, они были довольны тем, как живут люди. Я был очень удивлен. Однажды я спросил его, в чем дело. Он сказал: "Мы должны жить в этой стране и быть такими, и должны быть довольны этим".

-Кто же тогда обладает реальной властью среди маньчжурской знати?

"Это зависит от момента. Сейчас ни у кого нет власти. Предполагалось, что это будет бывший регент, потому что он был главой ".

"Способны ли маньчжуры к регенерации?"

"Сомневаюсь. Они этого не хотят. На самом деле, и моя мать, и я сделали все, на что действительно осмелились, чтобы донести до вдовствующей императрицы нашу точку зрения на вопрос о реформе. Тот факт, что мы могли говорить на большем количестве языков, чем наш собственный, естественно, вызывал у людей при Дворе и за его пределами зависть и подозрение по отношению к нам. Они были уверены, что мы пытаемся повлиять на вдовствующую императрицу, чтобы она переняла некоторые иностранные идеи, которые мы накопили за время нашего пребывания за границей, и один наш особенно хороший (?) друг, принц На Юнг, рассказал всем, что моей матерью была женщина Кан Ювэй.

"Одно: они должны воспитывать маньчжурских младенцев по-другому и отправлять их за границу. Тогда, вероятно, появилась бы какая-то надежда. В этом молодом поколении, как и в экс-регенте, течет общая кровь. Мать принца-регента и двух братьев была наложницей принца

Чанга, отца экс-регента. И эта женщина была рабыней. У нее не было образования. Принц Чанг умер, оставив мальчиков очень маленькими, и у них, конечно, не было возможности. В них течет кровь их матери, и они в точности похожи на свою мать. Все это поколение происходит от наложниц.

"Моя идея в том, что пока у китайцев будут наложницы, они не будут прогрессировать. Это обычная кровь. Моя идея заключается в том, что первой реформой должна стать отмена бизнеса наложниц. Допустим, у некоторых чиновников есть дочери. Они не хотят, чтобы их дочери были наложницами; они должны быть настоящими женами, поэтому наложницы должны быть рабынями или плохими женщинами. Теперь, как они могут рожать прекрасных сыновей? У них общая кровь. Однако есть одна вещь: императорские наложницы выбираются из дочерей маньчжурских чиновников — дочерей первого и второго ранга, не ниже. Они считают себя просто рабынями. Это ужасная жизнь. Покойная вдовствующая императрица была наложницей. Ее выбрали, когда ей было семнадцать лет. У нее родился сын, и таким образом она обрела власть. Ее сыном был император Тун Чжи, который умер, когда ему было девятнадцать. Я знаю о девичестве старой императрицы и когда-нибудь напишу об этом. Она ужасно страдала после того, как обратилась в Суд.

"Что в первую очередь нужно сделать в Китае для проведения реальных реформ?"

"Начиная с семьи, самая первая реформа, которую следует провести, - это покончить со второстепенными женами. Следующий важный шаг, если не самый важный, - это полное обновление официальной системы. Хорошо известный факт, что правительство теряет три четверти доходов, на которые оно имеет право, из-за официальной системы давления, и перенаправление давления, которое сейчас идет в карманы чиновников, в карман правительства немедленно даст правительству возможность располагать достаточными средствами для проведения других реформ, которые они задумали. Следующий шаг - перевести финансы Китая либо на серебряную, либо на золотую основу, в зависимости от того, что будет сочтено лучшим для страны, и ввести универсальную систему чеканки монет, тем самым избавив деловых людей Китая от огромных потерь путем постоянного внутреннего обмена".

- "Как ты думаешь, маленького императора можно вырастить способным правителем нации?"

"Это зависит от того, как они его воспитают. Если они воспитают его так, как воспитывали старого императора во дворце, и никто его не увидит, кроме евнухов, которые составят ему компанию, он будет таким же, как любой другой император — он ничего не будет знать".

-Какое у него должно быть образование и окружение?

"Ну, тренировать его ум нужно начинать с детства. Они такие ограниченные, эти люди при Дворе. Эти евнухи, чтобы снискать расположение вдовствующей императрицы, восхваляли покойного императора, что бы он ни делал, и баловали его. Воспитайте этого ребенка как обычного маленького мальчика — для начала простое образование. У него есть идея, что он будет Императором, и, восхваляемый этими людьми, он станет тщеславным, нынешнему Императору сейчас пять лет; его китайский возраст - шесть. Я очень боюсь за этого маленького мальчика. Я скажу вам почему — его мать такая обычная. С отцом его матери все было в порядке; он был крупным маньчжурским чиновником; но мать его матери была рабыней, купленной в Янчоу, и это вызывает неприязнь у его матери, жены бывшего регента. Конечно, мы

много говорим о "крови", но если он воспитывается среди этих людей — семья ничего не знает — он не может многого добиться. Они все такие невежественные".

"Какую роль будут играть маньчжуры всех мастей в Китае при конституционном или республиканском правительстве?"

"Возможно, многие люди не согласятся со мной, но я знаю. Республиканская партия настолько сильна; маньчжуры уйдут куда-нибудь и просто будут молчать. У них не хватит духу сражаться; они уйдут. Кто хочет протестовать против этого? Предполагается, что это будут экс-регент и два его брата. Они производят так много шума, но не осмеливаются ничего предпринять. В семье нет сильного характера. Все они большие трусы. Вот почему я сомневаюсь насчет маленького Императора.

- "Какое правительство, по вашему мнению, лучше в настоящее время?"

"Моя идея, конечно, не республика. Я предпочитаю своего рода Ограниченную монархию - Конституционную монархию — на данный момент. Единственное возражение, которое у меня было бы против Республики, это то, что в ней так много партий — так много провинций. Сейчас они все вместе, но после того, как они получают то, что хотят, они разделятся и будут сражаться друг против друга. Таков характер китайцев. Мало-помалу, после того как все люди, молодое поколение, получают образование, созреет время для Республики".

- Не будете ли вы так любезны предоставить мне генеалогию младенца-императора, показывающую, какая часть китайской крови в нем есть.

"Он сын бывшего регента. Бывший регент наполовину китаец, потому что его мать не была маньчжуркой. Мать маленького императора примерно на три четверти китайка; мать матери маленького Императора была чистокровной китайкой; ее отец был наполовину китайцем. Таким образом, получается, что она на три четверти. Так что в маленьком императоре больше китайской крови, чем маньчжурской. Кровь ужасно перемешалась за последние сорок лет или около того, потому что все они покупали наложниц. Братом экс-регента был император Кван Сюй. Он был единственным сыном законной жены принца Чанга, сестры покойной вдовствующей императрицы.

- У Юань Шихкая есть какие-нибудь причины любить маньчжуров?

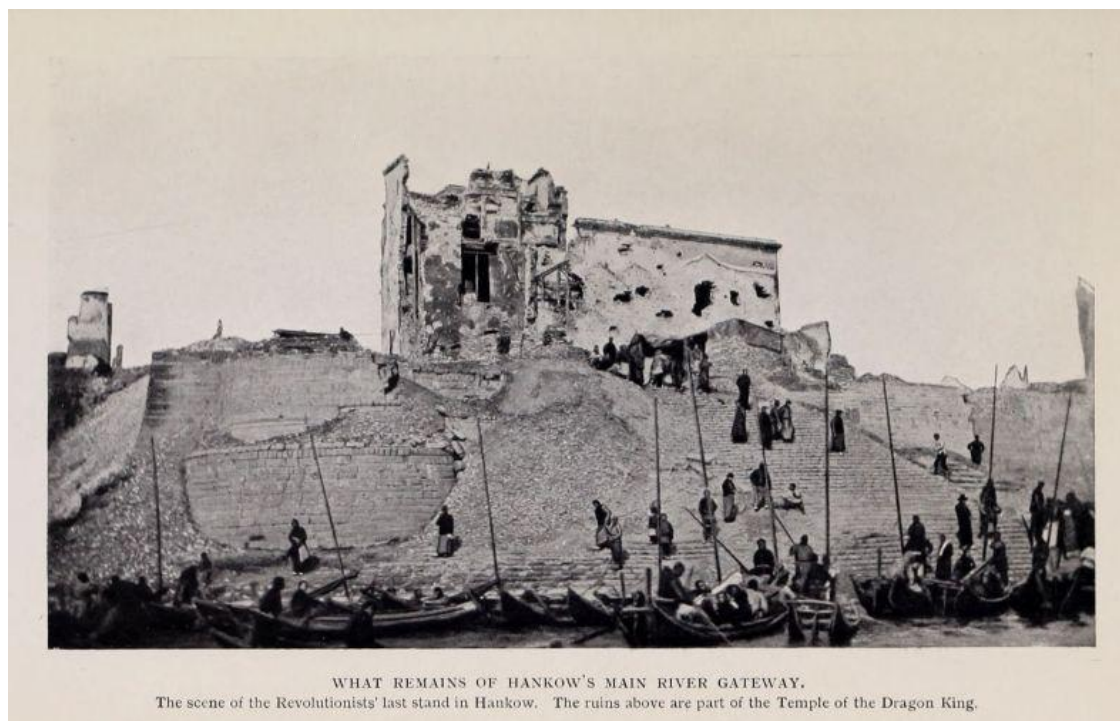
"Нет. Я не говорю, что он любит маньчжуров. Он очень умный человек и видит ситуацию. Он знает, что лучше для страны. Я не могу сказать, что он любит маньчжуров, хотя он был фаворитом покойной вдовствующей императрицы. Она всегда доверяла ему. Она видела, что он способный человек. Покойный император хотел реформ, но не знал, как к ним подступить. Юань Шихкай знает, как к этому подступить; он один из прогрессивных людей".

- "Если монархия будет сохранена, какие реформы следует провести в общественной жизни двора?"

"Они стараются не с такой целью. Вдовствующей императрице следует брать уроки. Она довольно хорошо информированная женщина. Она читала некоторые иностранные исторические книги, переведенные на китайский. Она хочет учиться и воспитывать императора. Моя идея - воспитывать его как иностранца. Видите ли, в Китае не учат императора любить свой народ и свою страну. Они этого не делают. Моя идея состоит в том, чтобы научить его любить

свой народ и свою страну и дать ему понять, что он несет ответственность за эту великую нацию и что он должен поступать справедливо по отношению ко всем. Конечно, это тяжело, но так и должно быть. Научите его исполнять свой долг перед своим народом. Тогда это во многом зависит от того, на какой жене он женится. Я начинаю думать, что нет подходящей девушки, чтобы выйти за него замуж. Он должен жениться на маньчжурке, а у маньчжурских девушек нет образования. Любая маньчжурская девушка была бы неуместна в качестве императрицы. Моя идея заключается в том, что независимо от того, как они изменятся, они должны сохранить свой маленький старомодный закон. Они не могут отменить это сразу. Я знаю маньчжуров, которые годами жили в Америке, и они даже после этого думали, что обычаи в их собственной стране были лучшими. Как они могут так думать? Я маньчжур и вижу вещи в другом свете с тех пор, как мне исполнилось десять или двенадцать лет. Тогда я решил, что не буду ни под чьим началом. Мой отец всегда говорил мне: "Ты такой же хороший, как и все остальные".

"Двор так отличается от любого другого Двора. Люди не привыкли к таким вещам, на это потребуется время. Прежде всего, у них должны быть настоящие придворные дамы. Эти принцессы ничего не знают. Все, чего они хотят, это власти — они не знают, как ее использовать. Что они могут сделать с властью? Образованные придворные дамы не захотят оставаться с этими невежественными женщинами. Им пришлось бы все время сражаться. Моя жизнь была совсем не сладкой, пока я была там. Правительство - это то же самое, что китайская семья. Происходит так много бессмыслицы. Теперь эти бедные девушки воспитаны по старинке, и, конечно, они довольны, потому что не знают ничего лучшего, а когда они выходят замуж, то переходят в семью своего мужа и подвергаются плохому обращению со стороны свекрови. Видите ли, китайское учение совсем другое; оно всегда учит женщину быть терпеливой. И, конечно, в случае с китаянкой, которую родители отправляют за границу, когда она возвращается, она уже другая девочка, и ее матери это не нравится. Она не будет слушать мамин бред. Какие-то глупые мелочи, которые они совершают в семье; они настроили китайскую консервативную партию против прогрессивной. Мои друзья такие же — бедные девочки просто страдают. Я бы хотел, чтобы у них не было иностранного образования".

WHAT REMAINS OF HANKOW'S MAIN RIVER GATEWAY.
The scene of the Revolutionists' last stand in Hankow. The ruins above are part of the Temple of the Dragon King.

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ГЛАВНЫХ РЕЧНЫХ ВОРОТ ХАНЬКОУ.

Сцена последнего сражения революционеров в Ханькоу.

Руины наверху - часть Храма Короля-дракона.

[Примечание переписчика: эта страница была полностью занята частью сноски 2, которая теперь целиком находится на странице 291.]

[Примечание переписчика: эта страница была полностью занята частью сноски 2, которая теперь целиком находится на странице 291.]

[Примечание переписчика: эта страница была полностью занята частью сноски 2, которая теперь целиком находится на странице 291.]

[Примечание переписчика: эта страница была полностью занята частью сноски 2, которая теперь целиком находится на странице 291.]

[Примечание переписчика: эта страница была полностью занята частью сноски 2, которая теперь целиком находится на странице 291.]

[Примечание переписчика: эта страница была полностью занята частью сноски 2, которая теперь целиком находится на странице 291.]

[Примечание переписчика: эта страница была полностью занята частью сноски 2, которая теперь целиком находится на странице 291.]

"АНВИН БРАЗЕРС, ЛИМИТЕД", ИЗДАТЕЛЬСТВО "ГРЭШЕМ ПРЕСС", УОКИНГ И ЛОНДОН.